

Григорий Гольденцвайг

КЛУБ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

**хроники
арт-директора**

УДК 882-32
ББК 84Р-44
Г60

*При оформлении обложки
использовано фото Анастасии Савельевой*

Гольденцвайг Г.

Г60 Клуб, которого не было / Григорий Гольденцвайг. — М.
«Захаров», 2009. — 240 с.
ISBN 978-5-8159-0954-0

Ни с того ни с сего известный журналист Григорий Гольденцвайг удирает из насиженного корпоративного кресла в ковбойскую историю — открывать ночной клуб. С первых недель существования о клубе «Икра» заговорила вся клубная Москва, а Гольденцвайг превратился в одного из главных промоутеров в стране. Получилось ли все так, как он хотел? И что такое, собственно, клуб?

В этой книге не придумано ничего. Клубные хроники Гольденцвайга — о Москве 2000-х, ее людях, ночных и дневных, и о том, почему любить этот город стало вдруг так сложно.

...So what did we learn from this? Nothing!

«Burn after Reading», братья Коэны

А и к чертовой бабушке эту вашу работу.

Школьника нашли, вот еще.

И каждый день, и к одиннадцати, и предупредить заранее, потому как рекламный с маркетингом тебя обыскались и никто не знает, где ты и что ты. Так зачем рекламному с маркетингом знать, где и что? Какое их дело, почему у меня в кармане ключи от чужого пентхауса за тысячу километров от рабочего столостула и зачем я там ошивался в ноябрьский понедельник без уведомления вышестоящих органов? Органы теперь дружески прорабатывают меня в курилке: знают ведь — не курю, ан демократичнее угла для распеkania не нашлось.

Не знаю, кто как — я московский телефон обычно в самолете гашу с нескрываемым наслаждением. Про это, наверно, уже с десятков дармоедских диссертаций написали — как без мобильной зависимости крылья расправляются, какие комплексы ликвидируются и какие фобии тому виной. Фобии признавать не хочется. Но увидеть перечеркнутую батарейку на дисплее ненавистного, ободранного, самого дорогого из известных человечеству в этом сезоне коммуникаторов — лучший аккомпанемент к глотку шампанского на утреннем рейсе. Место 21F (девушка, я знаю, что нельзя, вы меня туда зарегистрируйте, а я с бортпроводниками договорюсь). Растянуться у туалета на три кресла, в то время как весь самолет жметя друг к другу по шестеро в ряд; московский телефон ритуально умертвить; и зевать после ночной — а без ночной нельзя, в предынфарктное Шереметьево кроме как на рассвете ездить — увольте, психика не готова.

Вылететь из города, соблюдая все правила поведения на сафари. В пробки не попадаем, в глаза не смотрим, не

высовываемся, не провоцируем. И можно жить. Жизнь начнется за упитанным боком пограничницы в стеклянной будке. В пятницу, как рассветет. Жизнь с ленивыми велосипедными прогулками, божественно скучными обедами, перебежками целый день в ветровке с балкона на балкон, с солнечной стороны на тенистую — только, чур, кошек на крышу не выпускать. На другом боку пограничницы жизнь в воскресенье и приостановится: Москва для этой жизни патологически не годится. В Москве работается, зарабатывается, чтобы работалось, и оттого работается еще лучше. Каждый день я рисую по бюджету на следующий год, на год через год, на пятилетку, а органам все мало; эти бюджеты меня, право, переживут. Поэтому назад не в воскресенье, а во вторник. Вот. Что делал? Ничего не делал, кошек кормил и в одиночестве торчал на полутемном балконе: по всему городу на подоконниках свечи горят. Там рано темнеет, и мне это по нраву.

Ты, гневно изрекают органы, не хочешь быть офисной крысой. Этого только не хватало. Я, кажется, единственный в этом остромодном журнале, кто общается за жизнь с уборщицами, доплачивает курьерам за личные передачи и не ржет за спиной у забегающих, втянув голову в плечи, менеджеров по рекламе. Я стоически осваиваю ненавистный power point, клепаю за ваши деньги никуда не годные презентации, считаю опекуны и капексы, соединяю искусство с баблом в союз нерушимый. К работникам офиса неуважения не имею.

Нет, я, конечно, в курсе развития событий, банда башибузуков во вьетнамскую фабрику уже на моих глазах превращалась. Было совещание и был сигнал. Розовощекий менеджер по региональному развитию (дорогая мама, у якудзы — региональное развитие!) погрузил толстые губы в капучино, отхлебнул громко и доверительно сказал: «Нам надо думать о том, как продвигать эту хуйню в регионы». В ту же секунду национальная идея накрыла и этот успешный журнал с эксцентричными бородачками, сиськами восьмого размера и неврастеничными актрисульками на обложках. Хуйню в регионы — идем в ногу со временем.

Так боже ж упаси, не посягаю я на вашу хуйню. Только график моих рейсов трогать не надо: моему личному Западному Берлину этот Тегель по состоянию психики полагается, наряду с отменой воинской повинности и налоговыми послаблениями.

Бу-бу-бу-бу-бу — ну вот, так всегда, принес домой плохое настроение, никаким «Automatic for the People» теперь не выветрится. Алексею из маркетинга звонить жаловаться — бег по кругу: его самого достало, он на недвижимость, правда, может разговор ловко переключить, но сегодня к этому чтению Торы я не готов. Таньку набирать — у нее фестивали-выставки-концерты, она ими отсутствие собственного запасного аэропорта драпирует, к ней за неделю на совместное распитие надо записываться, не меньше. Да мало ли. Зря они меня раззадорили. Я б еще год-другой-четвертый посидел, поддался бы на родительские уговоры, в ипотеку влез, с худосочной белой зарплаты причитающееся выплачивал, визитные карточки ладного дизайна раздавал да с корпоративного балкона на крышу ресторана «Пушкин» поплеывал. Машину, наверно, все-таки не купил бы: офис в Большом Гнездниковском, я в Малом живу, и когда там у населения пробки и где парковки — мне до лампочки. А в остальном — хороший бы получился менеджер. Со временем.

Китайские фонарики на кухне поменять на свежий бамбук. И к бабушке все это. К бабушке. К бабушке.

Наташа звонит вечером. Я бегу по переходу, краем глаза прочесываю ассортимент ларьков (светопредставление: на Тверской начали торговать журналами Wire и Q) и Наташу слышу совсем урывками: «Тебе позвонит... Попробуй... Знаем, что крепко сидишь... Ни к чему не обязывает... Наташа — суицидальная тростиночка, Ума Турман польско-белорусских кровей. По диплому режиссер культмассовых мероприятий. Язва. Из-за Наташи молодые люди регулярно обещают поубивать то друг друга, то себя, то саму Наташу. Наташа про это с какой-то пионерской гордостью всегда рассказывала: а наше звено опять первое по

макулатуре! — я слушал рассеянно, потому как это ведь для девочек рассказ, а мы с Наташей просто дружили, пока она очередной Лучший Музыкальный Клуб пиарила на всю страну. Наташа недавно приехала из Витебска, и до Лучшего Музыкального на Маяковке ей с улицы Правды было полчаса пешком.

В какой-то момент жизнь изменилась: Наташа приехала ко мне на миниатюрном джипе с коробкой эклеров и горделивым рыжим окрасом. Сообщила, что жизнь удалась, бойфренд — герой, прикупил клубик и теперь они там с девочками тестируют выпекателей эклеров и прожигателей винила. Блюдо из-под эклеров я на память приватизировал — и тогда же про Наташину радость бодро отпартовал в модном журнале.

Пока у Наташи в «Думе» салон Анны Павловны Шерер, неведомый мне бойфренд, оказывается, еще один клуб прикупил. Арт-дивизион собирает.

А я — и сам об этом постарался забыть — втирал населению про клубную жизнь четыре года. Это я, начинающий клевать носом уже в четыре. Я, никогда не пробовавший кокса. Я, которому по барабану искания диджеев с района, если это не умница Антон Кубиков или друг Миша Ковалев. Время вышло: мне двадцать восемь, еще чуть-чуть — и будешь себя чувствовать в клубе воспитательницей на детском утреннике. Тоже мне радость. Какой там крем от морщин наш дыюти-фри рекомендует? Нет-нет, очевидно: если человек в тридцать по клубам шарашится — или он там работает, или ду-ду; поэтому, пока песок не посыпался, пора самому менять поле деятельности — и поменял, и тему закрыл, и в три часа баиньки, и в клуб восточнее Стокгольма — ни ногой.

Так, говорит Наташа, он тебе позвонит с предложением. У журнального киоска в переходе связь прерывается.

Дело государственной важности — впервые переговариваемся не на нарядном балконе над «Пушкиным», а в закупоренной переговорной в подвале. Открывается клуб, клуб открывается; нужна команда, команда нужна. Нормального

хедхантинга — с бабой в строгом костюме, пролистыванием резюме и вопросами о социальном пакете — в этой жизни у меня не будет. Сидим на столе, болтаем ногами. Игорь стрижен под ноль, и это мне непривычно, потому что в последний раз я его наблюдал лет пять назад с очень приличным хайром; но знакомы мы тогда толком не были. Я у него интервью брал. Допытывался, зачем он нетленку Depeche Mode доверил перепевать на трибьют-альбоме «Тараканам!» и школьнице по имени Пелагея.

Игоря позвали строить клуб. Игорь перечитал подшивку модного журнала — и вызвонил меня. Спасибо, добрые люди заранее предупредили.

Я-то про себя согласился еще до того, как мы заперлись в подвале (спасибо органам — клуб, баня, зоомагазин: меня сейчас все обрадует). Для вида воздымаю очи горе и медленно кручусь в кресле. Десять с чем-то лет назад Игорь, выпуская музыку по западным лицензиям, не подозревая о том, внес в систему моих координат Ника Кейва, Dead Can Dance, Prodigy, Depeche Mode, которых он отчаянно издавал и продавал здесь в штормовые девяностые. Они появились в моем списке и раньше — но те пиратские кассеты с ксерокопированной обложкой, что покупались в ларьке на Новом Арбате, были слизаны с его релизов. Мне кажется, он на девяностых так и не заработал.

Десять лет назад я бы сошел с ума от счастья, если бы он мне предложил отвечать на телефонные звонки.

Наташе я вынес мозг — по деньгам не кинут? Не рискованно? Серьезно? Наташа хмыкнула и с неподдельным задором продолжила: «Клубный бизнес — помойка. Всегда и при любой погоде. Но тебе будет интересно. Смотри, как знаешь».

— Про белую зарплату я поговорю, — чешет подбородок Игорь. — Ну и трудовую можно положить.

Это аттракцион неслыханной щедрости — или обычный блеф: количество туго стянутых резинкой денежных котлет, только на моих — посторонних — глазах передававшихся в грязных арт-директорских закутках по всей Москве, от «Дягилева» до «Китайского летчика», доходчиво свидетельствует: белого в этом виде искусства нет ничего.

В трудовой решаем записать «арт-директор». Клуб будет Лучшим Музыкальным. Иначе зачем он нужен. И пятьсот долларов еще прибавить. Для моральной компенсации за отсутствие на новом месте балкона над «Пушкиным».

— А это ничего, что так? — показывает Игорь на приоткрытую дверь, ведущую к секретарям.

— На этом этаже, думаю, ничего, — серьезно отвечаю я.

Секретари стукнут наверх через пять минут. Мне наплевать. Я распечатаваю пачку новых визиток, снимаю защитный оттиск и ковыряю визиткой в зубах.

Бред, безумие, маразм.

Армия курьеров, ассистентов, IT, автоответчик на двух языках, высокоскоростной интернет, письма из Пенсионного фонда раз в год со свидетельством о сэкономленном в пользу пенсии и куда-то там еще — вот это вот менять на пентиум из детства, факс (не работает) и шатающийся стул в сарае у Курского вокзала? Понятно бы — на хижину в Гоа или на нелегальный труд в пятой зоне Лондона, но как же, как же так? Там у входа в сарай — пардон, в офис, — прямо и налево, тетка с пучком сидит, крутит диск телефона и вопит в трубку: «Корейку, корейку мне привези!» Там секретарши по блютусу друг другу шутки из Comedy Club скидывают. Это ужас просто: в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов — что там с кандидатской и пятью (ОК, четыремя) языками делать? Спасибо говорить, когда бухгалтерша в люрексе похвалит шарфик полосатенький (Paul Smith, мама, премного благодарен), а путь к столу через бухгалтершу лежит, иначе никак — тесно?

Не заставляет никто, слава богу, — бочком-бочком можно дальше бюджеты клепать и восстанавливаться по пятницам в кресле 21F, а там, глядишь, и хуйня в регионы сама потечет, ассистент персональный, и на стоимость такси не надо внимания обращать. Ужас что такое этот study visit — мне от этого рабочего места дурно заранее, в голове больше ничего не укладывается. Главное — не выдавать друзьям подробностей и родителям — ни-ни: съедят.

Если и есть на свете граждане, которых бог целует в макушку, то создателей Курского вокзала — страшно подумать, куда поцеловали. Грязь, бомжей, спертый, с неизменной нотой перегара воздух сюда будто каждую ночь подвозят спецэшелонам, в интервале между поездами из Луганска и Донецка, строго по расписанию. Эскалаторы, прогнившие еще во времена моего детства, лабиринт переходов и проходов к поездам через палатки с дошираком, кассетными магнитофонами и плюшевыми зайцами, печать проказы на разваливающемся, давно не мытом теле — никто не помнит другого Курского; и, пожалуй, единственная вставная челюсть, которая ему к лицу, — пластмассовый «Атриум» с кафе, зеленью, манящими стеклянными дверями. «Атриум», заслонивший вокзал от чувствительного местного населения своей сплошной, непробиваемой задницей. Вид на задницу с парадного входа Курского — крайне убедителен. Даже самый толстокожий житель Луганска смекнет: не ждала и не скучала столица. Родина-мать зовет: вон отсюда, быстрее, в прекрасную столичную даль, по засоренному кишечнику подземных переходов, минуя пузатых таксистов, примагничивающихся к каждому обшарпанному чемодану, мимо сколоченных по принципу зимбабвийской хибары камер хранения, сточных канав, где, свесив головы в ручейки мочи, спят местные, мимо усатых продавщиц чулок в туго намотанных на лоб черных платках. Мимо худосочных скинов, крутобедрых африканок из соседней общаги с электрошоком в сумочке, блохастых псов, привязанных к табличкам «Помогите на приют», прирабатывающих студентов из Серпухова в свалывшихся свитерах, ноющих на двух аккордах и четырех струнах по мотивам группы «ЧайФ» (их хочется выключить первыми и не из жалости). Мимо. Мимо.

Переход выложен плиткой. Странное дело — плитка, во всем мире олицетворяющая безупречный, скучный ордуниг, в здешних переходах лежит неизменно криво, по углам оббивается еще до рождения и с удивительной скоростью приобретает цвет заветренных экскрементов на собачьей площадке.

Из перехода прямо и налево — там и будет Лучший Клуб.

Сижу по-турецки на диване в спальне. Две свечки. Йенс Лекман под скрипки курлычет про холодную шведскую зиму. Тверская бухтит, приглушенная балконной дверью. Обзваниваю телефонную книжку — советуюсь, нащупываю, пытаюсь думать.

— В такой географии, — отрезает Антон Кубиков, — сделать ничего нельзя, дальше и говорить нечего.

— Ну а лофт Симачева как же, а «Газгольдер» вот только открылся — это ведь там же? — неуверенно парирую я. Про бюджетный центр приема бездомных, ряд торговых палаток с крысами, ликеро-водочный завод по соседству в этот момент стараюсь не вспоминать.

— Люди, которые ездят в «Газгольдер» и к Симачеву, — спокойно объясняет Кубиков, — не из этой реальности. Они вообще не знают, где метро находится. Мир видят из окна машины — затонированного. Не получится в этих краях ничего путного, дальше и говорить нечего.

В Театр Гоголя заходили поезда. До театра здесь было депо. Угрюмая поваленная колба последовательно рассечена на сцену, партер, амфитеатр — что, по всеобщему мнению, пустуют не первое десятилетие. По всеобщему — потому как никто из моих знакомых театралов в Театре Гоголя не бывал и двойку за посещаемость ему ставят заочно. А я не театрал — я просто не знаю. Макабрическая дива Диаманда Галас как-то отменила здесь концерт за три часа до начала — якобы рояль не понравился. Обстановка провоцирует на деструктивные решения. По похоронному настроению, по пролетарской безнадеге — Театру Гоголя в Глазго бы находиться. Над главным входом — вентиляционная труба, на ней рекламный плакат-растяжка (самозахват — никто больше не позарится на рекламу в такой дыре): «Последние». Дают Горького.

Игорь одной рукой придерживает дверь, другой — здоровается с охранником. Наша дверь — дешевый ДСП со стеклянными перегородками, как в провинциальном мебельном, — справа от главной. Театр сдает в аренду

репетиционные залы. Здесь погорел не один клуб, я был тому летописцем, как и каждому клубу в городе, и маршрут внутри владения помню. От входа наверх — унылое кафе, выкрашенное в цвет болотной тины, прямо и вглубь ведет коридор-змея, увешанный фото Бон Джови, Ван Халена и Jackson 5 в пыльных рамочках. Где-то там, через три десятка метров, коридор кончится и мрачайшая лестница поползет наверх, к бильярду, караоке, шатающимся столам и мусорным мешкам, которые для ускорения процесса добросовестные уборщицы ставят у входа в зал.

Залов два: человек на двести и еще один — на семьсот. Того, что на семьсот, объясняет Игорь, по технической документации в природе не существует. Точных размеров его никто не знает, кем и когда построен — бог весть. В центре его стягивают со всех сторон, как песочные часы, нависающая притолока и будки звукосветодеятелей — ломать это хозяйство ни в коем случае нельзя, так как где-то там несущая конструкция, ну а где — да-да, бог весть.

— А что здесь раньше было? — спрашиваю у охранника.

— Клуб, — охранник недоуменно морщит лоб.

— Нет, а до клуба?

— Другой клуб.

— Ну, в смысле, до клубов, до театра?

— Я-то почему знаю, — бурчит охранник. И, подумав, добавляет: — Старший говорил, пыточные НКВД были. Там до сих пор на камерах слежения белые тени по пустому залу бегают.

Официантка Лена, высокая, статная брюнетка, элегантна, чуть раскоса — это добавляет ей шарма. Что она делает в пустом зале двенадцать часов кряду каждый день — теряюсь в догадках. Лена, как и почти все нанятые предыдущим руководством, ездит на работу на электричке: откуда-нибудь из Щербинки, с Силикатной или Колхозной — что там еще есть на этой ветке. Чай в пивной кружке приносит с завидным энтузиазмом. Я единственный, хотя и бесплатный клиент. Чай в пивных кружках я подсмотрел в «FAQ-кафе, дезорганизованном веб-дизайнерском

заведении в двух шагах от Тверской. Лед в кипятке попросил Лену добавлять сам. Лена пробралась в бар, кинула в кружку палочку корицы, отрезала ломтик лимона, ломтик яблока, добавила мяты — теперь я от нее с этим чаем так быстро не уйду.

В сумеречном ноябрьском полумраке стоит в пробке весь город. Даром что мы рукой подать от Садового — под нашими окнами никого. Не страшно. Готов поспорить: через два месяца разборчивый ночной житель выучит сюда дорогу. Зря я, что ли, год от года на чужих ошибках учился и чужие клубы хоронил.

Чаем заправляемся и голову включаем.

Чего в городе нет?

Светской жизни предостаточно, с цыганско-югославским гламуром, округлыми животами папиков и аппетитными ногами моделей — вчера с поезда «Чебоксары — Москва». С заботливо упакованными пачками кэша. С базами данных, как в клубе «Осень»: «Богатый пидор на бентли. Скидка — 50%». Ну, до этого кэша профессиональных охотников хватает. Мы в культурных чаяниях зажиточных колхозников не ориентируемся, да и куда бы нам с Курского вокзала — в калашный ряд.

Междусобойчика для профессиональных клубных жителей, кельнского техно и манчестерского хауса — этого в «Миксе» и «Пропаганде» достаточно. Там места насиженные и самоиграющие: в «Пробке» женщина шеф-повар как сочинила свои легкие блины девять лет назад, так до сих пор с ними примадонна — что уж здесь об арт-части говорить: непоколебима.

Уютных квартирных посиделок захотелось — есть Митя Борисов и Дима Ямпольский, вечные Коровьев и Бегемот питейной сцены, из их «Гоголя» в Столешниковом в их же «Жан-Жак» на Никитском и обратно перемещаться можно бесконечно, до цирроза печени — не надоест. А надоест, так к семейству Паперных всегда можно в мамосынов «Китайский летчик» вернуться.

Концерты большие — да есть концерты, в избытке; местные — одни и те же, привет «Нашему радио»: «Сплин» да «Би-2», Сукачев да Агузарова; западные — разные, как правило, парадно-убыточные: смотрите, дескать, люди добрые,

как клуб в просвещение инвестирует. В пятиэтажный «Би-2» или в питейные «Шестнадцать тонн» на такие концерты забегаешь зажмурившись — чтобы, замешкавшись, не столкнуться вдруг с компанией поющих караоке бухгалтеров или футбольных болельщиков; это не вы, это они тут завсегдатаи. И нигде, и никогда не пересекутся эти миры.

С чаем что-то не то. Горечь пробивается сквозь лимон и корицу — прошу Лену плеснуть мне просто горячей воды на пробу. Так и есть, на Тверской — другая. Лучший Клуб обслуживает другой водозабор.

Еще нет концепции — а владелец уже просит название. Кажется, я не выходил из этого зала цвета болотной тины неделю. Сегодня присоединяется Игорь, у него тендер среди таджикских рабочих бригад, строить надо, сроки жмут. У нас нет самого малого — четкой концепции, дизайна и плана действий. Теперь выясняется — нет еще и названия.

Игорь, инженер-технолог по образованию, задумчиво чертит на А4 какие-то молекулы. Начинаю рисовать и я.

Как вы яхту назовете — так она и поплывет. Международное название, встречающееся от города к городу, Propaganda — лучший задел. Народный дух — желателен. Понятность для иностранных деятелей культуры — плюс.

Перебираем важнейших деятелей культуры. Dostoevsky. Griboedov. Tolstoi. Первые два уже есть в Питере — не годится.

— Kalashnikov, — предлагает Игорь.

— Вот уж точно посол русской культуры, — отшучиваюсь я. Хорошее название вообще-то.

— Ну, был купец такой еще, — мнетя Игорь.

Страны. Города. Авиарейсы. Международные связи — мы же путешественники как-никак. СССР. Берлин. Рейкьявик. Таллин — Ереван. Рига — Магадан.

— Намек на депортацию прибалтов, — хохочет Игорь.

А по-моему, по ритмике неплохо, и ностальгия по советским транспортным связям, которых никогда больше не случится, — как любая ностальгия, — должна работать.

Корпоративные названия — мы же уверены, что располземся по стране сетью, завоюем провинцию, долго ли умеючи. Club №1. Нет, тут даже у меня скулы сводит — село Кукуево на «Евровидении».

The Club.

— Английские названия не работают, — упорствует Игорь. Как это потом будут писать: «Зе клуб»?

Бог с вами, продукты и напитки: жалко, Vodka-bar в городе уже открылся. Сахар, соль, крупа, бакалея, сливки (в Хельсинки хороший клуб был, но здесь герлз-бенд под таким именем есть), молоко (опять в Питер заехали), винегрет (эти в Москве только что скончались), оливье (иностранцы не поймут), русский салат (соотечественники не поймут), конфетки-бараночки (Гриша, ты там что пьешь?), огурец, селедка, вобла (для лучшего клуба — решительно не годится), трюфель (клуб для свиней, извольте?), фуа-гра (перегиб, это в «Дягилев»).

Ну, икра.

Отечественного производителя — поддерживаем. Загадку загадываем. Интригу интригуем. Привлекательный, доступный, достойный москвича и гостя столицы продукт. Демократичный, по здешним меркам. Четыре буквы — и звучит.

Краем глаза замечаю, что среди молекул, заполонивших лист перед Игорем, его рука начинает выводить мелкие кружки. Заработало.

Вечно невидимый владелец (проживает в телефонной трубке Игоря, реже — в моей) название «Икра» утвердил за 14 секунд. Для верности договариваемся писать «IKRA».

— Московский Комсомолец — 95, — сопротивляюсь я. — Французское с нижегородским.

— С русским мы рискуем остаться непереводаемыми для иностранцев. С латинским ты будешь жить в начале всех клубных расписаний, — резонно замечает Игорь. — Два параллельных названия дадут разночтения. А ты же не хочешь называть клуб «Caviar».

«Кавьяр» — не хочу. С такой фонетикой да с требованиями городских властей писать название по-русски нас

примут за филиал соседней грузинской закусочной (она, кстати, очень даже ничего — дружественных Billy's Band и «Ундервуд» оттуда клещами не вытащишь). Смирюсь с «ИКРА» — куда там, каждому нероссиянину понятно. По крайней мере, ничего плохого, согласно «гуглу», слово на других языках не значит. И японцам понравится — у них есть своя «икура», общий корень вроде.

В разговорнике, выпущенном к московской Олимпиаде, свидетельствуют летописцы, подобные лингвистические барьеры снимались просто:

— Gde u vas na stancii kipjatok?

И все понятно.

— Прямо звезда сериала! «Не родись красивой»! — язвит менеджер Катя.

Катя это о Юле. У двадцатилетней Кати курносый носик, обманчивая улыбка пай-девочки, опыт работы в бандитском ресторане, железная хватка, хороший девичий удар — и Катя решительно неправа.

Мы с Юлей облазили весь клуб, включая полутемный балкон из фанеры в бархатных рюшечках, свидетельство былой роскоши, — ему недолго осталось. Юля Юденич — миниатюрная барышня с уверенным контральто. Яркая брюнетка. Точеный профиль — как со старинной камеи. Живет с мамой и мужем-диджеем на Профсоюзной. Про-моутер на перепутье. Пережила не одну клубную эпоху, ни в Берлине, ни в Лондоне никогда не была — зато в тусовке знает каждую собаку. Своего клуба и своей резиденции нет.

Я о Юле узнал от коллеги: пока жил по заграницам, Юля подняла в Москве новый клуб «Мио». Было это в начале 2000-х, любимый Юлей суховатый тек-хаус был на острие, а на тесном танцполе, как говорят наши официанты, было мясо. Юля тогда посмотрела регалии на моей визитке, вежливо отпустила пару дежурных фраз, удостоила ледяной улыбкой и не предприняла попытки срочно сдружиться с ходячей бесплатной рекламой в моем лице — что делал на ее месте каждый второй коллега по цеху. Уважаю сильных женщин.

Я не ишу именно тек-хауса и гигантского будущего, что греха таить, за ним не вижу. Но хочу, чтобы в клубе ночью была жизнь. Самодостаточная, настоящая — без дискотеки по 150 руб. (девушки — бесплатно) для тех, кто поднабрался и не смог найти выход после концерта. Концертов мы и сами напридумываем. Но клубом — не для меломанов, а для тех, кто раньше полуночи из дома не выходит, — заниматься должен кто-то другой. Работать на свои собственные лавры и чуть-чуть на наши.

Юлин план действий — пятничная резиденция с живыми электронными музыкантами, диджеями (с радостью замечаю в списке энциклопедистку Хельгу и шоумена Би-Войса), свежими лицами, которые станут курсировать из «Пропаганды» к нам и далее в Mix — мне нравится. Нутром чувствую — люди к Юле придут. И ничего, что в плане написано «Целью данного мероприятия является...» и «автопати» — через проверочное «автосервис». Пока я в Европе по случайным клубам скитался, Юля здесь правильные знакомства завязывала.

Менеджер Катя усомнилась, есть ли у Юли в баре право на скидку, — Юля на нее так посмотрела, что Катя ретировалась в другой конец зала. Право у Юли есть; Юля с этого момента — промоутер собственной резиденции в клубе «Икра». Мы договорились.

Олега Магди я почти не знаю — я писал о нем, когда у него была резиденция в «Гауди», краснел, когда корректура арабское «Магди» в шотландское «МакДи» превращала, и ругался с редактором, когда текст про героически отловленного Олегом Рикардо Виллалобоса (вот где культуртрегерство!) сокращали до плевочка.

С Катей Антишанти мы знакомы с тех пор, как она (прогрессивный телекорреспондент нового телеканала СТС) приезжала ко мне (пресс-атташе молодого лейбла «Снегири») снимать Найка Борзова и «Нож для Frau Müller» — жутко актуальных артистов. До того, то бишь, как стала непререкаемым авторитетом в виджеинге.

Антишанти должна была приехать утром, Олег — после обеда, но в городе пробки, и планы летят вверх тормашками.

На метро из моих знакомых ездят только профессора и командированные дипломаты, ну и я сам с недавних пор: предложить пересесть на метро — опасное предприятие, могут и не понять.

Количество денег, времени, бизнеса, не случившегося за время стояния в пробках, — не могу взять в толк, почему никому до этого нет дела. То есть понятно, конечно. С незаτονированными стеклами в Москве можно таких картинок с выставки насмотреться, что ночью за железными дверями не уснешь, пахучее метро — вообще не для шаткой психики, а с ребенком, кроме как на машине, по городу передвигаться — просто опасно для здоровья. Весь этот беспробудно стоящий бангкок сбивает с толку — какими деньгами и каким терпением надо обладать, чтобы стоять, прижавшись друг к другу, часами изо дня в день. Москвичи — выдающейся гордости люди.

Первым в итоге добирается Магди. Шутя, мягко извиняется за раннее появление. У него негромкий голос и спокойная, не наигранная, широкая улыбка — без пяти минут артефакт в западном мире: за время обитания в Англии Олег восточного шарма не утратил. Он все делает мягко — для промоутера это роскошь, знак аристократизма. У него разладились дела с «Гауди» — гигантской площадкой-ангаром на задворках Савеловского вокзала. Мы со своими двумя танцполами и многочисленными квадратными метрами ему весьма кстати. Он хочет две резиденции: одну — чтобы делать хип-хоп-истории с вольными отклонениями в Big Dada или балтимор-саунд, а другую — чтобы собирать техно-общественность. Он уверен, что население к Big Dada и балтимору готово.

Олег перетаскал в предутренний Mix такое количество актуальной западной музыки, что я этому спаррингу искренне радуюсь. Не переговоры — телепередача «Угадай мелодию»: понимаем друг друга с полуслова.

— Надеюсь, — говорю на прощание, — мы окажемся адекватнее «Гауди».

Ну какие могут быть сомнения.

Антишанти звонит раз, два, на третий у нее вырубается телефон, в четвертый ей пытаюсь позвонить я — безрезультатно. Ее способности появляться и пропадать с одинаковой

внезапностью давно никто не удивляется — художник. Скажешь «художница» — и поежишься под колючим ответным взглядом: маленькая девочка с нежным детским голоском специализируется на индустриальных пейзажах, замогильной абстрактной геометрии и не брезгует расчлененкой. Сильнее нее за видеопультom я здесь никого не знаю. Поэтому сразу ей и позвонил, и договорились о видеорезиденции — так, чтобы виджей не бесплатным десертом к диджею прилагался, не декорировал или дополнял, а имел в собственном распоряжении целый вечер. Так, чтобы, кроме Антишанти и трех-четырех неменяющихся имен, мы могли вытащить Катиных коллег из Риги, Берлина, Лондона — показать то, что обычно показывают в музеях современного искусства, таких, каких в Москве нет и не предвидится. Ну и диджеев звать нужно, конечно, — только не в кабину пилота. Там Антишанти будет сидеть — промоутерство на ней.

Предложение мое. Антишанти загорелась. Сидим друг перед другом, раскрыв лэптопы. Финская вечеринка, право слово. Антишанти мне отправляет ссылки на работы своих друзей и вслух прикидывает, сколько уйдет на визы и перелеты.

— Вот здесь, — говорит, — если из Риги поездом, а не самолетом, сто долларов точно сэкономим.

Бюджет Антишанти обеспечиваем мы. Это, наверно, смешно — но умение ценить чужие деньги, до копейки, я очень уважаю. Так же, как никогда не понимал практики жить за чужой счет — количество своих долгов за всю жизнь я могу пересчитать по пальцам.

Я протягиваю ей свежееотпечатанную, только из типографской пачки, новую визитку: арт-директор, не жук чихнул. Катя Антишанти роется в кармане и с невозмутимым видом подает свою. На липкой от сахара белой бумажке написано: «Мармелад “Катюша” Укладчица №5».

Менеджер по рекламе возмущена. В три часа ночи ей, замужней женщине, прямо в семейное ложе позвонил солист группы «Тараканы!» — нетрезвый, икнул деликатно и озадаченно поинтересовался: «Вик! А где мои вещи?»

Сид появился у нас благодаря дружбе с Игорем. Чего у них там больше — дружбы или совместно нажитых роялти (Игорь выпускал «Тараканов!» не один год), мне неизвестно. У нас с Сидом неожиданно схожий анамнез: его, как и меня, основательно накрыло в Токио. Это, положим, не сенсация — там едва ли кого с непривычки не накрывает. Но Сид пошел дальше: насмотревшись на пляски тинейджеров из Хараджуку под Сиды Вишеса и Blondie, он мечтает культивировать историю рок-диско на исторической родине.

Диджей с ирокезом, в джинсе, драной до апокалиптической ветхости, с юными горячими go-go в бикини, которые не всегда скачут в ногу, но искренни в своей радости, как дева на причастии, — опа, это уж точно не эвент-менеджер разрабатывал. К тому же диджей — звезда.

Решаем, что автор песни «Дурная башка» со своим сетом будет выступать по средам. В баре его бесшабашная публика (до шестнадцати и старше, на майках — Sex Pistols) много не оставит, с публикой Юли Юденич и Олега Марди им пересекаться не стоит — перепугают друг друга, чего доброго.

Сид едет с концерта, поэтому сразу оставляет в офисе гитарную примочку, свитер в полиэтиленовом мешке и стопку каких-то бумаг — под столом у менеджера по рекламе.

На следующий день, как честный человек, звонит, чтобы забрать. Встречает непонимание. Нет в мире справедливости.

Отмокаю в ванне после строительного рынка. Нужной краски нет, нужных обоев нет, с полами — вообще непонятно, что делать. Есть корейский прораб и бригада таджиков — но где же ты, дизайнер? Ищем по знакомым месяца — воз и ныне там. Ни одного адекватного варианта.

Из комнаты кисельной рекой льется щебетание Ultra Bra. Лежу, в ванне не просто так: через два месяца открываться, а у нас с дизайном конь не валялся и ни одного концерта не забукировано. Цифры считаю. Arbeit macht frei.

Привычки отмокать в ванне у меня нет, тем более в моей, где кафель голубенький от неловкого движения того и гляди на голову свалится (но лучше смерть под кафелем, чем ремонт: Петров, скажи? — да безусловно!). Я спиной чувствую, что ванна, не душ — сугубо местная роскошь и надо ею пользоваться — из жадности, пока не отняли.

Записную книжку с телефонами директоров групп я умыкнул у Наташи из «Думы». Наташа еще в своем предыдущем клубе добросовестно скопировала все номера из базы начальника — ей они, по большому счету, теперь ни к чему. У нее и так Найк Борзов с Дианой Арбениной друг другу записки передают по крохотному, забитому под завязку залу — от нашего стола вашему, а концерты ей там в подвале делать особенно негде, разве что акустику.

Цифры о выручке — раздобыл в бумагах клуба-покойника, погоревшего на нашем месте. На концертах предшественник и погорел.

Удивительное дело — любовь населения. Вчера вся страна, от Клина до Подольска, ломала язык, заучивая: «Я обернулся посмотреть, не обернулась ли она...». Сегодня на концерт продано восемь (по слогам: во-семь) билетов. Вчера нервическая юная группа из Львова чуть ли не на перекладных ехала на Maxidrom (был такой страшно модный в середине 90-х фестиваль). Сегодня дешевле привезти известного артиста из Лондона, чем вовсе уже не нервического артиста-депутата Верховной рады из Львова, тьфу, Киева.

В левой колонке — гонорар, в правой — выручка клуба-покойника. Жил покойник, прямо скажем, не на широкую ногу. Чиж собрал. Бутусов провалился. «Ва-Банкъ» провалился. «Би-2» провалились. «ЧайФ» собрал. «Кровосток» провалился. «Браво» провалилось. «Воплі Відоплясова» провалились.

Что же это, позвольте, — надо Чижа и «ЧайФ» звать, получается? Не готов.

Я, как Крокодил Гена, строю Дом дружбы, куда — все флаги в гости и все цветы пусть цветут согласно расписанию, чтобы в одной вазе не завяли. Но завести у себя дома

Чижа и добродушных пацанов в турецких свитерах с борсетками, что выстроятся в очередь на группу «ЧайФ»: айм сорри, айм лэйт, — так и мне самому захочется из этого дома эвакуироваться. Борец за чистоту жанра Капа Деловая еще недавно посвящала развенчанию говнорока половину вверенных ей газетных полос. Я не знаю, где кончается «говно-» и начинается «рок», и против группы «ЧайФ» ничего не имею: мой любимый шведский Thåström — тот же «ЧайФ», народные характеристики один в один. Но! Бывал я по долгу службы на этих концертах: с их посетителями у меня не больше общего, чем с австралийским аборигеном. Долг службы — подлое дело.

С другой стороны, с теми соотечественниками, к которым нет вопросов, — с одними лишь лабораторными электронщиками из «Елочных игрушек» или пронзительными гитаристами Silence Kit, которых я время от времени слушаю дома, — мы вылетим в трубу еще быстрее предшественников. Ну и какой тут может быть промоутерский подход?

«Нужны Большие артисты», — в голове раздается голос Игоря. Слово «большие» Игорь артикулирует как невидимый диктор — слово «nicht» в немецком учебном аудиокурсе.

Добавляю в ванну пены и сравниваю цифры, левый столбик — правый, правый — левый.

Интересная штука: вскрытие показывает, что почти все заработанные деньги зарабатывались почему-то на артистах из Питера, Киева, Харькова, Риги. Москвичей в списке — раз-два и обчелся, и в правом столбике напротив этих имен хорошие цифры появляются куда как реже.

Мама, роди меня бухгалтером.

Я подготовил речь, обдумал, кому на кого ссылаться и кого чем агитировать. Легко звонить директорам, когда ты про их питомца собираешься писать в журнале — или в эфир пригласить. Легче, в конце концов, звонить, когда речь об уже известном клубе идет, это я, положим, делал. А тут — ни кола ни двора: Лена чай по пустому залу разносит, артисты живут припеваючи — на дворе нефтедолларовый расцвет. Кому мы нужны? Не к месту как-то

у меня мандраж. Вылезаю из ванны, заматываюсь в полотенце. Коммуникатор бы в воду не уронить.

Директор «Машины времени» просит перезвонить позже.

Набираю по памяти Женю Федорова из «Текильджаззз». Подсматриваю и вспоминаю номер «Маркшейдер Кунста». Напоминаю о себе директору «Аквариума». Даты — не близкие, так далекие пятницы и субботы — начинают на удивление ладно складываться. Пазл собирается. Какой я молодец.

У «Машины времени» — длинные гудки.

Рутинно набираю номер директора «Ночных снайперов». Так и так. Открываемся. Список общих знакомых — оглашаю. У «Снайперов» московские даты расписаны на несколько месяцев вперед.

— ОК, может быть, если у вас вдруг будет минута, вы заедете к нам со Светланой посмотреть на площадку.

— Вот и звоните своей Светлане! — из мобильного вдруг льется трудно сдерживаемая ярость. — Пора бы запомнить, кто где. Всего хорошего.

Не быть мне дипломатом — разве что при американских демократах, где что Словения, что Словакия — хоть горшком назови, только в печь не ставь. Светлана и Диана разошлись. У каждой своя группа. «Снайперы» оговорок не прощают — я бы на их месте, пожалуй, тоже вскипел.

Ну раз так — покорно звоню директору Светланы Сургановой. Не оговариваюсь. Договариваемся на три месяца вперед.

«Машина времени». Дозвонился. Есть минута. Так и так. Открываемся. Список общих знакомых — оглашаю.

— У вас там что, горит, что вы мне в третий раз за день звоните? — спрашивают на том конце.

— Извините, пожалуйста. Перезвонить завтра?

— Да нет, отчего же. Спрашивайте.

Хм, вроде бы я все озвучил — сколько денег, кто, кого. С пиететом и культурой речи — все у меня нормально. Повторяю.

— Неинтересно.

— Может быть, у вас будут свободные даты позже? Мы будем рады показать вам площадку при случае. Мне кажется, она может вам понравиться.

У нас есть дата 28 августа.

На дворе январь.

— М-м-м, хорошо, мы можем обсудить ее подробнее?

Это я так шучу! — голос в трубке доволен произведенным эффектом. — Даты есть у тех артистов, которым нужны концерты. «Машине времени» не нужны концерты. Нам от вас ничего не нужно. Вообще едва ли от кого что нужно. Не тот уровень. Вы посмотрите сначала, кому вы звоните, и подумайте, прежде чем звонить.

Имя этого директора записано рядом с именем артиста во всех справочниках не одно десятилетие.

Дипломатия меня вконец подводит.

— Простите за беспокойство, — говорю. — Мне казалось, в вашем возрасте люди уже умеют себя вести. Сожалею, что вас некому было научить — столько работы, конечно, недосуг.

Не возьмут меня даже к американским демократам в подмастерья. И «Машина времени» теперь для нас потеряна навсегда.

Оно и к лучшему.

С Денисом Хомяком у меня связано одно, тяжелое в прямейшем смысле воспоминание. Денис как-то напоил меня пивом у себя в клубе «СССР» в Берлине и передал деталь от огнемёта — отвезти Роме Грузову в Питер. Деталь весила пуд.

— Если, — напутствовал Хомяк, — тебя в аэропорту спросят, что это, ты говори, что на дачу, для насоса.

Напутствие укладывалось секунды в три. Первое, что предусмотрительно рассказал мне Рома про Хомяка:

— Он будет говорить. Быстро. Ты сначала ничего не поймешь. Не волнуйся — его с непривычки никто не понимает. Это потом придет. Тебе с ним полезно познакомиться — у него хоть и маленький клуб на Торштрассе, но он в тусовке. Maria am Ostbahnhof он, как я, не строил — зато он в Берлине постоянно живет.

И попросил привезти причиндал от огнемёта.

Рома — «речник». Выходец из питерской могучей кучки художников-авангардистов. Я «Речников» знаю совсем шапочно: по клубным шоу, на которых все горит и пылает, — термоядерный ответ Петербурга *Cirque du Soleil*. Шоу эти страсть как любят эвент-менеджеры. Зато лично с Ромой мы неплохо знакомы — по клубной писанине. В свободное время, когда Рома не гоняет по Гоа на мотоцикле и не роется в антикварных лавках Дели, он пописывает для модного журнала. В модном журнале материал о грузоперевозках назвали как-то в его честь «Роман Грузов». И не было названия справедливее.

Так и пошло — Рому через журнал, Хомяка через Рому, огнемет через Хомяка. Сказать, что в аэропорту Шенефельд я пользовался популярностью, — не сказать ничего. Решив, что русские со своими дачами да баулами совсем с ума посходили, плоскогрудые воблы-секьюритессы осмотрели каждый шуруп на хомяковской передатке, наконец пожелали мне счастливого пути и отправили огнемет по ленте «некондиционное». Я волновался.

Собственно, заволновался я уже тогда, когда на встречу, назначенную в «СССР» в девять, Хомяк приехал к одиннадцати. Мне под пыльным тюлевым абажуром чего-то налили, чуть ли не за счет заведения — хотя нет, это в отсутствие хозяина была бы неоправданная щедрость, скорее, пиво было по-берлински дешево, — и я на выдавшем виды бархатном диване два часа слушал творчество «Нож для Frau Müller»; общаться с парой русскоязычных фриков с ирокезами в соседнем углу мне было не о чем.

Хомяк, маленький, проворный, как воробей в «Макдональдсе», со щегольской бородкой мошенника и двумя массивными часами на правой руке, появился как ни в чем не бывало, потряс мне руку, застрекотал быстро, и я — неправда, Рома! — понял каждое слово. Понял, что «Нож для Frau Müller», или — с недавних пор — *Messer Chups*, или просто питерский умница-музыкант Олег Гитаркин, у Хомяка квартирует и с Хомяком дружит. Понял, что с лицензией на алкоголь тут что-то не то: прибывающих гостей вышибала в ковбойской шляпе сначала рассматривает через глазок. Понял, что к бармену у Хомяка два

вопроса, и оба безответные: почему бармен решил, что создан быть женщиной и отращивает грудь, а также — почему бармен, если не стоять у него над душой, ворует 70% выручки.

— Так, может, просто поменять бармена? — ляпнул, не подумав, я.

— Новый еще больше воровать будет, — грустно, как на детсадовца на похоронах, посмотрел на меня Хомяк.

И вот спустя два года после этого раута — и через месяц тщетных поисков дизайнера — меня осенило. Хомяк. Опыт строительства с дедлайном «вчера» — из двух листов фанеры и куска органзы; мухинское училище в анамнезе; не «речник», но закрытому клубу художников — ближайший единомышленник. Житель вечно перебивающегося с хлеба на воду Берлина: десять тысяч за никчемный эскиз (как дизайнерское бюро, которое Игорь вчера очень убедительно послал по телефону куда подальше) — не попросит.

По одной линии породнимся с берлинским «СССР», по другой — с сибаритскими «Осенью»-«Зимой»-«Летом» и прочей «Шамбалой», которые делали «Речники». Ощущение удовольствия — будто от успешной вязки собак. А если честно — я рад, что у меня есть повод написать Хомяку в Берлин. У него там голова получше нашего проветрена.

— Э, да тут у каждого на лице life drama, — Хомяк невозмутимо крутит в вагоне метро головой и, не привыкши к грохоту и визгу подземки, слишком тихо шепчет мне на ухо. Мы отъехали от Павелецкой на одну остановку.

Хомяк прилетел из Берлина с красной спортивной сумкой через плечо. Много ли человеку нужно на месяц — если двадцать три часа в сутки из двадцати четырех торчать на объекте? За Хомяком должен был приехать на представительской машине друг, но что-то у них не заладилось, едем на метро.

Торговались недолго. Вернее — Хомяк три недели кряду писал «везде золото, пилястры золоченые, рамы позолоченные», а Игорь, теряя терпение, пытался выбить из Хомяка хоть какую-то конкретику согласно предоставленным

размерам. Наконец из Берлина пришли эскизы — на изображениях в автокаде действительно фигурировали пилястры золоченые и рамы позолоченные, там же были обозначены размеры, — отдельным файлом шел список необходимого к закупке, начинавшийся «обоями оранжевыми, дурацкими, как я присылал на фото, — 24 рулона» и заканчивавшийся «рабочим-таджиком — 20 шт., но лучше больше».

Я к хомяковскому золоту ведрами, по правде говоря, до сих пор никак не привыкну. Про трэш-гламур мне все известно. Русский человек испытывает трансцендентную тягу к самоварному золоту. Но смеяться над увечьем? Это как улыбаться на югославском участке Венского кладбища: на надгробиях благообразные покойники изображены поглаживающими собственные мерседесы. Ох. «Богато» — через мягкое южное «г» — залог успеха среди тех, кто оценил эту странную шутку, и неподдельного восторга среди тех, кто принял ее за чистую монету. По Хомяку, клуб покрывается золотом в тридцать три слоя, от сцены до самого дальнего унитаза; золото на обоях, на фальшивых колоннах, на рамах — а в рамах искусственный мех, потому как, уверен Хомяк, девочки любят гладить мех.

Крайности — сцену и унитазы — мы героически отвоевали, защитив их от Хомяка. Не будет там никакого народного золота. Сцена — затянутый бархатом черный квадрат, сборно-разборные фермы — должна подойти и для джазового шоу, и для рэпперской сходки, и для видеоарт-перформанса. С туалетами сложнее. Театр начинается с вешалки, клуб — с туалета. К сожалению, с женского. К сожалению, поскольку барышням по всем параметрам оно нужнее — это раз, и к сожалению, поскольку мужское коллективное писанье дизайнеру дает куда как бóльшую свободу — это два. После запрета на золото дизайнер во временном ступоре. Впрочем — ненадолго.

У Хомяка обнаружили принты с суицидальными котками, бандитскими пушками, крайслерами и кадиллаками — ностальгический серф-нуар, какому порадовался бы Гитаркин. Не для нас готовил: в Берлине Хомяку заказали проект клуба, Хомяк наваял, отпечатал — клуб, естественно, не открылся и не заплатил. Мы ему — кстати.

А принты — на удивление кстати туалетам. Судя по хомяковским файлам — то, что доктор прописал.

Дело за малым — довести принты, дурацкие оранжевые и элегантные синие с тремя лилиями обои, старинные люстры, поддельные бриллиантовые подвески, ведра золотой краски, настоящей, не китайско-песочного оттенка, — из Берлина. Таджики и финансирование — за нами.

В Москве Хомяк не ориентируется, и здесь ему за раритетами охотиться — только время терять. Зато в Москве ориентируется корейский прораб. Он, когда берлинские цены на обои в смете увидел, заявил, что дело не его, конечно, но за эти деньги здесь можно купить только несколько метров белорусской туалетной бумаги. Не бывает, мол, таких цен. Цену на старинную люстру мы прорабу и подавно не показывали: в Москве это либо очевидный до банального предмет роскоши, либо китайские вариации на тему. Но мы-то с Хомяком понимаем, что на Фломаркте с утра пораньше она будет наша: старая, потертая, Аденауэра помнящая, — если не терять время и не пить пиво в Пренцлауэрберге. Молча переглядываемся. Говорит за всех, как обычно, Игорь — как босс, и босс решительный.

— Ну, значит, соберетесь сейчас и полетите вместе назад в Берлин.

— У тебя виза в порядке? — это мне.

— В поезд это все влезет? — это Хомяку.

— Еще как. — При мысли о контрабанде у Хомяка просыпается неподдельный задор и тараторит он еще быстрее: — Мы в старые газеты и в тряпки, что сможем, замотаем, ну таможенникам надо будет на въезде и на выезде спасибо сказать, я уточню, почем сейчас спасибо-то. Но это точно не проблема, не проблема никогда. — От однодневного посещения Москвы он слегка осоловел.

Игорь уходит в офис считать деньги на закупку. Там секретарь тщетно пытается перекричать громогласную женщину-завскладом.

— Да! Берлин назавтра!

— Слышишь, мы помидор будем закуплять много, почем помидорка у вас?

— Два! В один конец!

— Ой, какая дорогая помидорка!

Я привыкну. Привыкну.

— Секунду. Мужчины, по двадцать две тысячи билеты — подойдет?

— Ну шут с ней, с помидоркой. Ты мне тогда как зеленушку будешь отправлять, так на пробу и положь.

— А дешевле никаких билетов нет? В Ганновер? Мужчины, Ганновер какой-то дешевле.

— А шо мне твой экспедитор — пусть поправляется, а ты другого кого пришли.

Хомяк пытается проверить на офисном компьютере почту. Телефонная линия занята. Хомяк понимающе почесывает нос.

— Тогда все-таки на Берлин, на десять ноль пять, два билета. Фамилии сначала диктовать?

— Йаап-чхи ты, господи! — женщина-снабженец громко чихает и, вздрогнув, поправляет массивную халу на голове. Хала в сохранности.

За Хомяком пришла представительская машина, не добравшаяся до аэропорта. Грязно-белая «шестерка». Лысый человек в пальто из овчины выскакивает навстречу берлинской знаменитости, хватает его в охапку и кричит: «Здорово, Хомячина!»

— Познакомьтесь, это Пушок, он тоже дизайнер, — откуда-то из-под овчины быстро-быстро хрипит полузадушенный Хомяк.

Ну какие там Кржемелик и Вахмурка.

Мысль о том, что можно проститься с Москвой, не увидев аэропорта «Шереметьево», греет, как лечение зубов без похода к стоматологу. На моих обычных направлениях Шереметьева с его набором советской пакости на все случаи жизни не миновать. А здесь — пожалуйста.

Уже известная шестерка выгружает Хомяка в сугроб черного снега перед входом в Павелецкий вокзал. Хомяк не провел в Москве и суток. Вид у него обескураженный, в одной руке — так и не разобранный красная сумка, в другой — початая бутылка Bailey's. Что совсем уж странно.

— Взлетать боюсь, — бормочет сонно Хомяк. — Надо выпить, чтобы отпустило.

Дремлем в поезде в аэропорт, у турникета, в креслах 18АВ на борту. В турецком такси по ту сторону Шенфельда Хомяк подпрыгивает, как на пружине. Доброе утро. Снег и грязь на берлинских задворках отсутствуют.

— Хаст ду фрау, киндер?* — интересуется у Хомяка турок.

— Найн, абер их арбайте даран**.

Они нашли друг друга, и немецкого понятнее я не слышал давно. За окном проплывают кебабные Кройцберга, мамы в черных платках ведут за руку детей из школы, редкие бургеры проносятся мимо на велосипедах, не задев развал зеленщика, и обманчивой идиллии у станции метро «Коттбуссер Тор» хочется поверить немедленно, раз и навсегда.

Нам сразу за обоями и краской.

— Ди шпигель одер дас шпигель? — сначала в подвал стрелой влетает вопрос Хомяка, за ним сбегает по лестнице сам Хомяк, придерживая красную сумку.

Он это про треугольное зеркало, висящее у продавца над головой.

— Дер шпигель. — Бритый наголо продавец с медвежонком на майке болтает упакованными в зеленые кеды ногами. Сидит на стремянке под потолком, ждет, пока бабушка с таксой решит, обои с какой полки ей больше нравятся. Хомяком — непоколебим.

Такса бросается Хомяка обнюхивать, он проворно устремляется вглубь лавки, лавируя между нависающими со всех сторон полками, люстрами и напольными вазами. Таксе туда — поводка не хватает, в остальном, пожалуй, у них с Хомяком много общего.

Отворачиваюсь на минуту: такса виляет мне хвостом. Фрау думает.

В одной руке у Хомяка пупырчатые пластиковые панели. В них, искажаясь, отражается прозрачная пластиковая голова будды — она у него в другой руке. Между ног

* Hast du Frau, Kinder? (У тебя есть жена, дети?) (нем.).

** Nein, aber ich arbeite daran. (Нет, но я работаю над этим.) (нем.).

Хомяк зажал карниз с намотанными на него красными нитями. Рад невероятно. В списке закупок ничего такого не было.

— Панелями, — стрекочет, — мы барную стойку в кафе отделаем. Люди за барной стойкой любят смотреть, что у них за спиной происходит, будет кривое зеркало, ага, супер получится.

Панели переезжают в свободный угол, туда же переезжает карниз. И начинают прибывать будды. Головы с ладонь, розовые, прозрачные, чпокают, когда ударяются друг об друга, — выдающаяся гадость. Хомяк тащит их в свой угол по три, прижав к себе, как младенцев. Родительской решимостью он напоминает многодетную мадонну с рекламных щитов московского метро: «Плодитесь — стране оно надо».

В крайнего будду (их, не соврать, восемнадцать) упирается зеленый кед. Значит, бабушка все-таки решила выбрать обои в другой раз.

— Обставляете квартиру?

— Строим клуб.

— О, как здорово! Здесь в Кройцберге?

— Нет, подальше. В Москве.

— Это на Карл-Маркс-аллее?

— Нет, в Москве, в России, в настоящей Москве.

— А! — продавца все-таки удалось пронять. Какой-то банальностью. Подумаешь, русские приперлись за две тысячи километров в магазин за буддами.

— Клуб танцевальный?

— Это ты у него спроси, — кивает на меня Хомяк. В руках он держит аквариум в форме задницы.

С этим, дорогой, ты сам через польскую таможену поедешь. Только если ты ее себе домой решил купить.

Задница исчезает. Хомяк разочарован.

— И танцевальный тоже, — говорю. — Три этажа. Всего хватит.

— Три этажа — это серьезно. — Продавец взял себя в руки. — Здесь тоже все ничего с клубами, только промзоны сносят и офисы строят. А лучший клуб, я считаю, на заводе должен быть.

На том же мускуле продавца татуирован терновый венец. Банальщина — у Хомяка вот на запястье куски пазла. «Лучший клуб» — на вокзале, у грузинской закуской, предполагается.

— Скажи мне, пожалуйста, — спрашиваю дизайнера, пока мы с тюками ждем у магазина грузовое такси, — зачем мы купили эти сраные головы? Куда они пойдут?

— Там посмотрим, — отвечает Хомяк.

Продавец оценил наши препирательства — решил, что мы пара.

С люстрой не задалось с самого начала.

В комиссионных-антикварных нужных образцов — помпезных, с подвесками под хрусталь, как в театральном фойе, — раз-два и обчелся. В редких случаях, где не обчелся, — дорого не по карману. В дизайнерских магазинах — сетевое торжество пластика. Более или менее красиво, но не то, что нужно.

— Испортился Берлин, — ворчит Хомяк.

Мы сидим у окна в кафе Gorky Park, дуем на горячий овощной суп.

— Ладно тебе, пока на пять евро можно поесть — не испортился, — вяло возражаю я.

Про «испортился» я слышу от всех знакомых, к которым залетаю с вытаращенными глазами и дурным монологом «открываемся-некогда-но-так-рад-видеть». Агент Алекс жалуется, что двухкомнатную квартиру с нормальными деревянными полами в хорошем районе дешевле ста тысяч евро не купить, и это подлость, и даже музыкант Али из Tiefschwarz — человек не бедный, а вот мучается. Художница Лаура возмущена, что на блошиных рынках до того мало становится гдээрзовских вещиц, что скоро за ними в музей ГДР при «Рэдиссоне» ходить придется.

— То ли дело раньше, — льет сам себе бальзам на раны Хомяк. — Как русские ушли да БМП свои с пустыми баками где попало побросали — на каждой на следующий день было по вечеринке. Самые-самые, конечно, англичане были. У них драгса всегда было завались, они на этих

машинах так выплясывали. Правда, под горячую руку им лучше было не попадаться — любители подраться при случае, это да.

Хомяк быстро вычерпывает суп со дна плошки. Теплый суп против пронизывающего берлинского ветродуя в февралье — лучший антидот. А мы весь день на улице.

Я снова в меньшинстве — мне нравится, что по улицам слоняются благообразные мамы с колясками, и без драг-диско на БМП я точно не скучаю. Я проходил вчера по Кастаниен-аллее, зашел в подъезд под надписью: «Kein Spekuland!», где в свое время заботливая лесби-мамаша Эллен с сыном по имени Джимми-Хендрикс кормили меня на завтрак круассанами в обмен на привезенные из Амстердама пахучие шишки — как же я нервничал тогда, трясаясь на автобусе через немецкую границу с этим грузом, и как грел меня, студента, этот выкрашенный космическим серебром подъезд — мое первое пристанище в Берлине.

Я был там сегодня. Подъезд перекрасили в благородный цвет детской неожиданности. Имени Эллен на двери больше нет. Никто больше не покупает круассаны в долг на Кастаниен-аллее, и людям по имени Джимми-Хендрикс здесь нечего больше делать. Значит, они живут где-то еще, стреляя травку у случайных постояльцев, — а в том, что я не знаю и ленюсь узнать, где они сейчас, кроме меня, никто не виноват. Теперь здесь водят детей в детский сад Тилль и Флаке из Rammstein.

Мы отставляем плошки, выходим, путаясь в ступеньках Gorky Park на улицу, огибаем будто выросшую из-под земли демонстрацию.

— Видишь, на том перекрестке бросили бутылку — что-то загорелось? — замечает Хомяк.

Останавливаемся на углу вместе с заинтересованными мамашами и наблюдаем, как полицейские в шлемах безрадостной колонной бегут к очагу возгорания. Студенты хулиганят. Через минуту нечесаная толпа в кроссовках и тапочках скрывается за следующим поворотом, с ними же исчезает полиция, и только звук полицейской сирены напоминает: город живет.

Мамаши и Хомяк сожалеют: быстро представление закончилось.

— Разве это демонстрация, — хмыкает Хомяк.

Ну да, раньше-то оно повеселее было. И квартиру с полами деревянными в Пренцлауэрберге за сто тысяч никто не пытался продать.

До дизайнерской лавки «Дом» на Хакеше Маркт десять минут. Их хватает, чтобы из наших плохо утепленных тушек выветрилось тепло дешевого супа.

Я сдаюсь — покупаем массивную серебристую пластиковую люстру с парой сотен висюлек. Хомяк клянется, что приделает к ней моторчик и она будет вертеться. Распятие Карлсона.

И два торшера взять обязательно. Куда — непонятно, но знаю — пригодятся. Хомяк одобряет. Продавцы желают нам в Москве нечеловеческого успеха.

У меня есть койка, Леонард Коэн в плеере и тридцать шесть часов изоляции — роскошь, да и только. Над заснеженными избами Смоленской области светит белесое солнце. Я — это часть спецгруза на поезде «Берлин — Москва», не задокументированная в списке купленного. Бесплатное приложение. Вчера Хомяк вымазывал ботинки в уличной грязи под окном и вытирал их о коробки, сменяя аккуратную магазинную упаковку; на коробках писал не своим, старческим кривым почерком «Колино старье» и «Мамин хлам». Вчера мы час охотились за тележкой на Лихтенбергском вокзале — вокзал маленький, они ему по статусу не положены. Зато если украсть тележку из привокзального супермаркета, на ней можно доехать до самого проводника, только бежать с тележкой надо так, как бежит Хомяк, по-спринтерски — иначе придется разбираться с охраной.

Бравый поджарый проводник радостно вытер лысину и приветствовал нас цифрой «сто пятьдесят». У бригады один рейс в две недели. Для проводника я с «Колиным старьем» — птица счастья. Гуляем на все сто пятьдесят: Хомяк въезжает на тележке в вагон легко и радостно, как выпархивает на лед японская фигуристка, не успевает проводник икнуть. Несколько заездов — и рулоны обоев, ведра

золотой краски, тюки с пластиковыми буддами, скрученные трижды торшеры, лампы, занавеси, панели и много-страдальная люстра невероятным мошенническим образом размещаются в купе. Мне остается левый нижний угол окна, нижняя полка и узкая (только осторожно!) дорожка, по которой можно выползти в туалет. Я часть этого тетриса.

Позвонил Игорю в Москву, предупредил о масштабах бедствия — каким автогеном он будет меня отсюда вырезать? — и успокоился.

Польская таможенница открыла дверь, хотела «здрате» сказать, но, оценив обстановку, немедленно дверь закрыла и ретировалась подобра-поздорову. Работать барышне не хотелось — а может, из чувства локтя не хотелось поезд задерживать.

Белорусский мужчина с округлым бабьим лицом и испуганными глазами долго качал головой. Описывать и декларировать, декларировать и описывать. Ничего себе ремонт у вас дома. И обои тоже б/у? Нет-нет, декларировать решительно. Оплата на вокзале, в течение двух часов или трех, не могу сказать точнее. Честь белорусской таможни была полюбовно оценена в тридцать евро.

Брест, Минск, Смоленск — спал я крепко, и в дешевых наушниках старик Коэн сквозь сон повторял мне, что сначала Манхэттен, потом Берлин и всяк об этом знает, вот так оно: всяк знает — и ошибался безбожно.

Мой персональный хит-лист мерзких слов: «привоз», «отксерить» и «духовность». «Духовность» — значит, очередной видный деятель порет чушь, по простоте душевной или с осознанной целью (простите, мои учителя литературы, это не на вашем веку вошло в практику). «Отксерить» звучит будто мышь покакала. Привоз. Одесского Привоза не запомнил, в момент его посещения с мамой мне было года три. Но здесь не о рынке. Привоз — организация концерта западного артиста, иностранца, инопланетянина — любимое слово в местной клубной практике.

— Что у вас будет происходить?

— Регулярные привозы!

Жуть, да и только. Знают ли все эти фрэнки наклзы, что они для принимающей стороны — Памела Андерсон для Бората Сагдиева? Ну тот, положим, хоть искреннее чувство питал. В Москве же, ох, не по любви похищение невесты случается.

— Кто сегодня играет?

— Фрэнки Наклз!

— Кто??

— Иностранец!

— А-а!

И только те, кому несчастный Фрэнки Наклз зачем-то жизненно необходим, останутся за турникетом, не пройдя фейсконтроль.

Привоз блещет бойким шулерством и требуется в целях политических и репутационных — что внезапно роднит его с духовностью. Привоз грозит убытком площадке и заработком промоутеру: промотать чужие деньги с пользой для себя — созвучно названию профессии.

И самое ужасное, что этим словом я начинаю пользоваться сам.

Три четверти музыки, звучащей в ушах соотечественников, родом из этой страны. В моем ноутбуке, в автомобиле Игоря, в саунд-системах Юли, Олега, Антишанти, подозреваю, пропорция обратная. Я все не возьму в толк, как забить тридцать дней в расписании (триста шестьдесят пять для острастки) отечественными артистами, избежав посредственности, скуки, убожества. Я не дырки хочу затыкать и не селебритиз заманивать на коктейль при иностранном диджее. Хочу той музыки, которую слушаю сам, слушают мои друзья и друзья моих друзей. В десятимилионном городе — неужто нас не соберется тысяча за вечер?

Стоп, «нас» — тоже слово нехорошее. Объединитель масс нашелся. У самого социальная компетенция стремится к нулю: дизайнера месяц искал, и что нашел? «Колино старье». Хорошо хоть, легенду скроили и журналистам ладно слили — про то, как фуры с интерьером через заснеженную границу из Берлина шли. Видели бы они меня в этой фуре. Ну-ну.

Не ищущий отличий — ищущий сходства. Для пресыщенных мрачных типов в худе хочу привести Prefuse 83. Для успешных домохозяек, геев и сочувствующих — Джей-Джей Йохансона. Для эстетствующих любителей дичи — Джими Тенора. Потому как сидеть, запершись, каждый день с одними лишь эстетами или домохозяйками — скучно, скучно, скучно. Иностранные деятели искусств у нас точно полмесьяца под себя подомнут. По-моему, так правильно.

И пишу письма агентам, и напоминаю о себе, и восстанавливаю давнишние случайные контакты. Молчу как партизан. Мы уже проболтались про приезд Gogol Bordello — нью-йоркский выход с цыганочкой, которым не первый месяц бредит город. Друзья-журналисты не удержали язык за зубами и, разумеется, сглазили: усатый фронтмен Юджин Хатц вдруг перестал отвечать на письма, и зря я, сидя на Манхэттене, донимал его автоответчик звонками — автоматическая баба на том конце держала оборону.

Не понял пока, относить ли к привозам Михаила Боярского. С одной стороны, отечественный продукт. С другой — инопланетянин среди наших «Маркшейдеров» и «Аукციонов». Игорь, когда цифру гонорара услышал, замахал руками — чур меня, чур, прогорим. Но почему, интересно, иноземцу мы это платим, а д'Артаньяну — шиш? Почему вечер-встреча с тетей Вале́й Леонтьевой — не годится? Ведь, скажите на милость, у кого в детстве был Фрэнки Наклз? А у кого тетя Валя? Я за тетю Валю. Ее нужно везти из деревни, пока не поздно: тетя Валя старенькая. Лучший будет привоз.

Новости публичной сферы.

Игорь зарегистрировал для официального сайта домен www.nobullshit.ru. Мои вопли о том, что ни один серьезный спонсор сюда не войдет, не помогли.

К нам, спотыкаясь о ведра маляров, зачастили журналисты и фотографы — интервью перед открытием. Читающий шестилетний сын Игоря в одном журнале разглядел папу с каким-то Хомяком, в другом — с каким-то Гольденцвайгом. Пришел в восторг: папа с клоунами работает.

Хорошо, в прессу не загремел Пушок на представительской «шестерке».

Копирайтер прислал первый пресс-релиз про наши творческие планы. Про диджеев на вечеринке Юли Юденич написал: «Мастера закрутки-раскрутки винила». Юля случайно увидела распечатку у меня на столе и с не свойственной ей робостью тихо пробормотала: «Ты понимаешь, что это ужас?»

К нам наконец пришел — по рекомендации — пресс-атташе, умопомрачительно импозантный юноша лет двадцати, художник-нонконформист, в меховой юбке, с руками, усыпанными массивными кольцами, курит трубку, отец двоих детей. В Москве второй месяц. Ни с одним журналистом пока не знаком, но обязательно познакомится.

Ну то есть до открытия неделя, а мы уже все просрали на годы вперед.

В деревянный ящик из-под противогазов (стоит в моей спальне) влезает сотня-другая журналов. NME, Q, Wire, бесчисленные скандинавские *Nojesguiden*'ы, наконец-то я с вами прошусь достойным образом.

Мы потом обязательно откроем магазинчик внизу у входа — чтобы привозить туда всякие милые безделицы из поездок, чтобы раскладной столик с индийским алфавитом, найденный мной в Стокгольме, или оранжевый полицейский телефон, вывезенный Игорем из Парижа, не скучали в одиночестве. Породнимся с прекрасными молодыми дизайнерами, сделаем маленький шоурум. Про музыку я и не говорю — где же еще открывать музыкальный магазин, как не при клубе. Только сейчас об этом думать никак не получается, хотя и надо бы: оптимистические мысли — полезная терапия! До открытия клуба IKRA осталось восемь часов.

Никто, естественно, не спал ночь — когда к утру в пустом зале сварили ограждения на балконе и повесили на только что собранную сцену свет, я тихо вздохнул, вытер о самые дорогие японские штаны измазанные золотой краской руки, пожелал Хомяку закончить хотя бы один

какой-нибудь зал и ретировался домой, чтобы не пугать своим видом измученных таджиков.

Слушал принесенный Танькой М83, пил чай и в ожидании рассвета бродил по квартире с кружкой. Включил пылесос и начал убираться. Выключил пылесос: гармонии не обрел. Взял путеводитель по Японии. Заснул. Спасибо вам, Золотой и Серебряный павильоны.

Я едва влезаю в такси с торбой журналов. Часть мы наклеим на двери и стены, часть разложим на барных стойках — это же здорово, когда сидишь в баре и в ожидании концерта листаешь приличный музыкальный журнал.

Приезжаю к разборке. Молдавская бригада отказывается красить дверь золотом — краска не успеет высохнуть.

— Нда. Ну. Ого. — У Хомяка в руках клеевой пистолет. Он не спал две ночи, переклеивал отвалившийся от стен китайский шелк, искал по всему объекту потерянный рулон меха — теперь изъясняется междометиями. Рабочие его отлично понимают.

А самое ужасное, что где-то внутри уже бродят вызванные на премьеру финские музыканты. Я трижды советовал им не ехать через Питер: надежных антрепренеров в культурной столице — как честных торговцев на рынке. Группа мечтала нести прекрасное в массы. Добрались до Москвы голодные, не получив гонорара. Бродят где-то по стройплощадке.

За спиной Хомяка вырастает Пушок. Он только что засунул пластиковый автомат ТТ в аквариум и провел к устройству подсветку. Ужасно горд; рассматривает теперь свое детище. В правой руке держит крепко связанные, скрепленные наподобие серпа и молота веник с топором.

Беру подержать.

Топор самый что ни на есть настоящий. Был наточен когда-то.

Не бойся, это мы вот в эту раму сейчас определим, — машет в сторону рамы со стразами Пушок. — Тут все лохи некомпетентные — это ж чумовая инсталляция, говорю.

Молча отбираю у Пушка топор и в растерянности иду с ним в офис. Сколько таких топоров уже по площадке развешано? Как можно было не контролировать их на каждом шагу? Передаю золотой топор менеджеру Кате. У нее

ключ от сейфа. Катя сгибается под тяжестью груза и избавляет нас от топора.

На обратной дороге из офиса к моим ногам пикирует меховой прямоугольник размером с доброе одеяло. Денис, давай пистолет, я сам доклею. Не у-где, а давай. Ах, вот вы где! Terve, terve, дорогие финские друзья. Как мы рады, что вы добрались. Покормят вас обязательно, и с деньгами сейчас разберемся, и клубного звукорежиссера со световой фермы снимем — он не от хорошей жизни там сутки с приборами воюет. Алле, Алексей! Могу, только быстро. Плюс два — конечно, не проблема, приходите обязательно. Как клея в пистолете нет? Лена, разложи эти журналы, пожалуйста, по всем барным стойкам. Неважно, в какой последовательности. Здравствуйте, да, демозапись принесите, пожалуйста, с обратными координатами. Нет, сейчас я не могу ничего слушать. Если заинтересует, перезвоним вам — мы закрыты сейчас, извините. Охрана, вас сколько раз просили не пускать никого? Катя, стой, на секунду! Правда, что на третьем вентиляция отказала? Антишанти проводите, пожалуйста, там с утра должны были экраны для нее повесить, но мы их сами сейчас повесим, только не волнуйтесь. Что? Водка-сувенир? Kiitos paljon, как приятно!

До открытия четыре часа. Семьсот гостей. Застрелиться.

Снова в ванне. На вешалке пиджак с пятном от красного вина во всю полу. Буду лежать здесь вечно, по крайней мере минут семь еще точно. Господи, как хорошо. У нас все украли. Журналы не пролежали на барных стойках и четверти часа. Гардероб не досчитался полусотни номеров. Из бара пропала добрая половина поддельных бриллиантовых подвесок, припиленных к потолку. Из всех ваз вынули и унесли лилии. В кафе не хватает настольной лампы. В официантской у кого-то стибрили сапоги. Слава богу, финнов не тронули — бедолагам Питера хватило и дыма на всю гримерку. Дым-машину впопыхах развернули не в ту сторону — на сцене дыма не было, а от гримерки до сцены найти дорогу, не держась за стену, оказалось невозможно.

Финны попались высокие — выходя на сцену, каждый со всего маху ударился головой о притолоку. Оказалось, между лестницей, ведущей на сцену, и тесно нависающим над лестницей балконом — метра полтора. Знать бы заранее — не прошло и суток, как сцену построили. Это временно, конечно, с лестницей, перестроим, но набитые финские шишки жаль.

В фильме «Другие» такое было — когда тетка-медиум открыла шкаф и призраки встретились с живыми. Перепугались все — не то слово. У нас нужные люди в Armani Jeans премило пили с просто друзьями в Armani настоящим и H&M, и TopShop, окружающего со всех сторон, не пугались, а может, не узнавали. За всех пугался я. Что не узнаю кого-нибудь важного. Память на лица отсутствует. Проклятый великий и могучий не дает выкрутиться: и ты, и вы, и молодчина, что заглянул, и искренне рады, что нашли время! А сапер, между прочим, ошибается один раз. Побегал развлекать советника по культуре финского посольства, упустил советника по культуре французского — а у нас с французами через месяц фестиваль, нехорошо. Облобызал начальство Universal, не признал начальство ЕМІ — Танька там работает, теперь ее съедят, а она съест меня.

Насчет Олейникова, пресс-атташе из Нижнего, я был неправ. Он, в меховой юбке и с трубкой, невозмутим: знакомится с первым встречным, что денди по прозвищу Крокодил, подливает из бара и все контакты записывает. Кстати, ему все тридцать, а не двадцать, как я решил. Срок амортизации у них, художников, другой, что ли?

Вызванная финнами Лидия Кавина — похожая на добрую школьную учительницу наследница Льва Термена — играла на терменвоксе «В траве сидел кузнечик» под празднично-кровавое видео Антишанти. Нет, не упрекнул нас в тривиальности.

И яркий свет из подсобки светил путеводной звездой — из-под парадной лестницы, невыключаемый, непобедимый — освещал неубранные и недостижимые без стремянки ведра с краской, куски обоев и разбитые в ходе строительства буддоголовы.

Открылись — и слава богу, и где семьсот человек пришло, там теперь и восемьсот, и тысяча будет — всегда, каждый день. Только если каждый день столько улыбаться — не хватит меня, оказывается, на групповую любовь.

Второй день. Утонченная инди-банда Won James Won; уровень европейский, без всяких скидок. Моя гордость.

Продано двадцать билетов.

Оп. Не понял.

Третий день.

— Здорово, Гриш! Узнаешь?

— ???

Предательски опаздываю в аэропорт — прилетает Йохансон, а нас пять раз предупредили, что капризный.

— Ха, это Слава!

— Простите, номер не определился — какой Слава?

Ну почему я не поехал через Куркино — мы никогда не проедем эту Ленинградку!

— А, не узнаешь старых друзей! В школе мы с тобой учились.

Понятно. И двенадцать лет с тех пор друг без друга не скучали. Очень вовремя.

— Ну как дела-то у тебя?

Дела мои зависят от рейса SK 730, надеюсь, он опоздает пропорционально нашему безбожно не представительскому старенькому «мерсу».

— Ничего, спасибо. Как сам?

— Да тоже ничего, потихоньку.

Отнимите сотовую связь у людей, которым нечего сказать! И вот эти билборды «Живите в Куркино!» снимите навсегда. Сами там живите, если доедете. Не хочу, не буду.

Загадочная пауза.

— А мы читали, ты клуб открыл.

Пазл сложился — в нашей деревне собственная звезда. Oui, c'est moi.

— Ну, я не один прям так уж его открыл. Но клуб есть, да. Работаем.

— Вот видишь! — потерянный одноклассник расцвел: — Здорово! А мы как раз к тебе с женой — дай, думаем, сегодня навестим, заодно и поболтаем. Жена говорит, у вас там швед сегодня какой-то выдающийся?

У нас сегодня Джей-Джей Йохансон. Субтильный кру-нер, икона глянцевого журналов. Лично у меня он через десять минут в Шереметьево. Не успеем: забытые под завязку машины толпой едут на шопинг. Постройте свою «Икею» назад, и своего «Старика Похабыча» туда же!

Под плакатом «Химки — жемчужина Подмосковья!» скучает мамка в дубленке. Девочки по сто и девочки по пятьдесят курят в кустах. Никогда не научусь отличать их друг от друга.

— Слушай, я дико извиняюсь, но у меня не получится по времени — я с артистом занят, да и не только с артистом: работа все-таки. Может, на следующей неделе?

— А! — какая у него там работа-то, интересно, сам поет, что ли? — А просто нас можешь вписать — меня, жену и ее подругу, она с тобой, кстати, до третьего класса вместе училась — Аня Белкина, помнишь, может?

— Нет, извини, — когда же я отучусь мямлить. — Списки не я составляю, и у нас с этим очень строго, к сожалению. Билеты в кассе с утра еще были, если хотите. Извини, правда.

— А! — «Белкину не помнит, зазнался, понятно». — Ну ладно, ничего. Как-нибудь увидимся. Давай тогда!

Сужение трассы. Кладут асфальт. Встаем намертво.

Правду я один раз сказал — билеты в кассе действительно с утра еще оставались. Хоть и немного: с артистом мы не прогадали. Йохансона в Москву приглашали дважды — на закрытую вечеринку (вход по приглашению) и на день рождения к дочке чеченского бизнесмена. Меж тем, как подтвердили бесконечные звонки, обычных граждан, возжелавших отдать за него по двадцать долларов, более чем достаточно.

Может, надо было его вписать? Одноклассник все-таки. Но, с другой стороны, мне бы в голову не пришло так кому-то звонить: здорово, старина, ты компьютерами, говорят, торгуешь? Можно мне один бесплатно?

За мостом прорываемся вперед. Сто двадцать в час. Звонок.

— Але, Гришечка? Это Лена из рекламного. Помнишь меня?

Помню, пару раз на совещаниях встречались на прошлой работе.

— Тут такое дело, мне ужасно нужно сегодня у вас быть. Можно как-нибудь устроить?

Врешь, не уйдешь — вот он, шереметьевский терминал. Виноват, но не могу помочь, солнышко. Вот не мечтал работать вахтером. Купите билет, ребята. Я вам на ваши деньги еще не одного хорошего артиста привезу. А телефоны лучше фейсконтрольщиков записывайте, они люди публичные. У нас, слава богу, на концертах никакого фейсконтроля: готов заплатить за билет — заходи.

— Григорий? — в трубке секретарь. — Тут звонил Федор Бондарчук, просил вписать Косяченко.

— Спасибо, не нужно, — я не знаком с Федором Бондарчуком, настоящим или самозванным. Полагаю, что оба в состоянии заплатить за вход.

Йохансон стоит, окруженный таксистами в трениках, приобняв смуглую красавицу жену: реклама скандинавского универмага. Только что вышли. Слава богу. Машину к подъезду.

История про недотрогу из шведской деревни, что на сэкономленные завтраки плавал ночным паромом в Лондон, шил себе костюмы и бит был, — меня трогает. Никакого панибратства — мы единожды пили чай в стокгольмском «Гранд-отеле», и я тогда всерьез усомнился: охота же любящему мужу влезать в женский XL. Теперь понимаю — супруга-стилист, положение обязывает. Стюард его узнал, пересадил вместе с женой в бизнес-класс и поил шампанским. Не родился еще тот стюард, который не хотел бы напоить Йохансона шампанским. Дорожный бог смиловился, мы пролетаем положенный отрезок до «Президент-отеля» меньше чем за час. Предупреждали, что артист капризен. Селим в люкс.

— Красиво! — Йохансоны одобрительно кивают головой, широко улыбаются, сдают паспорта у стойки и исчезают в лифте. Ну слава богу.

Телефон на последнем издыхании. Занимаю оборонительную позицию: никаких списков.

— Он очень недоволен гостиницей. И нас с музыкантами никто не встречает, мы в терминале стоим.

Это Антон, русский менеджер Йохансона. Чемпион СССР по судомодельному спорту среди юниоров, внук первого секретаря ЦК партии Казахстана, живет в Стокгольме. Строит пентхаусы. У него останавливалась Агузарова, изображала инопланетянку, а он ей запросто говорил: «Жанна, не выделяйся». Концертов Йохансона продает раза в три больше, чем официальный европейский агент.

Почему их не встречают, не понимаю. Лично водителю второй машины диктовал по буквам имя и описал место встречи до миллиметра. Выясняется, что водитель сидит в машине на стоянке. На лобовое стекло честно прикрепил записку: «Ёхонсон». Пока никто к машине не подходил. Саша из Херсона, отзывчивый, в Москве недавно. Даже не спросишь у трансферной компании, где они водителей набирают.

Супруга Лаура ни на саундчек, ни на концерт не поедет, а Йейе заказал в номер блины с икрой: как только принесут, десять минут — и можно ехать.

Антон зовет Джей-Джея Йейе: обычное шведское имя. С тех пор как на мой вопрос: «Как вас называть?» — Арнольд Джордж Дорси удивленно ответил: «Энгельберт Хампердинк!», я этой практики всегда придерживаюсь. А у Антона все по-скандинавски просто: не звать же Йейе Джей-Джеем. Пианист Эрик, гитарист Юхан и Йейе-Джей-Джей, тише воды ниже травы, минута в минуту выезжают из «Президента» на чек. Про отель мне — ни гу-гу. Хотя, чего там, я бы тоже не понял, если бы мне интернетом в номере предложили за деньги воспользоваться. Хорошо, что за пописать денег не берут.

Охранник, как учили, говорит нам: «Хелло!» В гримерке — цветы. Туалет артистический отмыли до блеска. В Москве любят, чтобы все блестело, объясняю по дороге — поэтому у нас так все блестит: мало не покажется. Дизайнер берлинский пошутил. Йохансон с энтузиазмом кивает.

Долговязый артист стрелой взмывает на сцену — и как ему больно, глаза зажмурил. Голова встретилась с притолокой. Мы завтра же перестроим эту треклятую лестницу.

На саундчек уходит пятнадцать минут. Партии забиты в компьютер. Шведы — люди организованные. До концерта час. Йохансон заказывает блины с клубникой.

— Люди-то будут? — интересуется.

На входе Игорю суют тысячные купюры. Все билеты проданы.

— Пускайте, пожалуйста, внутрь только по билетам, — это Игорь охране на входе. Доволен.

Пытаюсь протиснуться через вход для публики — нерезально. В гардеробе мальчик в домашней кофте испуганно смотрит на разозленных теток, трясущих шубами. Он на работе первый день. И вешать некуда.

Слово «гардеробщики» (мн. ч.) только в моем ежедневнике фигурировало каждый день на протяжении недели. И это ведь не мой департамент. Так и не набрали. Краем глаза замечаю в очереди драматурга Гришковца. Драматург неодобрительно качает головой.

Нет, на улице картина куда как приятнее — улица перекрыта, машины паркуются в два ряда, и рейсовый автобус, похоже, не первую минуту отчаянно гудит, пытаясь прорваться по маршруту. Сожалею, очаг культуры в пятницу вечером нужнее рейсового автобуса.

Артист, согнувшись перед притолокой вдвое, выпархивает на сцену.

Солидные пары, хаявшие гардеробщика несолидными словами, утонченные геи, язвившие насчет нерасторопности барменов, потные меломаны, что не верят своему счастью: купил билет и вот он, артист, да плевать, что вентиляция не работает, — ловят кокетливую улыбку Йейе и застывают как вкопанные. Толпа натурально мурлычет, знакомые слова каждой песни покалывают горло и вылетают наружу — эти люди не позировать фотограмам приехали.

На фортепианном соло Йохансон влетает в примерку переодеться:

— Последний такой концерт был в Париже три года назад! — вот тут я его за язык не тянул. Артист явно не ждал, что с ним будут петь в унисон час напролет.

Стратегия сработала. Телефон выключен. Нет, вписаться нельзя, и билеты — сожалеем, но все проданы. Кому действительно нужно — позаботился заранее. И в зал попал тот, кому было нужно. Всем остальным — в следующий раз. Теперь очевидно: следующий раз обязательно будет.

Я вывожу Йохансона через кухню, он со свойственной долговязым ловкостью просовывает охапку дорогих букетов в окошко посудомойкам, it's for you, натягивает на голову вязаную шапку, прыгает в машину и растворяется в ночи.

Гришковец стоит в бесконечной очереди в гардероб. На лице у него — ничего хорошего у него на лице, концерт сорок минут как кончился.

Надо срочно что-то делать с гардеробом. А вообще я счастлив.

— Сергей Иванович! — Очень приятно.

Тоже Сергей Иванович! — И вам очень приятно.

Оба кругленькие, представительные, курчавые, в костюмах в льготную полоску — синем и черном соответственно.

Встреча с начальством ЧОПа — после утреннего интервью, разборки со звукорежиссером, провальной встречи с несостоявшимся спонсором, часа на телефоне с занудным немецким агентом и чтения в интернете панегириков Йохансону (за концерт) и проклятий нам (за гардероб) — не может быть неинтересной и непознавательной.

Я приготовил речь.

Лохматый, небритый детина в майке «Bolek i Lolek na olimpiadze zimowej», конечно, для отставных военных самый подходящий лектор: доверие внушает в момент, куда там. Ну, попробуем.

— Жалобы и нарекания на работу сотрудников охраны, — беру торжественную ноту, — чаще всего возникают не тогда, когда охрана действительно виновата. А тогда, когда полномочия администрации и охраны не разграничены.

Вчера я для менеджеров график выключения света и включения фоновой музыки составлял. Два часа распи-

сывал в адских подробностях — до зубовного скрежета. Менеджеры все равно врубят яркий служебный свет, а бармен поставит любимый трансовый сборник, как только старшие отвернутся. Зато речь для охраны мне теперь сколотить — раз плюнуть.

— Нам не хотелось бы обременять сотрудников охраны функцией общения. Предлагаю свести его к стандартному набору вежливых фраз. Разумеется, сотрудник должен поздороваться и пожелать посетителю приятного вечера. А вот в дискуссии с очередью или в выяснение отношений с нетрезвыми посетителями, пожалуйста, не стоит вмешиваться. У ваших сотрудников достаточно работы, давайте избавим их от необходимости работать личным психологом. Для этого есть менеджеры и хостес.

Хостес — моя гордость. Анечка и Светочка, две умницы модельной внешности, с прекрасным английским и лучезарной улыбкой, оттачивают на гостях: «Добро пожаловать в “Икру”». Не будь их — было бы: «Женщина, вам подсказать?» и «Здрасте, молодые люди». Охранник не виноват, что у него на районе так принято.

Сергей Ивановичи прониклись.

Сергей Иванович номер один сказал: «Полностью с вами согласен».

Сергей Иванович номер два подтвердил: «Вот так и проинструктируем».

Сергей Иванович номер один сказал: «Нам надо обсудить еще один вопрос».

Сергей Иванович номер два добавил: «В клубе пахнет наркотиками».

Игорь захохотал. Я почесал затылок. Сергей Ивановичи напряглись.

Маски-шоу нам не нужны — закрыться из-за чьей-то глупости в планы не входит. Но что такое запах наркотиков? Диетическая травка в гримерке «Маркшейдер кунст»?

Сергей Ивановичи предлагают внедрить законспирированного сотрудника. Тут со смехом не справляюсь я — живо представляю обоих на танцполе у SCSI9. Законспирированных — в костюмах синем и черном в полоску соответственно. И в черных очках — как в фильмах про советских резидентов.

— Вы это зря, — Сергей Иванович номер один обиделся.

— Вы никогда не догадаетесь, что это сотрудник, а не просто так гость, — Сергей Иванович номер два обиделся сильно.

Да на здоровье. И охраннику Сергею, что на after-party концерта Дереше Mode нежно сдерживал пятисотенную толпу, — вынесите благодарность, пожалуйста. Чем толще охранник, тем деликатнее и обходительнее. И к синти-попу, и к готике толстый охранник восприимчивей — с большой долей вероятности. У меня на такие вещи глаз наметан. Богатый опыт проживания в Подмоскowie.

— Это тебе, Гриша, сиикка! — Дусер сделал мне подарок. Значок с рыбой сиг. С Дусером всегда можно по-фински поговорить. Дискографию Тапани Кансса он явно лучше меня знает. И в финском танго — специалист.

Про группу Tequilajazzz мы который раз подряд пишем в клубном расписании: «Возможно, лучший отечественный рок-бенд». Без всякого лукавства. Сколько раз меня распирала гордость, когда немецкие, шведские, итальянские камрады застывали как вкопанные, — я, перекрикивая рыболикого Ай-яй-яя Федорова, кричал: «Пробабли, зе бест бенд ин зис кантри!» А Федоров говорил: «Для вас играла группа “Текилаяцца”!» — и ошибался, потому как правильно “ТекилаяццаИ”, с «и» на конце, но по-фински тут говорит Дусер, а Дусер за барабанами, ему некогда коллегу поправлять. Чаше них вряд ли кто из здешних музыкантов за границей гастролирует. И вряд ли у меня хватит наглости звонить кому-то еще с просьбой сделать крюк по дороге из Мурманска в Питер — сыграть одну песню на фестивале в Москве.

Я, признаться, рад, что нам выставили немаленький гонорар. Я не сошел с ума. Гонораров больших или маленьких не бывает. Бывают оправданные и неоправданные. У «Текилы» — оправданный. С билетной выручки отобьется. Прикалываю сиикку на лацкан пиджака. В обществе официанток у меня появилась тяга к пиджакам.

Женщина в черном люрексе, накрашенная под цыганскую диву Варю Панину, весом ближе к Дусеру, чем

к Паниной, заходит в зал на «Склянке запасного огня». Присаживается к стойке. Достает тонкую сигарету. С омерзением на лице закуривает.

Юля Юденич звонит раз, два, три, четыре — я переминался с ноги на ногу под «Зимнее солнце» и пропустил звонки. У Юли вечеринка начинается через пять минут по расписанию. А у нас «Текила» со сцены не сошла и пятьсот взмыленных фанатов «Зимнее солнце» не допели. Не клуб Мiх, прямо скажем.

— Как хочешь, так и убирай этих гопников! Юля чуть не плачет. — Посмотри, как они выглядят! Послушай, как они разговаривают. Сейчас будет: «Опа-опа-опа-па — отдыхаем хорошо!» А у меня такие красивые люди на входе стоят. И запускать внутрь давно пора. Сними артиста со сцены, пожалуйста, чтобы эти разошлись.

Не позавидую тому, кто попробует снять Дусера со сцены. И как же его можно снимать, когда он значок с рыбкой подарил.

На входе меж тем — швах. Очень красивые и очень нервные молодые люди хлопают дверью с интервалом в пятнадцать секунд. Анечка со Светочкой в растерянности. Ждать, пока закончится концерт, Юлины гости не собираются. Им вообще ждать несвойственно: клубов хватает, к счастью, и новых тоже.

Юлин муж, добрейший бородач Артем, материализуется за вертушками с последним аккордом «Текилы». Крупчатый тек-хаус рассыпается по залу. Потные майки Tequilajazzz выстраиваются в очередь к бару.

— Йо-хо-хо! — кричит бар.

— Бред какой-то, — бормочет Юлина очередь.

Аншлаг-аншлаг.

Они никогда доселе не встречались. Фанам пора на последний поезд метро. Клубберы — только что проснулись и тщательно привели себя в порядок. И для кого, спрашивается, привели?

Дама в люрексе героически делает вид, что это лучший вечер в ее жизни. Восседает в самом центре зала. Законспирирована по самые помидоры. Специалист по запаху наркотиков.

Юля молча хватается за голову и убегает на вход улыбаясь прибывающим.

С проникновением культур перегнули. Кто же замечал, что посетители рок-концертов не любят пользоваться антиперспирантом, а утонченные ночные жители, толкнув официантку, говорят не «извините», а «бл*дь!».

Но мне интересны и те, и другие. Я ошибся в расчетах?

Артем за вертушками всаживает inferнальную дозу тек-хауса — ледянее не бывает. Действует — разгоряченные рок-фаны потихоньку уступают территорию.

Даму в люрексе тек-хаус не берет. Вынюхивает наркотики. Музыкантам пора в Питер.

Из гримерки «Текилы» царственно выплывает Ира «Министри» Седова — дива «Китайского летчика», поэтесса, героиня песни группы «Кирпичи».

— Не могу понять, — интересуется дружелюбно. — Зачем ты в клуб ввязался? Отсюда ведь не бывает обратной дороги.

Ира — кассандра.

Билет до Токио лежит дома. На полке слева от саундсистемы. Как китайского божка положено регулярно гладить по пузу в целях повышения достатка, так билет до Токио надо немедленно брать в руки после разговора начистоту с Юлей Юденич, препирательств с Gogol Bordello и рецидива язвы желудка.

Мы — надводно — прожили в этом клубе две недели, а кажется, что всю жизнь.

Мне до самолета теперь всего ничего: отредактировать полученное от копирайтера расписание и отправить дизайнеру вместе с ц/у. В клуб сквозь непрерывный снегопад еду на ночь глядя, чтобы не отвлекаться; писать и отвечать на телефонные звонки, по два за пять минут, — не умею. Да и не писать нужно — редактировать. Если никто дергать не будет, к утру все сделаю.

Копирайтер предсказуем: в описании наших сорока с хвостом мероприятий в месяц слово «крутейший» (-ая, -ое, -ие) встречается семь раз. А где еще вы найдете копирайтера, который будет безропотно писать про музыкантов

King Crimson, героев радио Maximum, Алину Витухновскую и диджеев Big Dada — хоть что-то да понимая в этом во всем? Про диджеев писать — это же вообще страшное дело. Они все с детства жуть как интересовались музыкой, свой первый сет отыграли в школе в пятнадцать лет и объездили весь мир, от Лондона до Сиднея и от Лос-Анджелеса до Москвы, представляете?! Задохнуться как самобытно. Поймать бы того универсального робота, который сочиняет диджейские биографии, и перепрограммировать на создание порносайтов.

Поэтому копирайтера я буду холить и лелеять. Даром что столько времени уходит на редактуру.

Знаки препинания летят в тартарары. В человеческий синтаксис, Ира, после клубного расписания тоже обратной дороги не бывает. Уберем хотя бы пассаж про Джими Тенора, который «совершенствовал свое авангардистское мастерство», лишим Кевин Блехдом звания «известная электронщица», перепишем с нуля текст про SCSI9, слишком уж он от Лондона до Сиднея, и потихоньку можно жить. Все сначала еще раз по мелочам починить. Цены на билеты и время начала в выходных данных под каждым концертом проверить. Никогда в жизни я не согласился бы на работу копирайтера для этого клуба.

И всего-то пять часов возни с редактурой. Какая малая плата за вылет в Токио. Был бы протестантом, смутился бы и еще фронт работы себе придумал. «Send to IKRA designer» — выключаем компьютер, спасибо, увидимся через две недели, и ноутбук я с собой ни за что не возьму.

Что еще с замком?

Входная дверь в офис заперта. Семь утра. Светает. Какого черта.

Ключи, туда-сюда, толкнуть — заперта дверь.

Не могла же охрана меня запереть.

Снег!

Он, зараза, падал всю ночь, липкий, ни к селу ни к городу мартовский снег, он завалил весь двор, вход в офис-избушку отрезан снегом, как отрезан и вход из клуба во двор к офису — дежурный охранник ко мне не проберется. Техники и охранники выйдут на работу к двенадцати — не то

что собраться в Японию, до аэропорта бы при таком раскладе доехать. Через окно бесполезно: решетка.

Я толкаю дверь. Толкаю раз, другой, десятый, закрыв глаза, медитирую на Золотой и Серебряный павильоны — они у меня рядом стоят, как Спасская башня и Мавзолей. Мычу себе что-то под нос, по науке, по теории трудовой песни — так ритмичнее. На пятой минуте дверь идет на попятную: приоткрывается сантиметра на три. Пять минут кажутся пятью часами. Я просовываю пальцы наружу по фалангу и совком уборщицы начинаю елозить по снеговой корке. Я очень хочу в Токио. У меня шопинг на Хараджуку. Раскопайте меня, пожалуйста.

Совок ломается.

Хватаю со стола бухгалтера калькулятор. Калькулятор управляется со снегом получше. Пять-десять минут, и вот уже пованивающее хлоркой ведро высовывается на улицу, и мой рукав в J.Lindeberg в этом ведре, в стеклянном сцепившемся снегу, и я в центре сугроба красным ведром откапываю себе путь — на остров Одайбу, где машины ездят без человеческой помощи, в клуб Exit, куда спускаться пять лестничных пролетов через накачавшиеся лилипутские тела, на кладбище Уено, по которому, как по городу мертвых, ездят велосипедисты. Золотой и Серебряный павильоны находятся в разных местах, и вообще они в Киото, конечно. Но в моей голове они торчат вместе, с двух сторон одного пруда, и в пруду устроен онсен, пахнет горячими эссенциями и плавают нарезанные ломтиками на сашими императорские карпы.

Дверь открыта. Кутикулы в кровь. Летим в Токио, без изменений.

— А это наш главный русский артист, — бережно, как сверток с младенцем, Сергей передает Хироси-сану CD-болванку.

На болванке написано «Максим».

Хироси-сан, менеджер японского ЕМІ, так же бережно, двумя руками (что они вообще делают одной рукой? Харакири?) принимает диск и отправляет его в умопомрачительного дизайнера плоский черный проигрыватель.

Диск — ни бум-бум. Тишина.

Хироси-сан вынимает диск, крутит в руках и нежно отправляет назад.

Тишина. Молчаливый певец Максим.

Хироси-сан краснеет. Болванка пуста.

— ОК, мы пришьем вам по почте. — Сергей невозмутим. Ему глубоко наплевать. Сотрудничество между японским и российским отделениями лейбла-мейджора началось исключительно ради того, чтобы нам поставили японскую бизнес-визу. Туристическую дают в посольстве — только если ехать с турагентством. А мы, клиенты Хараджуку, скорее выпрыгнем с балкона, чем поедем отдыхать с турагентством. Тем более с русским.

За это и слушаем: час послушать японских коллег — труд не велик.

— У Хиромицу Агацума — очень успешный альбом. У Томоясу Хотей — успешный альбом. Тоже успешный альбом — у Элефант Кашимаши. Альбом Нориюки Макихара — очень успешный.

Мы с Сергеем киваем понимающе. Танька с порога сказала: «Don't speak English» — и теперь предательски дремлет в кресле в углу.

— Цубаки — успешный тоже. А вы знаете Утада Хикару?

Это, позвольте, запрещенный прием. Мы же вас не спрашивали, знаете ли вы певца Максима.

На Утада Хикару внезапно просыпается Танька.

— Йес, ай ноу! — и ведь радуется, чудо в перьях.

Откуда Танька знает всех, кого она знает, у меня в голове не укладывается. Все известные мне профессора от современной музыки были мужиками, все редакторы, все музыкальные журналисты, включая меня, — тощие, толстые, приземистые, долговязые, прыщавые самцы, компенсирующие околмузыкальной мастурбацией собственные «недо-» и «почти». Никаких барышень. Ну, может, диджей на радио. Или поет. Или с диджеем роман крутила и не заметила, как свою коллекцию собрала. Но миниатюрная девочка из Строгино, с активной личной и общественной жизнью, — почему это она мне как-то после университета рассказала про Mogwai, а не я ей?

что собраться в Японию, до аэропорта бы при таком раскладе доехать. Через окно бесполезно: решетка.

Я толкаю дверь. Толкаю раз, другой, десятый, закрыв глаза, медитирую на Золотой и Серебряный павильоны — они у меня рядом стоят, как Спасская башня и Мавзолей. Мычу себе что-то под нос, по науке, по теории трудовой песни — так ритмичнее. На пятой минуте дверь идет на попятную: приоткрывается сантиметра на три. Пять минут кажутся пятью часами. Я просовываю пальцы наружу по фалангу и совком уборщицы начинаю елозить по снеговой корке. Я очень хочу в Токио. У меня шопинг на Хараджуку. Раскопайте меня, пожалуйста.

Совок ломается.

Хватаю со стола бухгалтера калькулятор. Калькулятор управляется со снегом получше. Пять-десять минут, и вот уже пованивающее хлоркой ведро высовывается на улицу, и мой рукав в J.Lindeberg в этом ведре, в стеклянном сцепившемся снегу, и я в центре сугроба красным ведром откапываю себе путь — на остров Одайбу, где машины ездят без человеческой помощи, в клуб Exit, куда спускаться пять лестничных пролетов через накачавшиеся лилипутские тела, на кладбище Уено, по которому, как по городу мертвых, ездят велосипедисты. Золотой и Серебряный павильоны находятся в разных местах, и вообще они в Киото, конечно. Но в моей голове они торчат вместе, с двух сторон одного пруда, и в пруду устроен онсен, пахнет горячими эссенциями и плавают нарезанные ломтиками на сашими императорские карпы.

Дверь открыта. Кутикулы в кровь. Летим в Токио, без изменений.

— А это наш главный русский артист, — бережно, как сверток с младенцем, Сергей передает Хироси-сану CD-болванку.

На болванке написано «Максим».

Хироси-сан, менеджер японского ЕМІ, так же бережно, двумя руками (что они вообще делают одной рукой? Харакири?) принимает диск и отправляет его в умопомрачительного дизайнера плоский черный проигрыватель.

Диск — ни бум-бум. Тишина.

Хироси-сан вынимает диск, крутит в руках и нежно отправляет назад.

Тишина. Молчаливый певец Максим.

Хироси-сан краснеет. Болванка пуста.

— ОК, мы пришьем вам по почте. — Сергей невозмутим. Ему глубоко наплевать. Сотрудничество между японским и российским отделениями лейбла-мейджора началось исключительно ради того, чтобы нам поставили японскую бизнес-визу. Туристическую дают в посольстве — только если ехать с турагентством. А мы, клиенты Хараджуку, скорее выпрыгнем с балкона, чем поедем отдыхать с турагентством. Тем более с русским.

За это и слушаем: час послушать японских коллег — труд не велик.

— У Хиромицу Агацума — очень успешный альбом. У Томоясу Хотей — успешный альбом. Тоже успешный альбом — у Элефант Кашимаши. Альбом Нориюки Макихара — очень успешный.

Мы с Сергеем киваем понимающе. Танька с порога сказала: «Don't speak English» — и теперь предательски дремлет в кресле в углу.

— Цубаки — успешный тоже. А вы знаете Утада Хикару?

Это, позвольте, запрещенный прием. Мы же вас не спрашивали, знаете ли вы певца Максима.

На Утада Хикару внезапно просыпается Танька.

— Йес, ай ноу! — и ведь радуется, чудо в перьях.

Откуда Танька знает всех, кого она знает, у меня в голове не укладывается. Все известные мне профессора от современной музыки были мужиками, все редакторы, все музыкальные журналисты, включая меня, — тощие, толстые, приземистые, долговязые, прыщавые самцы, компенсирующие околomuзыкальной мастурбацией собственные «недо-» и «почти». Никаких барышень. Ну, может, диджей на радио. Или поет. Или с диджеем роман крутила и не заметила, как свою коллекцию собрала. Но миниатюрная девочка из Строгино, с активной личной и общественной жизнью, — почему это она мне как-то после университета рассказала про Mogwai, а не я ей?

У творцов признанных и не-, у спекулянтов в поисках легких денег, светских тусовщиков, разнокалиберных участников нашего броуновского движения есть в происходящем хотя бы мало-мальский практический интерес. Им надо быть услышанными, увиденными, заработать, продать, сублимировать — причинно-следственная связь работает безотказно-убедительно. И только Танька который год ставит меня в тупик. Ее монбланы недешевых изданий Radiohead — по любви, ее способность без всяких Q и NME (дон'т ведь спик, да и недешевые издания) в двух предложениях рассказать, кого я буду слушать завтра, — не дает сбоев, ее привычка самой платить за билет, диск или коктейль в баре — вообще не из Москвы. И правда, на подземном танцполе в токийском Exit, среди танцующих под 140 в минуту японок в одинаковом черном и открытом, она смотрится куда аутентичнее.

Вокруг ее хрупкой фигурки, упакованной на зависть Вивьен Вествуд в самые провокационные в Москве шмотки (автор, по традиции, неизвестен), всегда хватает желающих заплатить и составить компанию.

Так вот, платить за себя предпочитает сама. В клуб «Икра» приезжает на случайных бомбилах или на метро, одна, разворачивая каждую голову в потном вагоне к очередному дизайнерски ободранному подолу. С чего это ей не пользоваться общественным транспортом, раз он ходит? Резонная логика для мира Хироси-сана. У обыкновенного москвича от такого виснет компьютер.

Вчера в восьмидесятилетнем баре в Голден-Гае (три на три метра, как здесь полагается) скользила пальцами по рисованным черепакам на свежекупленных в Хараджуку подтяжках, улыбалась в тридцать два зуба бармену-хозяину, чтобы продал японский бутлег Kraftwerk вот с той полочки. Бармен, жадина, разговор на «Москува карасо» свел. Не сложилось диалога. Таня пыталась вчитаться в хирагану над четырьмя красными рубашками, а Синди Лопер все пела и пела, что было б скучно, наверно, на свете без девчат. Не возьму в толк, почему при всем при этом с Kraftwerk встречаюсь я и письма агенту Синди Лопер пачками шлю я, а не Танька.

«Дон`т спик инглиш» все испортил. Сто лет как можно было выучить. Все неправильно.

— Григорий, наконец-то вы к нам! — две тарелки борща на подносе не лишают Лену изящества. Кокетничает. — Мы соску-у-учились!

В мире, без сомнения, есть более неблагодарная работа, чем работа официанта. Только я ее не видел. Расстояние от кухни до VIP-зоны на самом высоком балконе клуба — три узких лестничных пролета. По дороге надо не облить борщом устремившуюся на сцену Жанну Агузарову, не врезаться в воспитывающих хулигана охранников и не столкнуться с коллегой, бегущим с ВИПа на кухню. Подавать клиенту — с королевским видом, с грацией и улыбкой. Если скажут «спасибо» — уже хорошо.

Японские девочки, позавчера с поклоном ставившие на мой стол саке, шведские мальчики, месяц назад ревностно поправлявшие галстуки, пока я выбирал между калифорнийским и австралийским ширазом, плутоватая девица в Трайбеке, с обворожительной улыбкой шандарахнувшая однажды мне в мохито самого дорогого рома по тройному тарифу, — папа и мама водили вас в ресторан, и не к Рональду МакДональду, и хотя бы раз-другой-четвертый. Завтра вы закажете себе саке, выберете к своему стейку самый интересный из недорогих ширазов, а ближе к ночи задумаетесь у стойки — мохито, капирина или сэкономить и все же брутального пива? У вас будет праздник, вы еще неделю будете готовить дома, питаться take-away и покупать пиво упаковками в супермаркете. Но, выйдя раз прогулять недельную зарплату, вы не почувствуете себя в тылу врага.

У меня собрание с официантами.

В мое отсутствие, нашептали мне девочки в официантской, Игорь³ сорок минут ждал в пустом зале свою рыбу, принесли горелую и с соусом, свалаявшимся в комки. Игорь пошел искать шеф-повара и управляющего. Кричали. Руками махали.

Кухня — мужская территория, невзирая на количество барышень. Размах ножа — раззудись плечо. Спешка и вечная жара в любое время года. Замена спортзалу — первостатейная.

На кухне с открытия завелся сборник «Радио Шансон» и зазвучал уверенный вихрастый тихий мат. Пролетарское мужское братство, епт. Я ничего не смыслю в организации ресторана, не жду за разделочной доской университетских профессоров и библиотекарей — но аппетит от этого знания у меня пропадает. Все могло бы быть по-другому.

Кухня не моя территория. У Наташи в «Думе» работает тот же шеф-повар, и есть можно, и есть хочется.

— Это все со временем, — машет рукой Наташа.

Хорошо ей говорить. У нее банкиры снимут приватный кабинет, зажгут сигары, поговорят час и бросят кредитку на счет с четырьмя нулями. Поговорят о кризисе ликвидности, поговорят о бабах, разойдутся. То же братство, только при другом бюджете. Банкирам после работы куда как меньше надо, чем клубным жителям, — именно так, да-да.

Если я не могу починить кухню, могу же я с официантами встретиться! И надо ведь кому-то новые подтяжки показать в отсутствие уик-энда и назначенных встреч.

Официантка Олеся — коверный с тугим хвостиком и игривой родинкой на верхней губе. Черные глазки бегают. Что-то около двадцати пяти. По фамилии Поварешкина, по отчеству Оле-говна (господи, зачем она это так произносит?) — хохочет так много и громко, как делают очень грустные люди. Клиента чувствует спинным мозгом. Полагаю, ей даже за горелую рыбу чаевые оставляют.

Официант Вася — смуглый, улыбчивый, глаза горят, подстрижен под Юру Шатунова с намеком на Toni and Guy, двадцати нет, наверно, а как будет, начнет тусоваться каждый день до шести утра — смерть мужьям. Дед был председателем колхоза. Работает из соображений светскости.

Официантка Маша — полненькая, русоволосая, с заботливо-опечаленным взглядом, неприметная, тишайшая и добрейшая — не пропускает при этом ни одного спартаковского матча. Полненькие — наше все. С нашей зарплатой

в двести долларов много ли здесь фактурных девочек и мальчиков задержится? Меж тем полные грациозней, чутче, учтивей — что бы мы без них делали.

И пять новых девочек. И три новых мальчика. Каждого хочется накормить. Вид у всех испуганный: Москва слезам не верит, плавали, знаем. Первый раз в глаза. Здравсте.

Их тренируют, конечно, перед тем как выпускать. Менеджер Катя. В официантской висит памятка — как оставить у гостей плохое впечатление:

- *не поздороваться с гостем;*
- *позволить женщинам-гостям рассаживаться самим;*
- *отсутствие макияжа;*
- *небритость (у мужчин);*
- *громко спорить при гостях;*
- *бегать по залу;*
- *невнимание гостю, когда долго нет заказа.*

И так далее, и тому подобное, далее электропоезд следует со всеми остановками. Нebrитость и отсутствие макияжа — страшный грех, особенно в сочетании. Ньюкки официанты называют «гноччи». Единственное блюдо в меню, знакомое им из недавнего детства, — сельдь под шубой. На день рождения мама делала и в общежитии на Новый год. Что такое корейка, они узнали от Кати, и ингредиенты соуса к тигровым креветкам (базилик, кориандр, майоран) для них — слова-абырвалги. Избранным официантам дадут попробовать, когда проработают несколько месяцев.

Откуда вообще взяли это слово — «гость»? Ладно бы где-нибудь в Сочи, близость гостеприимного Кавказа позволяет назвать гостем объект мелкого мошенничества, обгоренный алкогольно-гастрономическим путем. Но в Москве-то за что? Фальшь режет ухо.

— За что, — спрашиваю, — я оставляю чаевые?

За хорошую работу, — бормочет худенькая девочка с просвечивающей жилкой на лбу.

Ленин и дети, прости господи.

— Чаевые я оставляю за ваше ко мне внимание. За то, что вы понимаете: самое дорогое, что у меня есть, — время, и спешите к моему столу со всех ног. За то, что вы мне

улыбаются и можете быстро угадать, подсказать, посоветовать. За то, что я ухожу от вас с хорошим настроением.

Я мало смыслю в ресторанной культуре. Но всегда оставляю 10% на чай, если меня все устраивает. Просто пытаюсь подсказать.

Худышка вежливо улыбается уголками губ. Генератор хорошего настроения, куда там. Сначала она, напрягая связки в табачном дыму, вспомнит с горем пополам ингредиенты блюд, которые ей никогда в жизни не придется ни готовить, ни есть, запнется, ошибется, проглотит ухмылку гааассстей, столкнется («глаза в жопе, что ли?») в официантской с подносом примадонны Поварешкиной, бросит заказ повару, попросит у менеджера Кати разрешения покурить, нельзя, потому что по двое курить нельзя, а уже Маша курит, вернется в зал («за смертью посылать!»), вернется к повару, будет послана убедительным трехэтажным, дождется очереди покурить, схватит горелую рыбу, брякнет на стол с тихим «приятного аппетита», будет вызвана назад через минуту, заберет рыбу, отнесет повару, еще раз будет послана трехэтажным, позовет к гаасстям менеджера Катю, отработает свои двенадцать часов и шестьсот ступенек и уедет электричкой в 7.17 в Подольск. Назад из Подольска в 16.33 или в 16.59. Если повезет, получит рублей сто чаевых. Много ли от нее зависит.

На следующей неделе эта Оля или Света из Подольска, как ее там звали, сбежит с этой прекрасной работы на новую, не менее прекрасную, куда подальше. На ее место придет точно такая же Света или Оля — из Ногинска.

Официант отдувается за всех. Включая меня, когда у меня артист на полчаса с началом концерта задерживается: гость артисту потом похлопает, а официанту сразу на вид поставит. И официант эту вашу задушевную культуру обслуживания в гробу видал в белых тапочках. Придумают ведь, буржуи.

Мой знакомец Тони в Хельсинки — тоже не центр ресторанной культуры — взял за практику в официанты, а со временем и в бармены набирать иностранных студентов. За работу они держатся — не то что жители соседнего райцентра, на родине почти со стопроцентной вероятностью

кафе и ресторанов больше видели, чем в юной Финляндии. И выглядят интернационально.

В очередной раз безуспешно пытаюсь слямзить идею.

— Иностранцев, — устало вздыхает менеджер Катя, — нереально принимать на работу без регистрации. За них налоги страшные нужно платить. Невыгодно.

Конечно, как же можно на работу иностранцев принимать?! Их придется раз в полгода отправлять сдавать анализ на СПИД и за новой визой в ближайшее посольство в Хельсинки или Таллин! Тут экспат — директор компании задумается, а нужна ли ему такая благодать, как работа в этой забаррикадированной Москве, — не то что студент-официант. Иностранец, известное дело, враг человечества.

Впрочем, я еще одну — единственную — страну знаю, где была обязательная прописка-регистрация и никто не удивлялся. ЮАР. Правда, там регистрацию с окончанием апартхеида отменили.

— Я прекрасно понимаю, что это тяжелая работа, поэтому заниматься ею, не стараясь заработать, смысла не вижу, — пытаюсь настроить аудиторию на творчество. Давайте попробуем ценить каждую минуту, каждое желание каждого посетителя, и вы увидите ответ в виде чаевых в своем кармане.

Складные стульчики хлопают — каждый относит свой в подсобку над сценой.

— Гриш, — Катя настроена дружелюбно, но к дипломатии не склонна. Останавливаемся с ней у выхода из зала. — Ты видел всю эту красивую публику у Олега Магди или у Кати Антишанти? Ты знаешь, сколько они на чай оставляют? Десять рублей в лучшем случае, чаще ничего — а счета там по тысяче. Официанты просто стаканы убирают.

Не возьму в толк, как устроен этот город. Не оставить на чай? Судя по всему, сбой в программе не только на нашей кухне. Получается, я им про себя любимого, а не про общечеловеческие правила вещал.

На автопилоте нажимаю на «стоп» и вынимаю из CD-проигрывателя чей-то сборник «R'n'B Hits. 2006. Vol.4». Ломаю одной рукой (интересно, как ломал бы диск мой

японский коллега — двумя руками?). Бросаю в корзину. Ставлю сборник французского джаза.

Ну хоть у мальчика Васи в глазах искра промелькнула. А может, мне показалось.

Под страшным секретом рассказали новость. На крупнейшем рекорд-лейбле в отделе маркетинга инструкция: перед приходом критика Троицкого убирать с рабочих столов все диски. Забирает все мало-мальски интересное, что видит, — а неинтересного на этих столах не бывает. И ведь не откажешь.

Боже, храни коллег с рекорд-лейблов. Они не продают ничего, теснимые наступлением интернета и олдскульным пиратством, их зарплаты — еще хуже, чем в модном журнале, их будущее — туманно. Но они приносят диски и, под настроение, винил.

Тут Игорь подарил на день рождения iPod. Я оценил, покраснел, расчувствовался — положил дома на полку на видное место. Рядом с хозяйкиным баяном. Что iPod, что баян — понятия не имею, как ими пользоваться. Мне надо держать в руках диск. А новое послушать — можно и на MySpace. Чтобы потом купить или не купить диск.

Пока я бил поклоны Тане за коллекционное ЕМІвское переиздание Kraftwerk, Настя с Universal принесла дивную коллекцию Björk. Лопухнулся классик: не понесет никто и никогда с базара Белинского и Гоголя. Гришковца понесут и Мураками. Девендру Банхарта то есть понесут, и Antony and the Johnsons. За Белинского и Гоголя от музыки — спасибо друзьям с рекорд-лейблов. Так я и «Зигги Стардаста» когда-нибудь толком послушаю.

У нас с Настей сотрудничество. В кои веки могу быть полезен. В афише «Икры» — двадцать западных имен за тридцать дней, но к крупным рекорд-лейблам они не относятся никоим образом, так же как не относятся к ним человек-гора Стас Барецкий, шаманка Инна Желанная или специалист по техно-расчлененке Mujuice. Не то чтобы мы такие авангардные. На Настиного западного артиста у меня денег нет и не будет.

Зато у Насти есть певица Линда, у певицы Линды — греческий муж, у греческого мужа — студия и альбом на сносях с русской женой. Нужна презентация и фуршет.

Кухня пляшет и поет. Обнявшись с баром. Это вам не участники King Crimson — в зале два валета и вот это. Фуршет на сто человек: прибыльное предприятие.

Сижу в офисе, отправляю сто первое, заведомо безответное, письмо агенту Gogol Bordello. В копии — фронтмен Юджин Хатц, не нашедший для меня времени на Манхэттене. Прелесть бессмысленных ритуалов — они дают ощущение стабильности.

Звонят от Насти. Встречаем рояль для завтрашней презентации у главного входа через пять минут.

Зажатую в деревянный каркас белую «ямаху» нежно, как усыпленного слоненка, катят на телеге четыре грузчика, огибают бесконечные углы нашего коридора.

— В зал?

Не пойдет: рояль на завтра, сегодня рок-диско у Димы Спирина. Под «Discovery Channel» в прошлый раз толпа перевернула семипудовый стол с вертушками — а панкерши-go-go's хохотали и продолжали прыгать как ни в чем не бывало. Что им чужой рояль — хоть пять охранников ставь. Убытка не миновать. И греческий муж расстроится.

Несем через двор в офис. Рояль загораживает завскладом вид на календарь со щенятами, украшающий противоположную стену. Это всего на один день. Для сохранности.

У меня хорошее настроение. Всего-то пару месяцев прожили, а назавтра: рекорд-лейбл с совершенно мне не интересным, но представительным артистом Линдой, Юлина вечеринка (мы предусмотрительно раздвинули ее по времени с концертом на пару часов) — и концерт! Я наконец решил позвать Олега Нестерова с «Мегаполисом». На этот концерт я пойду сам: «Мегаполис» — мистическое пятно в Москве девяностых, светлая интеллигентская утопия дэвид-силвьяновского свойства, возникающая и выжившая там, где ей никак не могло быть места. Я опоздал на нее по возрасту, в моей пубертатной истории болезни ее не было — но чудом нагнал, устроившись как-то к Нестерову на работу и начав вдруг «Мегаполис» слушать.

Сигналю Насте на корпоративный ящик: «Рояль на месте. Ждем завтра».

В отличном настроении еду домой. Могу позволить себе немного Аманды Палмер. В смятенных чувствах этот догвилль лучше не слушать; в решительном настроении духа — мне нет в мире ближе оглашенной. Не забыть отправить ее агенту еще одно письмо.

И наконец апрель, и наконец мы зарабатываем какие-то деньги, и наконец небо над Тверской еще синеватое (ладно, что себя за нос водить — темно-синее) — но все равно можно провести в клубе полциферблата и вернуться домой не ночью. Хотя бы раз в неделю. Дурацкое счастье стабильности — там, где стабильности и в проекте не было.

В 12 утра три пропущенных звонка от менеджера Кати.

С трудом продирая глаза, успеваю поймать четвертый.

Всю программу на сегодня надо отменять. Пожар в офисе — проводку замкнуло. Могло быть и хуже: несколько компьютеров целы, сервер с программным обеспечением для бара и ресторана уже чистят от пепла и за пару дней должны восстановить.

Только рояль сгорел.

Бегу вдоль магазина «Москва». Первой настигаю Юлю Юденич.

Не работают кассовые аппараты? — Юля пугающее спокойна. — Работайте без них! Я пригласила на сегодня пятьсот человек — я не могу ничего отменять. Пахнет гарью — включите кондишн сильнее, палочки ароматические, придумайте что-нибудь. Если ты отменишь сегодня вечеринку, мы на этом прекратим сотрудничество. Достаточно! — вот здесь Юля уже не сдерживается, я, целиком в кричащей телефонной трубке, чуть не сшибаю критика Семеляка, мирно шагающего в «Трансильванию».

Семеляку хоть бы хны, смеется, чешет искусно выстриженный затылок и скрывается в арке. Везет ему.

На театральной кассе у арки — наша афиша. Настоящий московский ансамбль «Мегаполис». Сегодня в «Икре».

Звоню Олегу Нестерову.

Он, в отличие от Юли, кричать не будет. Голос на моей памяти он повышал один раз — когда я работал у него на лейбле «Снегири» и мы записывали изнуряющую череду новогодних видеопоздравлений, призванных поднять продажи в провинции. «Привет, Рязань, я Олег Нестеров, от всего сердца...» «Привет, Казань, я Олег Нестеров, от всего сердца...» И так по количеству местных телекомпаний от Москвы до самых до окраин. Часа на три у елочки.

Не радио — слово к слову не смонтируешь.

Елочка для съемки у нас почему-то была оккупирована в кинотеатре «Прага», Нестеров был после воспаления легких, я опаздывал, как обычно. На входе меня встретил не на шутку злой руководитель, с красным носом, кашляющий. Влетело по делу, и поздравление воронежам мы после этого отсняли борзое и злое. Проклятие опознаваемых физиономий: зайти в кинотеатр «Прага» и просто так подождать команду — невозможно. Ужасно чувствовать себя двухголовым теленком.

Однажды в городе были пробки; мы с «Мегаполисом» пытались успеть на концерт на метро, и одного раза хватило — профиль Нестерова заставил повернуться к нему в набитом вагоне каждую голову, от «Динамо» до «Новокузнецкой» включительно.

Как-то я уговорил его прочесть на журфаке лекцию. Нестеров рассказывал о промо — о том, как, не платя ни цента (цента нет), заставить журналиста написать о музыке не очень громкой и телевидению чуждой. «Гуляете вы с бокалом, — длинный Нестеров мерил аудиторию шагами, сжимая воображаемый бокал, — по банкетному залу. Фуршет. Триста лет КГБ. Навстречу вам Константин Эрнст. И он вам: “Как дела?” А вы ему: “Ужас!” Вот тогда он не сможет не остановиться и не спросить: “Что случилось?” Тут-то вы ему про своего нового артиста мантру и прочтете».

«Ужас!» у Олега получается с детской, восхищенной, без пяти минут радостной интонацией.

Я бегу по той Тверской, где у Олега в старом клипе «Мегаполиса» по-прежнему стоят деревья и нет ни одного

рекламного щита, по городу, где на его сергейникитинское объявление «бесплатный концерт для женихов и невест» откликнулась сотня жутковатых свежепоженившихся пацанов и телочек, где он умудряется любить Перово и вести машину по забитой Масловке интеллигентно, как на любимой Унтер-ден-Линден. Его Москва не во времени, она в параллельном изменении, в нем самом и — бумерангом — чуть-чуть во мне.

Дозваниваюсь у магазина «Подарки». Который Zara.

Олег, в отличие от Юли, понимает, что без кассовых аппаратов открываться нельзя.

— Ну раз такое дело, — роняет с досадой.

Его пиарщики работали на рекламу этого концерта — месяц. Концерт «Мегаполис» играет раз в сезон. Очень кстати. Договариваемся перенести на неделю. Чувствую себя последней заразой.

У Исторического музея набираю офисный номер Universal. Им уже позвонили, и они срочно везут в клуб для Линды новый рояль. Старый сгорел не полностью, если восстановлению подлежит, то тысяч в пять-семь долларов компенсации уложимся. И за фуршет, который уже накрывают, платить, разумеется, в этой ситуации компания не может.

Ну, греческий муж вам в помощь.

Только-только начали зарабатывать. Подумали, что начали.

Пожарная безопасность — что, тоже на мне?

Стены в офисе серого цвета, от офисного компьютера разит гарью. Бумаги целы, обуглены по краям.

Неделю сидим-трудимся вдвоем в комнатке без окон под лестницей — пока вернувшиеся таджикские норманфостеры колдуют в сгоревших стенах. Приближение майских праздников делает народ беспечным, а журналиста доверчивым. Пресс-атташе Олейников сделал десяток опровергающих заявлений: не было никакого пожара, на кухне пригорело. Брат-журналист и успокоился.

Юля перезвонила и извинилась, я извинился перед ней; на перенесенном «Мегаполисе» было от силы человек сто

зрителей, Олег расстроился, но виду не подал; Линда сделала вид, что жуткого запаха гари не чувствует, и «спасибо» сказала, уходя, каждому официанту. За сгоревший рояль платить — упираемся. Пустяки, дело житейское.

Мне кажется, что пожар случился полгода назад: неделя у нас идет за двенадцать. Откуда ни возьмись решил приехать с диджей-сетом Юджин Хатц. Сам прорезался в Сети, без китайских церемоний и переписки через агента. Первого мая вот, например, не против. Как раз по дороге из Нью-Йорка в прикарпатский табор.

Антишанти ушла в отставку. Зарплата ноль, в зале — двести человек, экраны — самим вешать, проекторы — самим ставить. Перед последней вечеринкой, на седьмом часу подготовки, зашла в пустой бар и взяла бутылку воды. Охрана доблестно отрапортовала: «Докладная записка, записка докладная. В 17.00 гр. Ефимова зашла в бар (зафиксировано видеокамерой), взломала пломбу, вынула 1 бут. воды, открыла, выпила, унесла...» Что с охраны спросить? Взломала, вынула, выпила, унесла. И заваливающего техника мне ей в помощь неоткуда было взять. Пока мы за Gogol Bordello гонялись, французского посла и финского принимали, с кухней ругались и двадцать четыре часа на амбразуре лежали, у человека руки опустились. Ей-то за что биться: славы хватает, приработка нет, чужие копейки экономить ни к чему. Быт заел. К быту ни Антишанти, ни я готовы не были. Концепция быт не предусматривала — как не предусматривала мат на кухне, случайных пассажиров Курского, добравшихся вечером «посидеть» в ультраберлинский оранжевый бар, и непобедимую очередь в гардероб, аннулировать которую помогло только весеннее потепление.

Внезапно — для меня, неутреннего, а посему несведущего человека, — закрылся клуб Mix. Впервые я это слово услышал от махинатора Олега Кострова, гениально и бессовестно тырившего чужие сэмплы для своих кукольных треков. Костров был порядком капризен (даже с терпеливым Олегом Гитаркиным они не ужились — так развалился «Нож для Frau Müller») и от презентации новой пластинки в «Шестнадцати тоннах» в конце прошлого века

напрочь отказался. «Только клуб Mix», — сказал и трубку положил. В тесные полтора зала набилось тогда человек двести — свежих, новых, не по-московски спокойно и со вкусом одетых и подстриженных. Еще через три года я отвез сюда после концерта берлинских гастролеров То Рососо Rot — в пять утра мы продирались через ровно той же самой наружности толпу, пожалуй, более многочисленную, чем на их концерте. Mix выглядел религией для соседней конфессии — чужой, но симпатичной.

Но к нам-то — все флаги в гости. Любой приличный человек — единомышленник. Вдруг окажемся кстати Сергею Сергееву? Промоутер — теперь уже бывший промоутер Mix'а, интеллигентный футбольный болельщик из Питера, временно-постоянно проживающий в Бескудниково, коренастый, улыбчивый, совершенно ирландской наружности (его собратья добродушно тянут пинту в барах по всему Корку и Голуэю) — Сергеев хранит в своей базе не одну тысячу телефонов. Телефонную базу после первой же встречи, не жадничая, присылает нашему пресс-Николаю — самому Сергееву некогда СМС рассылать. Кто там будет играть на вечеринке, понятия не имеет. Разве непонятно: если люди придут — придут не на диджея, а на Сергеева. Так и называли резиденцию — «Сергеев в “Икре”».

В довершение всего — Игорь вернулся с фестиваля во Франции посвежевшим; привез в оранжевый зал оранжевое мусорное ведро, гору оранжевого винила и гениальную, на мой взгляд, идею: устроить в том же камерном оранжевом зале резиденцию ведущему ночного эфира «Рихтер FM» на «Серебряном дожде». Радиопрограмма IRL.

До Игоря я наивно полагал, что Соил и Марка Алмонда в ночи ставит музыкальный редактор, а Гумилева и Пастернака читает нанятый актер. Позор мне. Выяснил с опозданием — одним звонком однокурснице, редактору «Дождя». Илья Рихтер, виновник ударных ночных рейтингов радиостанции, — настоящий, в одном лице, музыкант, живет в Беляево, там же собирает программу. Кривой номер на МТС. Работает за идею.

Встретились раз, встретились два: в первый раз Рихтер лохматил светлый чуб, сводил брови в задумчивости,

говорил тихо, отвечал односложно; непонятно Рихтеру, к чему ему выходить в народ. Я предложил выключить свет и ограничиться свечками, чтобы не смущаться. Стихи можно читать под настроение, и микрофон держать в паузах выключенным. Давай подумаем. Во второй раз Рихтер настиг меня у бара и сказал: «А я Рихтер». Он подстригся под ноль, и я его не узнал. Триста долларов или триста евро. Говорят, доллар упадет сильно, поэтому лучше евро — сейчас все равно, они на одном уровне. Про свечи и стихи — ни гу-гу.

Сегодня в полночь была первая вечеринка. Зал вмещает человек восемьдесят. Пришло — флешмобом, к началу — человек двести. Анечка и Светочка на входе не успевали здороваться и прощаться — поднимитесь по лестнице вот туда, пожалуйста, будет замечательно, если найдете место. Не нашли? Жалко, обязательно в следующий раз!

Там наверху темнота — глаз коли. Интимнее некуда. Стихи Илья читать не решился. Но улыбнулся пару раз. А может быть, мне показалось в темноте.

Ответить на 73 непрочитанных. Начать обязательно с Александра Барда.

Дозвониться до нового директора Дельфина. Написать все четыре спонсорских предложения.

Так и не успел сегодня — в тесноте под лестницей что-то с производительностью труда. В ресторане присесть — кто-нибудь непременно подсядет, не вариант. На пепелище офиса — таджики.

Устал устал устал.

— Ай нэ-нэ-нэ-нэ-нэ! Хоп, ай нэ-нэ-нэ-нэ-нэ! — рядом с моей физиономией колышется волосатая коленка в рваной джинсе.

Новый водитель с непривычки оборачивается. Наш обычный маршрут — «Шереметьево — “Президент”». Хатц-Гудзь полулежит на заднем сиденье. Бренчит на выдавшей виды полинявшей гитаре.

— Когда театр «Ромэн» будем проезжать, ты мне скажи — ага? У меня там митинг: проджект совместный мутим.

Гудзь выскочил в зону прилета первым, грифом гитары невозмутимо, будто делает это каждый день, отогнал таксистов-попрошаек (никто не испугался), подмигнул, цыкнул зубом и сказал:

— Сначала мы Сергея в такси посадим.

Так и есть, седовласый гражданин в плаще с футляром, смахивающий на профессора с нашей кафедры, — скрипач Gogol Bordello Сергей Рябцев, за концерт размыливающий смычок на молекулы. Солисту — в табор на Карпаты, скрипачу — в Москву к родственникам. Летели из Нью-Йорка вместе.

— Скажи, пожалуйста, — интересуется профессор Рябцев, — сколько, ты думаешь, будет стоить такси до Юго-Запада?

Сюр.

Юджин велел называть его Евгением. По паспорту — Алексеев, по происхождению — Киев, микрорайон Бровари, с балкона шестнадцатизажки Чернобыль видно.

— Хатц — в Америке говорят. Правильно — Гудзь. Цыганский корень.

В Химках артист вдруг переходит на английский:

— So what's the kind of club you're running?

— Really various styles. From Jimi Tenor to French jazz festival. Big accent on dance events*, — чувствую себя идиотом. По-русски мы с ним говорим совершенно одинаково.

— Is this far from гостиница «Россия»?

— Неблизко. But it's demolished in any case**.

— Я в прошлый раз оттуда чудом ноги унес, — английский кончается так же внезапно, как начался. — У меня куртка была — ну, типа как у тебя сейчас, армейская. Сидел в баре. Подходят трое таких, коротко стриженных, говорят — ты в каких войсках служил? А не служил, так что носишь? Давай-ка обмозгуем, поговорим. Так минут пять. Я понял: рыпаться некуда и добром не кончится — сижу, про цыганское кочевье рассказываю. А у них желваки играют — приняли ребята, помахаться хотят. На мое

* Ну так что, в каком стиле у вас клуб? — Да самые разные направления. От Джими Тенора до фестиваля французского джаза. Большой акцент на танцевальных мероприятиях (англ.).

** Но она в любом случае снесена (англ.).

счастье, они к барной стойке отошли вместе, а ко мне оттуда бармен, голубой, метнулся незаметно: «Уходи отсюда быстро!» — говорит; показал дверь с надписью: «Служебный выход» — и вывел на улицу.

Гостиница «Россия» — первое и единственное воспоминание Гудзя о постсоветской Москве. Его Gogol Bordello, русско-боратский enfant terrible, тогда уже вовсю гремел по нью-йоркским подвалам, но здесь этих слов еще никто не слышал. Вертит Гудзь головой по сторонам, рекламные щиты разглядывает. У щита «Выиграй билет на концерт Мадонны» довольно улыбается:

— О, знакомые! Она говорит, ей нравится то, что я делаю. Но вот я все думаю — понимает ли она тему цыганскую? Она умная женщина, и муж ее тоже человек хороший. Уважаю. Только чувствуют ли на самом деле?

Живи я в микрорайоне Бровари, наверно, осмысливал бы это откровение до сих пор. Но я оказался менее восприимчив: сию же минуту рассылаю СМС по телефонной книжке.

О визите Гудзя мы узнали в последний момент — тиснули пару тысяч флаеров с уса­тым портретом и цитатой из NME про «этот-ах-восточноевропейский Мулен Руж», что так «пьянит-пьянит-пьянит». Теперь пытаемся информировать друзей, родственников и сопричастных.

— NME, — морщит лоб Гудзь. — Долго же до них доходило. Мы в Англии сто раз сыграли, пока до них из Америки докатилось. О чем думали.

На фото в NME во всю полосу — Гудзь на здоровенном барабане плывет через толпу. Фото мы скопировали и тоже отправили, кому смогли. Первое мая. Весь город на дачах. Посмотрим, что будет.

У Гудзя один мелкий чемодан. Подарки для цыган Прикарпатья и пластинки для сета.

Артисту полагается тихий час. А мне — марш-бросок в клуб и последняя попытка собрать людей на вечеринку.

О том, что нет хуже момента для вечеринки, чем Первомайские праздники, я слышал неоднократно. Первомай — и май вообще — панически боятся арт-директора, промоутеры, артисты. Он страшнее голодного января и отпускного августа: граждан, как пылесосом, засасывает на дачу,

в Турцию, в цивилизацию — куда угодно прочь из города. Город в эти дни, как по иронии, особенно приятен и пустынен. Но внутрь: в клуб, в бар, в концертный зал — населению в Первомай совсем не хочется.

А теперь попробуй себе объяснить, почему ты поддался и согласился забукировать Гудзя именно в это странное время, когда ему вздумалось посетить Старый свет.

Мои датчики самочувствия располагаются сегодня в ка-морке под вывеской «Касса». В предварительной продаже — двадцать семь билетов. Кошмар и ужас.

Что умеет Сергей Сергеев и чего не умею я: взять из ниоткуда, из-под земли сто-двести друзей. Заставить оторвать задницу от дивана, прыгнуть в такси и проехать через весь город, чтобы общаться, тратить деньги и делать глупости.

Впрочем, Сергеев собирает на себя, на атмосферу, на светскость с человеческим лицом; мы же скромничаем и трудимся, общаться нам некогда, к нам идут — за артистом. Только если не первое мая на дворе. «Ваше SMS-сообщение отправлено 250 получателям». Уфф.

Гудзя привозит Новое Желтое Такси. Водитель полчаса искал дорогу, изъясняется с жутким южным акцентом — где их только набирают. Тем не менее с Гудзем они общий язык нашли — обсуждали нелегкую жизнь цыган Бессарабии. Пока мы скандалим из-за лишних пятисот рублей, артист преспокойно стоит у машины, задрав голову и подставив робкому майскому солнцу кончики усов. Гитара через плечо. Цветастая зеленая шаль спадает на кожаные штаны.

Гости потихоньку подтягиваются. Миша и Карина из «ОГИ». Ира и Таня из «Китайского летчика». Продано сто билетов. Бывают.

Гудзь выскакивает на сцену, со змеиной проворностью миновав низкую притолоку, — он, кажется, первый, кто не унесет на память о нас здоровенную шишку. Иглу в винил вонзает — как техничная медсестра в задницу.

— Лэла-лэла-лэла, — заходится в ресторанным экстазе винил.

— Лэла-лэла-лэла! — выплевывает в микрофон Гудзь.

— Лэла-лэла-лэла! — кричит из зала профессор Рябцев.

Зал полупустой: коллегу надо поддержать. Или нет, пожалуй, не надо.

Хоп — Гудзь с микрофоном выплясывает в зале. Хоп — лежит на сцене, ноги танцуют шаманский танец сами по себе, башмаки отбивают ритм, винил прыгает. Хоп — охраня нервничает: артист, зажав микрофон в зубах, как герой-радиостанции, обезьяной залез на ферму и пошел выплясывать на балконных перилах по периметру.

Я очень надеюсь, что у него есть медицинская страховка! Я также надеюсь, что с его опытом полбутылки водки — ерунда, и танцы на пятиметровой высоте — обычные дела. Миша и Карина, Ира и Таня, сто добровольцев, променявших дачу на высокое — теперь в прямом смысле высокое — искусство, застыли внизу, открыв рты. По ним лупят стробоскопы, для них гудит балканская свадьба, «лэла-лэла-лэла» орет им сверху в микрофон Гудзь. Слюна капает, кольца микрофонного шнура падают в зал, зрители застыли в изумлении — и не похоже это на крейзи-диско; похоже на ковбойский вестерн, на день открытых дверей в сумасшедшем доме похоже, сеанс экзорцизма.

Через два часа, когда в зале остается десять человек, Гудзь меняет пластинку с бесконечным панк-гопаком — на пугающе праведный колокольный звон. Ударяет лбом о стол — раз, другой, третий. Головы больше не поднимает.

— С ним все хорошо? — испуганно шепчет мне на ухо журналистка НТВ.

Ей стыдно, что люди разошлись.

Гудзь, потный, здоровый и невредимый, сидит в пустом клубе на барной стойке. Так, говорит, всегда бывает. Сначала никого нет — потом люди распробуют, потом стадионы на Gogol Bordello заполняют. Все нормально: в Киеве послезавтра так же будет.

Я ем жареную картошку с жирными полосками свинины и грибов.

— Ам! — волосатая ладонь захватывает с моей тарелки пригоршню поджарки и отправляет куда-то под усы. — Вкусно, можно мне тоже такую?

Ладонь прореживает густую шевелюру: вытирайте руки после еды.

Полгода назад под нью-йоркским снегопадом — а снегопад у океана, доложу, редкостная гадость: сыплет шквалом и тает ручьями одновременно — закрыв лицо руками, я брел по Лоуэр-Ист-Сайд в «Механату», где резидентствовал Гудзь. Я был единственным на тротуаре, такси, казалось, растворились в снегу, и представить, как, будучи в Нью-Йорке, можно пропустить этот джипси-панк, я не мог.

— «Механату» засыпало тогда снегопадом, — Гудзь объясняет, почему я уткнулся в закрытую дверь. — Ты, как будешь в Нью-Йорке в следующий раз, позвони — мы тебе правильную party организуем.

Конечно. Мне хорошо знакома терпеливость нью-йоркских автоответчиков.

Журналистка НТВ, не говоря ни слова, продала Гудзя на следующий день в клуб-конкурент. Артист не постеснялся подработать. В клубе было пятьдесят человек. Бог в помощь.

В офисном дворе имеются: стена коричневая кирпичная, до неба, помойка на три контейнера, барный стул, облезлый, списанный — 4 шт., повар курящий — в ассортименте.

В выбеленном офисе пахнет гарью. От обутленных олейниковских папок просто разит — но их трогать нельзя, вырезки «известные промоутер и журналист открывают клуб» нам для сшибания копеечки со спонсоров необходимы. В ксерокс их — и пахнуть не будет.

На четвертом месяце в наших сумасбродных действиях, в беготне, утрамбовывающей мозг в икроножные мышцы, в постоянном «все пропало!» — прорезается вполне стройный ритм.

Неделю — на взаимный телефонный терроризм с директорами групп, неделю — на укладку расписания, борьбу с копирайтером, дизайнером, типографией (получите расписание на месяц). Беготня за агентами западных артистов — ежедневно. Беготня от молодых деятелей искусств, западных и отечественных, — ежедневно. Честно отслушиваю

каждое демо. Честно признаюсь, что девать молодых талантов (а ведь попадаютсЯ!) мне решительно некуда.

Ленивее московской публики — свет не видел. Двадцать проданных билетов на Won James Won меня больше не удивляют: на дивную финскую группу Kometa (текилообразный сайд-проект поддельных уборщиц Cleaning Women) в кассу заглянул один (еще раз прописью: один) человек. Да и кто пойдет любопытствовать на предмет молодых талантов, когда мы сами задали ритм: от БГ до Александра Барда каждую неделю? В неделе семь дней, и в кошельке у дорогого телезрителя не безграничный запас. 2006 год — плохое время, чтобы быть молодым артистом. Только есть ли вообще-то хорошее время, чтобы им быть?

За неделю мы пережили Мару, «Кровосток» и «Аквариум». Политики в таком сочетании нет никакой. Соотечественники-зрители к соотечественникам-артистам питают любовь особенную. А последних — не то чтобы много. Формат не отполируешь.

Я препираюсь.

Препираюсь с девятнадцатилетним Лехой, сыном Игоря, он восхищенно чешет в затылке, пока решительная брюнетка Мара (сапоги и декольте) обвивает микрофонную стойку. Не прекрасно, Леха, волнуется девушка — в третий раз ее вижу живьем и в третий раз волнуется; и аранжировки — ну зря, по-моему, так уж совсем в лоб; и посмотри на рубаху клавишника, что это за народное узорчье? Нет у меня никакой паранойи, Леха, и не испортила меня служба в модном журнале — модный журнал никогда не признается, что в курсе существования певицы Мары. Там нектаром да амброзией и питаются, и какают — какое уж тут «чё на чём».

Хрупкая девочка-артист с глазищами в пол-лица попросила родителей посадить на балкон и коньяка чуточку, голос согреть. Строгий директор — гроза местных рок-идолов журналист Капа Деловая — деликатно поинтересовалась, сколько гостей можно внести в список. С ними приятно работать.

Интересно, я поэтому стою с Лехой на ВИП-балконе четвертую песню и притопываю ногой? Или мне показалось,

что Мара перестала волноваться? Может, она из-за родителей? А может быть, других аранжировок ко всей этой первой любви и не требовалось? Все равно не понимаю. Пожалуй, еще пару песен меня в офисе подождут. Присмотрюсь.

Пребираюсь с Олейниковым, который боготворит «Аквариум» — никогда-де он приятнее атмосферы не видал. Пока седовласый художник по свету Марк висит на ферме и переделывает, ради одного клубного концерта, весь свет, который бригада установщиков инсталлировала сутки, — мы с директором Максимом Ландэ делим деньги. Ландэ — ода вальяжности. Ландэ — из Одессы, дизайнерский пиджак — из Парижа, счет за билеты — с Октябрьской железной дороги. Две тысячи за этот билет и три тысячи за этот. Вместе получается восемь.

— Не надо пытаться понять мою экономику, — недовольно воздымает очи горе Макс. — Мы договорились — оплата билетов. Ксерокопии для твоей бухгалтерии я собирать не буду.

Моей бухгалтерии ксерокопии десять лет не нужны. Это я так, за честь серебряных ложек пребираюсь. Три тысячи стоит один несчастный билет в ВИП.

— Бухгалтерия, Макс, — повторяю со всей нежностью, — эти деньги повесит на меня. Мне это не по зарплате.

Как хорошо иметь опыт съемной квартиры. Кто честной бедности своей стыдится и все прочее.

— А давайте полторы на вас, полторы на нас, — подключается к быту тур-менеджер Сережа.

Кручу, верчу, обмануть хочу. Умрем, но из крепости не уйдем.

— Что вы человека мучаете? — тихо смеется у меня за спиной БГ.

Он закончил интервью, и ему нужен подсвечник в гримерке. В руках крохотная свечка. Олейников млеет. Хватаю в баре подсвечник. Присмотрюсь.

Продолжаю спорить с Игорем — он подписал контракт с группой «Кровосток». Выпуск альбома, презентация альбома и десять эксклюзивных концертов. В течение года кровавый текстильщики-рэп, умная интеллигентская гримаса,

писк сезона не то прошлого, не то нынешнего — будет жить в Москве только в этих стенах. Я упирался, как мог: дивный рык патриарха РПЦ «Вспоминаем и молимся» — продукт скоропортящийся. Что-то будет с продуктом через год. Однако ж получите: Игорь пригласил Антишанти, придумали видеоарт-шоу, и красная лыжная шапка Анто-на Черняка на фоне антишантиевских разбомбленных фаб-рик собирает: сегодня — шестьсот человек и завтра — пять-сот. И обложки журналов, и четыре телекамеры, и очередь к нашей двери аж от грузинской закуской: население поддерживает эстетское святотатство.

Натуральное хозяйство — Игорь взял и раскрутил арти-ста под себя. Наверно, он был прав. Интересно, когда он спит, — если я вижу его шестнадцать часов в сутки, а у него еще на продюсирование время остается?

С другой стороны, чем больше отечественных артистов — тем крепче сон.

Сборы наши растут. В моем рабочем дисководе в офисе поселилась пластинка ансамбля «Хуй забей».

Что-то скажет Юля Юденич.

«Хуй забей» играет в пятницу, как раз перед ее вече-ринкой.

Первый альбом мне подсунул на первом курсе иняза Эд, коллега с французского отделения. На лекции по язы-кознанию, под партой, многозначительно приложив палец к губам, — как настоящую «запрещенку». Я не проникся: подумаешь, в 1994 году страна изъяснялась исключительно матом, с чего бы на нем еще и не петь. Положил кассе-ту на полку, к пыльному складу «Гражданской обороны», и благополучно забыл.

Во второй раз напомнил мне о ХЗ Найк Владимирович Борзов, бывший барабанщик непристойного ансамбля. Анамнез бесчисленных пресс-релизов, которые я пописы-вал для друга и где неизменно присутствовал ХЗ, вдруг материализовался на сцене концертного зала «Минск»: меж-ду армией строгих билетерш сидели мамы с детьми и слу-шали песню про маленькую лошадку. Республиканская

филармония, все чин чинном. Вежливо вызвали на бис. Найк Владимирович, в прекрасном расположении духа, вылетел на сцену и исполнил соло хуйзабеевскую «Закатился в *опу *уй». На рефрене «Ни пописать, ни посрать — ну и ну» мамы начали выводить детей из зала, воцерковленный директор Борзова стал креститься в кулисе, администратор концертного зала «Минск» замахал артисту из кулисы противоположной — а Найк Владимирович пел и пел, величаво, полузакрыв глаза, как Людмила Зыкина про «течет река Волга». И ХЗ материализовался на мгновение, чтобы остаться через час воспоминанием на вылизанном, с иголочки, пустынном вокзале странной столицы.

В третий раз — мне оставил на редакционном автоответчике сообщение как всегда загадочный пиар-деятель Саша Кушнир: «Есть дело, перезвони». Я собрал в кулак силу воли и перезвонил, готовясь к диалогу про очередную певицу Тюткину, ан нет: Кушнир сообщил, что толкает сейчас первый за бог весть какой срок публичный концерт ХЗ — я с радостью отгарабанил дежурную тысячу знаков про студию в Видном, где зашифрованная под псевдонимом — секрет полишинеля Марина Хлебникова с удовольствием выпекает скабрезности. Редактор по прочтении сделал такой кислый вид, будто ему подсунули текст про конкурс «Наш двор, наш подъезд»: решительно не утонченный артист, и даже не заваливающий питерский дебошир. Подмосковье какое-то. А может, просто текст получился дрянной.

Как бы там ни было, Карабас в шелковой рубашке и очках с тонкой оправой, ни дать ни взять школьный учитель на танцах, да Бегемот при галстук-бабочке мистическим образом материализовались в моей программе — и Найк Борзов, прячась в свежееотпущенную бороду (ему идет), только что хлопнул меня по плечу на лестнице (люстра над лестницей опять не крутится).

— Сколько билетов продано? Ничего, если мы весь ВИП-балкон для своих попросим приберечь? Сколько билетов там можно выкупить? — Карабас следует за мной со сцены, через кухню, в офис и назад: студийные затворники интересуются деталями, которых артист обычно чурается.

Меня это трогает: ХЗ — настоящее ХЗАО. Бизнес-подход. Расставили по залу камеры — собираются концерт записывать. Два часа. Называться будет «Войне — П-ц». Праздничный концерт ко Дню Победы: «Боевая радистка Анюта, две косички и два сапога».

Начало в 21.40 или, интересуется Карабас, в 21.45?

Главное, чтобы вон тот мальчик с золотым зубом, весом под тонну, успел покинуть помещение до Юлиной вечеринки. И его девочка в кофточке тигровой расцветки — тоже. Любители «Текильджаззз» на их фоне — участники миланской недели моды.

На третьем круге через кухню (меня ждут в офисе, а Карабас допытывается, чем выделенные ему ВИП-места п-1 и п-2 хуже ВИП-мест ц-15 и ц-16, — я сам зануда, но это уже какая-то на измор дискуссия) меня осеняет. Блины с клубникой! Беспроигрышны по исполнению — и лучший способ нейтрализации артиста. Карабас и Бегемот, конечно же, хотят блинов.

— Вот и Джей-Джей Йохансону, помнится, понравились эти блины, — радостно бормочу я, открывая дверь в примерку. Дверь ударяется о чей-то высокий сапог. — Простите, пожалуйста.

— Какому Йохансону? — спрашивает хозяйка сапога.

В примерке скучает Марина Хлебникова.

Кого не встретишь у себя дома.

Заказываю Олесе еще одну порцию блинов. Для народной артистки.

— Я — Сергей, — аккуратно подстриженный парень в поло находит меня в зоне прилета.

Во Внуково — антадьей по антадье — бюджетные путешественники демонстрируют встречающим незрелый недельный загар. Им несть числа. Верити, выпускница оксфордского филфака, основательница самого неженственного в галактике английского герлз-бенда Electrelane, велела нам с Сергеем найтись под табло прилета. Мы нашлись. Сергей — бойфренд, я — промоутер. Выяснили, что Сергей работает барменом в моем любимом баре Egottaja в Хельсинки — как тесен мир. Рейс сел полтора часа назад. Где

Верити и подельницы, непонятно. На мобильный не отвечают. Тетки из Анталы затоптали?

Что Electrelane нужно привезти, никто не сомневался. Вынуть мозг экстатическим гитарным соло, прополоскать и нежно, щебеча, поставить назад — таких групп, пожалуй, не одна и не десять. Но свежо! Но они барышни! Но обложка журнала Wire! И здешние журналисты — прониклись и написали к концерту, кто по полосе, кто по две. Билетов, правда, продано штук сто. Это в пять раз меньше, чем нужно. У меня теперь арифмометр в голове.

Неужели задержала таможня? Редкое дело, но теоретически возможно. Из-за местных правил (если кому-нибудь на таможне вздумается их соблюдать, конечно) любой ввоз любого музыкального инструмента при небольшом старании таможенника может преспокойно обернуться срывом концерта. Но на мобильный-то почему не отвечают?

Сергей спокоен, как моллюск. Они не виделись месяц: он в Хельсинки, она в туре. Сейчас все будет. Это ж девочки все-таки, не спешат, мобильные по сумкам рассовали — не слышат.

Встречать любимую — ожидание чуда. Встречать начальника, встречать тещу, встречать делегата конференции — любого мифологически не интересного гражданина — просто ожидание. Возможно, нудное. Не более того. Паника в аэропорту — специальный промоутерский жанр. Встречать артиста, прокручивать в голове, что он не сел в самолет, сел не вовремя, забыл паспорт, оставил паспорт в самолете; притом что через четыре часа кровь из носа show time — я к этому адреналину, наверно, никогда не привыкну.

А девочки — вот они. Волоокая Верити извиняется, что долго, — так и есть, бесконечные русско-турецкие отдыхающие оккупировали очередь на паспортный контроль. Только и всего.

До гостиницы «Украина» доезжаем в момент. Хай живе гостиница «Украина» — тонны мозаики о счастливом гопаке под радяньским небом не оставили еще равнодушным ни одного артиста. Очень отвлекает от ржавых щеколд на дверях в туалет и выщербленного паркета.

Въезжаем.

— У вас будет большая кровать, — протягиваю Верити с Сергеем ключ от комнаты с двуспальной кроватью.

Верити меняется в лице. Она растеряна. Она в ярости.

Я понял, я понял, простите, не хотел. Это все круглосуточная переписка с агентами Джорджа Дюка — американцы, понимаешь, язык-то у меня не родной.

— Я хотел сказать: «У вас дабл».

Верити молча качает головой. Подельницы отвернулись и демонстративно разглядывают кресла в лобби.

Это с американцами можно обсуждать размер их кровати и беспробудно чертыхаться. Попробуйте намекнуть благопристойной английской девушке, что вам известно что-то о ее постели. Не советую.

На мое счастье Сергей подсовывает Верити какую-то гостиничную бумажку, которую надо заполнить, приобретает любимую, улыбаются — вроде проехали.

Ну и пожалуйста. Зато у вас в Англии краны дурацкие.

— Я бы хотела заехать в книжный магазин, — изящная гитаристка Мия поправляет каре. — Меня Пастернак и Цветаева очень интересуют, было бы просто чудесно купить что-то, что я не читала.

— А я хотела бы купить чаю, — миниатюрная басистка Роз откуда-то с шотландской границы, еле-еле понимающую ее диалект. Улыбается скромно — кажется, она очень милая.

— И, если будет время, конечно, заехать на Красную площадь, — добавляет стриженная под мальчика барабанщица Эмма. Для нее мы месяц искали в Москве ударную установку: редчайшую, и что самое странное, ученическую, полупрофессиональную модель. Эмма, судя по переписке, девушка несговорчивая.

— Да, Красная площадь обязательно! — Верити оттаяла. Улыбается.

Два часа нежнейших препирательств в автобусе. Верочка, это ты хотела на Красную площадь? Но, если книжный рядом, можно мы сначала туда? Миечка, сначала за чаем, если вы, девочки, не против. Как — уже три часа ездим?

А я чувствую себя виноватым перед всеми.

Если с такой скоростью пойдет и на саундчеке — концерт не начнется никогда.

На лестнице у сцены барышень будто подменили. Растеблились за пять минут. Воткнулись за три минуты. Тонкая Мия, в девчачьем глухом платье, елозит грифом по микрофонной стойке — этому душераздирающему нойзу позавидовал бы Стефен О'Малли.

— Монитор хрипит, — жалуется. — Но по громкости — можно еще поднять.

Из чего только сделаны девочки — не дай бог показаться рохлями на саундчеке: это мужикам простят, но чем они хуже мужиков. Поэтому организация — солдатская. Укладываются минута в минуту. Судя по чеку — роскошный будет концерт.

— Спасибо за барабаны, я знаю, что их трудно найти, — техничная, как иглоукалыватель, барабанщица Эмма спускается со сцены и с размаху ударяется головой о притолоку. Когда же мы ее переделаем! — Если честно, я на других установках просто не умею. Пробовала пару раз — совсем не то получается.

Ну какой парень с обложки в этом признается? И на притолоку не пожалуется?

Роскошный будет концерт.

Приходит менеджер Катя, спрашивает, можно ли отпустить половину официантов — продано сто с чем-то билетов, кот заплакал. В три раза меньше, чем на «Хуй Забей». И все известные журналисты в списке — еще максимум десять человек.

— Кому здесь нужен журнал Wire, — чешу в затылке.

— Какой журнал? — безучастно спрашивает Катя.

Официантов — по домам.

Пятый терминал стокового аэропорта Арланда — нескладная гримаса скандинавской авиационной политики. По причине нечеловеческой кооперации все мало-мальски серьезные дальнобойные рейсы летают из Копенгагена. Шведы и норвежцы пересаживаются там. Странное дело — столица, из которой не улететь в Дели, Пекин или Токио.

Еще более странно на этом фоне, что аэропорт в Стокгольме — без пяти минут JFK: большое, бестолковое нагромождение терминалов, вполне столичное по размаху и беспомощное по реализации, — аэропорт по сути пригородный, внутриевропейский. Зачем они себе такое построили? Комплекс маленькой страны? Их все же девять миллионов, не так и мало. Пока доберешься по пустынным коридорам до одинокого московского рейса в пустом терминале — пора и на посадку.

Шведский приятель, часто летающий в Москву, как-то сообщил со смешком, что гейт, с которого отправляется московский рейс, можно вычислить по местонахождению Доктора Албана. Как увидишь в аэропорту — иди за ним. Доктор Албан-де все время в Москву летает. Куда же ему еще летать на заработки? Доктора Албана не вижу — зато вижу перед собой бритый череп и копну светлых кудрей. Привет, Александр. Привет, Мартин. Летим с вами вместе в Москву.

Затея с Bodies Without Organs, очередным детищем непобедимого Александра Барда, — очень наша история. Сладкий попс Army of Lovers, достояние новоарбатских казино девяностых, должен принадлежать народу. Мы же, к счастью, не рок-клуб. В нашем сумасшедшем интерьере, с лилиями на стенах и в вазах, с пожарными кранами в оправе из страз, с драным золоченым диваном, навсегда одолженным из мебельного цеха Театра Гоголя, — Александр Бард должен чувствовать себя как дома.

У Барда в руках лэптоп. В лэптопе расписание.

— В 9.30 завтра у нас «Европа Плюс» — сингл на втором месте, это хорошо; в 11.00 и 12.00 встречи; саундчек, ты писал, в 15.00, так? Мартин, предлагаю сделать прессу с 13.30 до 14.30. Поскольку Марина прилетит из Копенгагена в 15.20, мы делаем прессу без нее.

Бардова борода шевелится вслед за его быстрыми губами — отчего кажется, что в ней кто-то живет.

— А! — односложно кивает Мартин.

«А» — по-шведски значит «ага».

Зачем Барду компьютер — не понимаю. Он наизусть помнит расписание своих и чужих рейсов, расстояние от

«Мариотта» до Останкино, не говоря о положении собственных синглов в русских или украинских чартах восемь лет назад. Его голова устроена лучше любого компьютера. Это первый швед в моей практике, отвечающий на письмо минута в минуту (шведы — народ неторопливый), и первый, кого цитирует на своей лекции про судьбы промоушна Олег Нестеров. В случае отсутствия новостей о творчестве Александра Барда в шведских газетах внезапно появляются сообщения об авиакатастрофе, которая чуть было не случилась и в которую чуть было не попал Александр Бард.

Бард — высокоточная машина, гениальный технолог, нанимающий на работу секс-бомб, коверных, натуральных красавцев гей-наружности и прощающий с ними, как только ресурс очередного проекта оказывается выработан.

Мне кажется, Bodies Without Organs — слишком сложное название. Для уха слушателя «Европы Плюс» уж точно.

— Поэтому мы сейчас везде, где можно, сокращаем до BWO, — Бард невозмутимо пристегивается в кресле.

Концепция: гей, выглядящий Тарасом Бульбой, сахарный гетеросексуал — мечта гей-прайда — и безумная инопланетянка, усиленные ремейком Army of Lovers, — не слишком ли сложно? В наш-то век сверхскоростных технологий и поющих трусов.

Под «пристегните ремни» Мартин успевает поймать последний звонок:

— Завтра тренировку пропущу — концерт в Москве, а послезавтра вечером буду обязательно. В Васа-парке и увидимся.

Мартин играет в футбол. Тренируется под окнами дома Астрид Линдгрэн в Васа-парке — в этом квартале жил Карлсон. Шведам, впрочем, до Карлсона как торговке с нижегородского рынка — до модели Водяновой. Чужой человек. Мартину мой восторг: «Васа-парк? Где Карлсон!» — совсем непонятен.

Два часа сна под вопли неугоминых скандинавских детей сквозь беруши. Ну почему дети у них всегда орут? Читали б лучше «Карлсона», в самом деле.

Заполняем миграционные формы, заботливо разложенные стюардессой на столике: анкеты на русском языке. Чтобы иностранцам было понятнее. Не учить же английский шереметьевским пограничникам — делать им больше нечего, что ли. Краснею и перевожу.

Паспорт Барда испещрен русскими визами.

— Почему ты себе не сделаешь многократную? — любопытствую.

— Я мог бы сделать, чтобы не отдавать паспорт на визу каждый раз. Но ваше посольство в таком случае попросит у меня справку о ВИЧ-статусе, а я, извини, конечно, считаю, что мой ВИЧ-статус к русским властям не имеет ни малейшего отношения.

Когда Бард мягко улыбается, выглядит он особенно решительно.

С корабля на бал — у нас прием в посольстве.

Окруженный садом, совершенно загородный, скромный особняк на Россолимо, спрятанный за высоким забором, — заблудился во времени.

Радужная советник по культуре Лена шутит:

— В Москве забыли, что этот дом здесь стоит, — иначе нас бы давно отсюда выселили и построили бизнес-центр с подземной парковкой.

Дюжина посольских работников и две дюжины московских культурных деятелей выстроились в очередь за тефтелями и лососем. На BWO — ноль внимания. Перебазируемся в кресла-качалки на террасе и дремлем под июньским солнцем: день начался давно и далеко. Через четверть часа Александра и Мартина наконец будят просьбой об автографе: дочь советника по политике, белокурое чудо лет семи, видела BWO в детской программе по первому каналу шведского телевидения. Я тоже видел ту программу — ее ведет муж главного в стране гей-комика, а сексапильные поп-певицы в перерывах между номерами загадывают детям загадки. Не «Слово пастыря», в общем.

Спасибо, девочка. Без автографов было бы совсем неловко уезжать в отель.

Зачем Барду компьютер, я понял утром.

В 9.59 он прислал мне письмо: «Спасибо за вчера. Было очень душевно».

В 10.30 он прислал мне еще одно письмо: «Мы хотели бы передвинуть саундчек с 15.00 на 15.30. Надеюсь, это не вызовет неудобств».

Наш звукорежиссер в восторге. Звучать должны два канала, остальное — плейбэк. Какой хороший саундчек.

— Мартин, не выкладывайся так сильно, — кричит из-за синтезатора Бард.

Мартин распевается, сдвинув брови и прикрыв глаза. Курчавые пряди падают на правильный лоб. Без этого футболиста не проходит ни один стокгольмский гей-прайд — и его организаторов можно понять.

— Привет, я добралась! — оборачиваемся на приветствие все вместе.

Сзади стоит Марина Шипченко, штатный гуманоид, известная в Швеции галеристка, на досуге поет — сопровождает Барда от проекта к проекту, то в Vasium, то в BWO. Сейчас прилетела из Копенгагена — ровно к концерту.

Сбрасывает плащ, выскакивает на сцену («Осторожно, голова!»), пробегает арпеджио на синтезаторе, пропевает фразу-другую с Мартином — саундчек закончен. В Москве она проведет меньше полусуток. Завтра у нее весь день встречи в Стокгольме.

Час на сцене, пять минут на автографы, опустошенный бак дым-машины, Мартин бьет себя в грудь, протягивает руки в зал, опускается на одно колено, на другое, закрывает лицо, движением головы отбрасывает копну волос. Поет самым непосредственным образом поверх плейбэка. Чисто и ладно. Выкладывается, вопреки руководителю.

— Как прекрасно! — Бард в гримерке вытирает лицо полотенцем и опустошает бокал Moët Chandon. — Отличная организация, на диво. Ну, мы готовы в отель. Завтра рейс ранний.

Артисты — народ вежливый, но ему, похоже, и впрямь здесь понравилось.

Звоню водителю. Длинные гудки.

Звоню секретарю — «позвоните водителю».

Александр, может быть, блинов пока? Ну нет, так сейчас поедем — минуто.

Звонит секретарь — там гудки длинные.

Звоню в транспортную компанию — должен быть на месте, говорят. Посмотрите, за углом, может быть, стоит? В туалет вышел? Телефон потерял? Мы тоже сейчас его начнем вызванивать.

Отправляю секретаря на улицу и выбегаю сам — секретарь к Садовому, я к Курскому. Нет машины.

У Барда сбой программы: машины нет уже двадцать одну минуту. Не может быть.

У водителя, по моим подсчетам, должно быть штук тридцать пропущенных звонков.

Транспортная компания теряется в догадках, сожалеет и ничем помочь не может: все машины, к сожалению, сейчас заняты.

— М-м-м — такси? — Бард улыбается той мягкой и решительной улыбкой, от которой мне не по себе.

Вызываем два представительских такси. За поворотом на Садовое Марина со смехом просит:

— Проверь, пожалуйста, чтобы завтра утром был другой водитель, — я и вправду обязательно должна быть в Стокгольме завтра днем.

Бард деликатно молчит. Compliments кончились — машину ждали сорок минут.

Звонок из транспортной компании ловит меня в «Мариотте».

— Прости бога ради, но что же вы за углом не посмотрели? Это же Санек, он в соседнем переулке стоял. Работал двое суток подряд — уснул и не услышал.

Покуда мы дефилируем с бокалом по посольским приемам и ведем светскую беседу в том аэропорте и в этом, водитель Саша из Херсона — вот кто у нас директор по репутации.

— Я что тебе, пешка сраная? Ты скажи, я сраная пешка? — Жанна Хасановна Агузарова выясняет в гримерке отношения с директором.

Охрана сделала от двери пять шагов назад и с радостью сделала бы все десять. Быть директором Жанны Агузаровой — вот это схема.

Я машина.

Превращаюсь в администратора, и мне это решительно не нравится. В неделю — по два-три отеля, и рейсов — до пропасти. Не на все выезжаю сам, разумеется, и не в каждый отель сам наведываюсь — но не много ли беготни? Перевесить на толкового ассистента — все равно не усну, пока рейс не сядет. Перестать беспокоиться — где тот Дейл Карнеги, который мне поможет?

Два часа ночи, пятница, офисные стены тихо подрагивают: я один, завален афишами с автографами (когда же мы их уберем?), отписываю менеджеру Джорджа Дюка: не извольте сомневаться, отдельная лестница на сцену будет и о расстоянии для ног в представительской машине мы тоже не забудем. Обладатель джазовой «Грэмми» — в буквальном смысле большой человек.

Все, рабочий день в Нью-Йорке закончен, можно его закончить и мне.

Если, конечно, считать наблюдение за резидентами, барменами, охраной, Светочкой и Анечкой — выходным. Меня никто не заставляет наблюдать. Но я — высокоточная машина. Реагирую на чужие сбои.

Надо взять мохито — в баре наконец появились бармены, которые не экономят на роме и мяте. Долго ли продержатся, интересно?

Нажимаю на кнопку на кодовом замке — дверь в служебный коридор под напором толпы немедленно распадается. От толпы пахнет как от парфюмерного магазина и — совсем чуточку — как от винно-водочного. Сегодня вечеринка у Олега Магди.

Обнимаемся с Соней на входе. Соня (тонкие черты лица, волосы стянуты в тугой деловой хвостик, улыбка — всегда) — человек Олега, универсальный хелпер, ради такого не грех реанимировать слово «позитивный». Стоит с человеком, похожим на будильник прибабасом, как у стюардессы, считает входящих.

Правильно делает — на прошлой неделе уволили охранника, который проводил наиболее ушлых клабберов за деньги, в обход кассы. Через неделю отправляю к ним

засланных казачков с пятисотрублевой — неужели распознают подвох? Не берут. На следующей неделе отправлю с тысячной купюрой.

— Соня, видеть тебя — радость!

— Не знаю, где тут радость. Я час как должна играть. — Соня потрясает тяжелой диджейской сумкой. Смеется: Магди с Томасом Бринкманном до сих пор в дороге, график сетов съехал. Ну вот стою, с народом общаюсь. Секундочку! — это не мне, охраннику. — Вот эти трое — по билету или по списку? Список у меня, билетов не видела.

— Они говорят, что выступают сегодня.

Плохо дело, охранник новенький. Кто его на субботу поставил, интересно. Мы каждую неделю проводим эти «не-дай-себя-надуть»-тренинги. Про «меня Григорий срочно ждет», про «вас уволят», про «я на минутку, посмотрю» или «я вот с той девушкой, которая прошла». Соне эти тренинги почему-то не нужны. Хотя она не охранник. А может быть, у нас с ней просто форма носа генетически общая.

— Ты на каком танцполе?

— Внизу. Если Магди доедет наконец и поставит мне на смену кого-нибудь.

Сонин друг — Тимур Омар, обладатель одной из самых безразмерных коллекций музыки в Москве: может с равным успехом играть после Coil, De Phazz и Амона Тобина. Коллекции, насколько я знаю, у них с Соней по семейным обстоятельствам пересекаются. Надо будет подняться послушать ее.

Нас толкают со всех сторон — горлышко входа узкое, два часа ночи — для Москвы не время, на входе до сих пор очередь.

— Машина с артистом заехала, — рапортует рация у охраны.

— Я все понимаю, но в списке вы плюс один, а вас пятеро, — невозмутимо улыбается Соня юным барышням в H&M и Cheap Monday.

— Нас Григорий, арт-директор, вписал, что же делать?

В первый раз вас вижу, зайки. Опытные девушки, молодцы.

— Григория не видел? — интересуется у меня Соня.
— Не знаю, как он выглядит, — пожимаю плечами.
— Девушки, спасибо, двое из вас проходят, остальные в кассу, пожалуйста. Слушай, дай мохито, тебе мяты туда положили целый куст, просто завидно.

Я убегаю в бар за новым бокалом мохито для Сони — бар недоступен. Пробраться через толпу пытаюсь не только я, но и Олег с артистом. Худой, смуглый, мрачный Бринкманн похож на Мефистофеля. На лацкане пиджака — значок с Чебурашкой. Женат на грузинке, в России — сам не помнит в какой раз, привычное направление. Комически воздымает руки над головой — через толпу не протиснуться. Отправляем через кухню. Исчезают за комнатой посудомоек — и промоутер, и артист довольны аншлагом.

На барной стойке, на самом видном месте, две веселые подружки (не те ли, что ссылались на меня на входе?) сбивают цветастой банковской карточкой белую дорожку.

Оп-с.

Барышни совсем молодые. Их так точно где-нибудь повяжут.

Вот это совсем ни к чему: закрыться из-за драгса по чужой глупости в наши планы не входило. Молча высказываю из бара и хватаю первого попавшегося охранника:

— Двое там, на стойке, вот там, в глубине толпы, видите? Очень строго, негромко потребовать, чтобы убрали немедленно. Не отбирать. Не трогать.

Сергеи Ивановичи, где ваша семипудовая агентесса, специалист по запаху наркотиков? Вот у кого бы сейчас катарсис наступил.

Замечаю в толпе плечо Магди. Хватаю. Улыбается:

— Ну а что ты мне предлагаешь? Пройти по залу и попросить, если у кого что в карманах, то пусть не достают?

Магди исчезает. Возвращаюсь к барной стойке. Соня — в очереди за мохито.

— Прости, пожалуйста, закрутился!

— Ерунда, — беззаботно отвечает Соня. — Меня внизу подменили — скоро играть.

— Ты здесь на стойке ничего сейчас не видела?

— Что я должна была увидеть? Танец стриптизерш?

— Типа того. Какие-то сумасшедшие пионерки дорогу раскатали у всех на виду. Лучше бы стриптиз танцевали.

— Ну не зна-а-аю, — хохочет Соня, хватает мохито «на диджея запишите, пожалуйста!» и скрывается за вертушками: ей играть.

Человек-многостаночник.

Надо прекратить дергаться по пустякам. Это вообще не моя вечеринка. И жалко, что не моя, — вечеринка хорошая. Народ продолжает подтягиваться. Беру машину и еду домой в одиночестве. Ближе к трем начинаю зевать, никак не могу себя победить.

Хоть танец стриптизерш — мой день закончен.

Солнце шпарит невыносимо — уже час стою в очереди за аккредитацией, после раннего рейса на Копенгаген, после ночной сдачи программы, после попытки хотя бы символически пропылесосить квартиру — в первый и последний раз за месяц. Мне вот перед соседями стыдно квартиру в четыре часа утра пылесосить. Но я все равно пылесосу, потому как другого времени на это нет и не будет. Веснушчатой толстой датчанке, выдающей аккредитации, не стыдно, что я час стоял к ней на улице, — все стоят, крупнейший на континенте фестиваль. Браслет-пропуск на моей руке застегивает туго — давление не померить.

Фестиваль Роскильде — сто тысяч человек, пять огромных сцен, сельская опрятность фермерских домиков, гигантская ажитация и атмосфера сангвинического раздолбайства, разлитая над охристыми полями Зеландии, — как замечательно непохоже это на Лидс или Рединг с их беготней, горами мусора и запредельным количеством полубоубнаженных бесформенных английских тел.

Нет-нет, за новыми именами — только в Скандинавию.

В фестивальной книжечке у меня — все ходы записаны. Сегодня Эндрю Уэзеролл (его Магди к нам привозил, я так и не успел посмотреть), Sonic Youth (Игорь привозил их пятнадцать лет назад, в зале было два инвалида, да

и группы такой, по правде, никто тогда не знал) и Оззи (просто потому, что это Оззи). В фестивальной расписании мне знакома максимум половина имен. Если от сцены к сцене передвигаться быстро — а не так, как в прошлом году, когда я от The Dresden Dolls не мог час оторваться, — концертов двадцать за сегодня успею обежать. Это спорт, конечно. Но спорт жутко приятный. А я неплохой спортсмен.

— Ай нэ-нэ-нэ-нэ-нэ! — за спиной тихонько раздается что-то знакомое. Пугающе знакомое. Евгений Гудзь возвращается с репетиции.

— Бар — вот там! — со знанием дела показывает на медиазону. — Привет! Наши все там. Ты что будешь?

В медиазоне — бесконечные лавки и шатры между деревьями, как елки убранными компакт-дисками, хоть не вылезай отсюда, — я первым делом натыкаюсь на Ксению. Ксения, золотая медалистка с Сахалина, вместе с фиктивным женихом, обеспеченным социалистом из Копенгагена, собирает в Роскильде пустые пластиковые стаканы. Мы подружились, когда Ксения однажды позвонила мне из Стокгольма и попросила удостоверить ее личность для русского посольства. Выяснилось следующее: Ксения поехала на Ленинградский вокзал провожать шведских друзей в Хельсинки. Друзья сказали: «А поехали с нами, прока-тишься!» Ксения, ни загранпаспорта, ни визы: «Легко». Раз спряталась под полкой от русской проводницы, два — от русских пограничников, три — от финских. Проехала по кромке Ботнического залива пол-Скандинавии от Хельсинки до Стокгольма. Подрабатывала волонтером на фестивалях, в детских приютах и домах престарелых. Как надоело (Ксении три месяца на месте просидеть — мука адова), решила обратиться в русское посольство в Стокгольме. Тут-то я ей и пригодился: как раз в Стокгольме сидел. Подписал: «Я, такой-то, Российской Федерации, удостоверяю, что Прилепская Ксения Валерьевна, Российской Федерации, является той, за кого она себя выдает».

Ксения сплывала в Хельсинки, прыгнула в дешевый автобус до Питера и, помахав на границе разрешением на возвращение, честно выпалила всю историю первому

попавшемуся финскому пограничнику. Пограничник икал или, возможно, кричал, запрет на въезд Ксении поставили на два года — но с пограничником с тех пор они переписываются и поздравляют друг друга с Рождеством. Вот что за человек Ксения, и как же я могу бросить такого человека в медиазоне, когда Гудзь зовет выпить.

Раскланиваемся с галантным Сергеем Рябцевым, ржем со смешливыми гудзовыми бэк-вокалистками, обсуждаем насущно-бордельные планы с бритоголовым крепышом, шведским агентом, вытащившим Гудзя из подвалов Лоу-эр-Ист-Сайд и Ист-Виллидж на сцены больших и малых.

Они играют завтра — спешить некуда. Ксения тоже не стремится собирать стаканы — ее все в этом баре под увешанным компакт-дисками деревом устраивает.

— Я когда-нибудь напишу книжку о том, как приехал на фестиваль за тысячу километров и не увидел ни одной группы, — признаюсь Гудзю.

Гудзь хмыкает:

— Я вот поэму пишу. «Жизнь цыгана».

После нашего полупровального шоу, после подпольного шоу в клубе-конкуренте — в столице солнечной Украины Гудзю за сет не заплатили ни гривны. До дружественных цыган Закарпаття — из-за которых он, собственно, и решил в придачу навестить Москву и Киев — добирался на перекладных.

— По-цыгански, — пожимает плечами. — Я привык. Это вон с Туббе и со Скандинавии у нас другая жизнь началась.

С уважением поглядываю на бритоголового агента Туббе. Что-то мне подсказывает: тот, кто обидит его артиста, — дня не проживет. А Гудзя мне становится жалко. Пусть здесь он и в шатре на пятнадцать тысяч человек играет. Как можно обидеть человека с такими усами.

Урожай тюрборга в этом году в Дании — особенно знатный. Кажется, я пропустил первые четыре часа фестиваля. Это концертов восемь. Мне стыдно. Откланиваюсь, обещаю перезвонить Ксении («на датский номер, конечно! С финского, на +358, ты увидишь»), если где обнаружу груду невостребованных пластиковых стаканов.

Ныряю в калитку в заборе — и немедленно упираюсь в двух сидящих на корточках девочек. О Скандинавия! Я целиком и полностью за равенство полов. Я тоже писал в прошлом году на этот забор и согласен: почему это им нельзя, когда мне можно? Единственное — зря они перед выходом присели: не ровен час, заденёт кто.

Ну вот он, рай. Прямо передо мной на большую сцену вываливается Черный Плащ — Оззи Осборн. В шатре за углом разгоняется Эндрю Уэзеролл. Прямо и налево — оттуда доносится визг и лязг Sonic Youth. Все это в мире и согласии — никаких гримас на утонченных лицах: ах, не дай бог, мимо фанов Black Sabbath пройти, увидят — засмеют. Не засмеют. Не в резервации.

А я стою посередине в ступоре. Как обезьяна из анекдота — разорваться, что ли?

Родители с детьми (господи, сколько же их — и сколько десятилетий кряду они сюда приходят!) в ностальгическом экстазе тянут шеи перед Оззи. Лет через двадцать дети приведут своих детей и будут так же высовываться из толпы, сиюсь разглядеть старца Терстона Мура. Круг замкнётся самым правильным, человеческим образом.

Ко мне подлетают парень с девушкой метра под два каждый, в одинаковых оранжевых майках.

Можно тебя обнять? — спрашивает девушка.

— Чего? — я не понял.

— Можно тебя обнять? — повторяет парень.

Обнимают вдвоем, не дожидаясь, пока до меня дойдет. Смеются, бегут дальше, подсакивают к парочке передо мной.

— Можно вас обнять?

На оранжевых спинах написано: «Hug patrol». Браслеты на руках обычные, не волонтерские — ребята купили билеты. Им просто нравится обниматься.

— Внимание, вопрос! — Гнусавый голос так увлечен, что не прыснуть в рукав невозможно. — Уважение и любовь японских ценителей искусства к художнику комиксов Тэдзука так велики, что художник удостоился чего-то, что

часто бывает у талантливого писателя или поэта, но чрезвычайно редко у мастера комикса. Что это?

Клуб «Икра» в дневные часы — первостатейная замена дури.

Я прилетел вечером, сразу из аэропорта отправился к Юле Юденич на вечеринку — у Би-Войса новый проект, а с охочим до неглупых танцев клаббером здесь мало кто управляется лучше Би-Войса. Так и пошло — танцевали на полутемном танцполе у Би-Войса все, включая официанток; ближе к ночи вдруг нагрянул старый приятель Алекс с барышнями одна другой симпатичней (Алекс — специалист); потом суп-крем грибной, потому как Олесе с родинкой отказать невозможно: предлагают — надо есть; потом егермайстера с Юлей за судьбы промоутерства — и домой на восходе солнца. Пугающее мероприятие этот ваш восход.

Вернешься ровно через циферблат — а тут на танцполе вместо Би-Войса игры «Что? Где? Когда?». Потные дяденьки в бородах про японские комиксы разгадывают. Шепчут яростно друг другу под нос, чтобы соседи не услышали. Их — столов сорок. Бармен не успевает кофе наливать. Длинноволосый ведущий — Христос в постановке мариупольской театральной студии. Гутняв и вдохновенен.

— Время вышло. Какая команда отвечает?

— Это что??? — Сид приехал на саундчек, ему играть через два часа. Впечатлился не на шутку.

— «Что? Где? Когда?».

Я же не помню, что у меня на сегодня в расписании. Мне на два месяца вперед надо помнить, пока даты в переговорах. А на завтра — ни к чему.

— Вещь! — Сид раньше такого не видел.

Я тоже.

Чемпионат по футболу — спасательный круг. Бармены уверены, что пива выпьют больше, менеджеры — что столы зарезервируют все. И это летом, в хронически глухое время. Невзирая на то, что три несчастных плазменных экрана сбоят со дня открытия, а на проекционном экране футбол от танцев на льду сложно отличить.

Раз футбол — значит, гости будут. Ох уж эти мифические госссыти.

Вписал расписание матчей в клубное расписание.

С финалом — ерунда получается. Мы на этот день Амона Тобина поймали. Матерый человечище с Ninja Tune впервые в стране. А у страны, пожалуйста, футбол.

Придется Тобину начинать в восемь. Финал в полдесятого. На мой скромный взгляд — позор.

Назвали: «Амон Тобин представляет чемпионат мира по футболу». Втайне надеялись, что в финале будут Бразилия с Англией или хотя бы кто-то один из них. Тобин — бразилец с английским паспортом. Живет в Канаде, правда.

— И имя, и фамилия — на первый слог, — объясняет устало в примерке: Амон Тóбин!

Его здесь нет. Ушлый агент спланировал Тобину в Европе пять выступлений подряд. Наше четвертое. Спал он в последний раз четыре дня назад в самолете из Монреаля в Европу. Кепка, борода и остекленевший взгляд между ними — Тобина хочется немедленно отвезти в гостиницу и уложить спать, по крайней мере до пятичасового утреннего рейса на Милан. А население пусть футбол смотрит.

Сколько промоутеров уверены, что заполучить большого артиста — вопрос денег. Святая наивность! Олеся расторопно приносит кофейник с убийственной силы коричневой жижей. Тобин заливает в себя полкофейника. Цветом лица — сливается с лиловыми обоями в примерке.

Получить артиста — полдела. Получить артиста живым — проект посложнее. Артист, вопреки распространенному заблуждению, не выезжает из дома, как только позовут и предложат подходящие деньги. Куда как чаще он сидит в домашней студии днями напролет, тратит месяц-другой-четвертый-год на полировку материала, который, возможно, никому и не понадобится впоследствии — но не прерывать же из-за этого беременность. Общается с музой. Меняет музу. Меняет дом, город, страну — и тогда месяцы уходят на переезды, распаковку книжных коллекций, выбор соседнего кафе, где за завтраком в голову приходят стоящие идеи.

Артистов, обожающих самолет-автобус-поезд, не подверженных укачиванию, любящих проводить по полдня

в дороге, стоять в пробках, искать потерянный багаж, спать по четыре часа в день, — не так уж и много. Наш друг Гудзь здесь скорее исключение. А с Тобином все банальнее. Обычные заработки — и навестить в конце пути маму. Мама под Миланом живет.

Все рейсы Тобину английский агент выбрал на раннее утро. Быстро и эффективно — выбрал пять лучших предложений из Старого света, лежавших на столе полгода. Прижал их друг к другу, утрамбовав в пять дней и десяток рейсов. Окучить старушку Европу и домой. Еще полгода как минимум Тобин в Европу не вернется. Примелькаться — последнее дело.

Это все я прекрасно понимаю. Только через пятнадцать минут мне будить усталого донельзя щуплого человечка, сложившегося вдвое на крохотном диване в примерке. Сто лет назад я благодаря его залетной пластинке узнал словосочетание «Ninja Tune» и перестал игнорировать музыку с магазинной полки «Электроника» (точнее названия для этой музыки в середине девяностых не было). Ради него я был готов отменить футбол. Но будить рука не поднимается.

Выручает Олеся: когда нам поставят групповой памятник за достижения в клубной культуре, она будет впереди — как Свобода, ведущая народ. С кофейником и эротичным «Пли-из». «Плиз», «сэнк ю», «хеллоу» и «гудбай» — это все, что она знает по-английски. Ни с одним иностранным едоком заботливее и обстоятельнее нее никто не общается. Родинка на верхней губе подпрыгивает вместе с улыбкой, чернящие глаза подмигивают, рука в бок: Олеся Поварешкина — звезда вверенной мне организации. Спешит на помощь со второй смертельной дозой кофе. Исчезает в примерке — Амон Тобин появляется из-за двери через минуту, собранный, решительный, сна — ни тени и следа. Сбегает по лестнице вниз, среди мужчин в белом и окровавленных мясных туш ищет сцену. Не уследил, извини, внизу кухня. Сцена наверху.

Семьсот человек в зале выдохнули разом, разглядев над пультом и вертушками знакомую кепку. Главное — руки, увидит их только тот, кто раскошелится на билет в ВИП

или прорвался правдами и неправдами в первый ряд. В зале — не протолкнуться.

На первой басовой линии, утробной, глубокой, прошитой зловещим неровным битом, зал, не сговариваясь, начинает вопить. Я вижу согбенную фигуру виджея Дениса (работает бесплатно, лишь бы Тобин позволил участвовать, — позволил). Вижу Олесю, из соображений долга застывшую с кофейником у сцены (не понадобится, но знаю, она чувствует себя ответственной за все). Вижу компанию мужчин в ладно скроенных пиджаках, застывших на суперВИПе с бокалами в руках (стремительные, как у хиропрактика, руки Тобина — инструмент гипноза).

Двадцать ноль-ноль — двадцать один тридцать. Вес прият. Тобин, снова сгорбившийся и зевающий, спускается по лестнице в гримерку с тяжелой сумкой. Секунда в секунду, как по многостраничному контракту, — и ровно перед началом футбола. Во всю ширину сцены опускается экран. Здравствуйте, уважаемые телезрители.

Играют Франция с Италией. Артист в гримерке вытирает пот со лба.

— Будешь смотреть?

Бразилец смотрит на меня, будто ему предложили ознакомиться с программой «Фабрика звезд». Олеся с кофейником понимающе отправляется восвояси.

Спать! Двенадцатый этаж гостиницы «Украина». Вид на университет. Вид замечаю я, затаскивая в номер железный кейс с пультом. Тобин обнаруживает кровать и падает, не дожидаясь, пока я выйду из номера.

Ужинаю в «Думе» за полночь: лечь на пару часов перед утренним рейсом — никакого смысла. Появляется Наташа. Хозяйка. С лыжами. На дворе июль.

— Я от мамы из Белоруссии привезла — давно собиралась, все никак. Забросим на входе в клуб на антресоли. На антресолях же должны быть лыжи!

Наташа — герой и энтузиаст. И все-то у нее легко. Если я через год по-прежнему так же вдохновенно буду бегать в ночи с лыжами, скелетами, пластиковыми буддами — чего там еще у нас недостает, — миссия будет выполнена.

На второй порции крошки вызываю такси:

— Через «Украину» в Шереметьево-2.

Грузимся в машину. У Тобина из наушников — яростный клетот, а он спит всю дорогу.

— Это что? — интересуюсь на подъезде к терминалу.

— Noisea — голландцы. А до них, что же до них было... — Тобин вдруг лезет в ежедневник, вырывает лист бумаги, быстро пишет что-то мелким, решительным почерком и протягивает мне.

— Это тебе; мне кажется, вот это сейчас надо слушать.

Не успеваю взглянуть на лист — проверка документов, молодые люди. Да, вылетает, да, в Италию. Тобин — южной наружности, как не проверить документы у такого пассажира.

Очередь на оплату перевеса растягивается на полчаса. Перед нами плачет в клетке кот. Тобин просовывает ему палец. Кот кусается. Тобин смущенно улыбается. Обнимаемся на прощание, домиком, долго — из уважения и чтобы не упасть с недосыпа.

Редкий диджейский пульт в блестящем кейсе уезжает по ленте в чрево аэропорта, Тобин исчезает на паспортном контроле.

Пытаюсь задремать в такси — не получается, сон сбив. Вытаскиваю ручку и огрызок бумаги, делаю себе пометку: «Спросить у бабушки про снотворное!!!» На бумаге что-то написано. Разворачиваю.

David Sawaka

Baikonaaur

Sixtoo

Topogigio

Я надеюсь, мама в Италии уложит его спать.

На мне — оранжевая майка. На майке написано: «Разрешите вас обнять!» Только обниматься мне некогда.

Клуб «Икра» благополучно украл идею у волонтеров фестиваля Роскильде и носится теперь в количестве дюжины человек по московскому парку. Нас пустили на дружественный фестиваль. Промоакция с человеческим лицом.

Обниматься некогда — потому что барменов, официантов и скучающую жену звукорежиссера инструктировали вчера два часа, и как выяснилось — без толку.

Невозмутимый Олейников, руководящий выездным табором, на грани нервного срыва. Отлавливаем команду по одному и повторяем наставления.

Мы не учли, что бармен Тимур будет обращаться к прохожим: «Молодые люди!» Как в милиции. Не предусмотрели, что официантки — стеснительны донельзя и обниматься осмелятся только с редкими детьми безобидной наружности. Не учли, что скучающая жена звукорежиссера — знойная красавица по имени Амалия, — обняв гражданина, немедленно предложит ему заказать у нее подготовку детского праздника, для вас недорого.

Прوماхнулись по всем фронтам. Олейников, неизбежная Ксения и лопухнувшийся я — вид у нас растерянный.

Или нет, не по всем — народ улыбается. Не бежит от нашего десанта в испуге, не крутит пальцем у виска, а от детских праздников по разнарядке — преспокойно увиливает без тени раздражения. Пять лет назад — не могу себе представить такого, и оранжевую майку в общественных целях я тогда надеть не рискнул бы.

Неужели сдвиг в головах — и город не боится объятий на улице, пусть в отдельно взятом парке и по билетам?

— Трехэтажный особняк Театра Гоголя, — чеканит благородный баритон. — Музыка, достойная вас.

— Хороший ролик в итоге получился. — Игорь снимает наушники. Он доволен.

Ролик гремит в эфире две недели.

Ввязаться в концерт Стэнли Кларка и Джорджа Дюка — джазовых величин, отмеченных «Грэмми», — что за ковбойское мероприятие. Ни Игорь, ни я ничего не смыслим в джазе. Олейников, как вольный художник, вроде бы слушал дедов как-то по молодости, но и для него пресс-релиз — топик из школьного курса английского: «У меня есть питомец. Он — кошка. Я его люблю». Игорь договорился о рекламе с джазовой радиостанцией. Ждем обеспеченную публику.

В наших веселеньких обоях, со скелетами, самоварным золотом, турецкими христосами на стенных светильниках — настоящая мекка джаза, чего там. Самый дорогой билет всего-то по семь тысяч рублей. За квартиру я плачу двадцать восемь. Может, предложить квартирной хозяйке четыре билета на всю семью? Был бы Михаил Боярский — чем черт не шутит, может, и прокатило бы. Но к обладателям джазовой «Грэмми» квартирные хозяйки, подозреваю, равнодушны.

Работаем как в казино. Самые дешевые пластиковые столы из «Икеи», самого винного цвета тяжелые скатерти под шелк — прикрыть простую мебель, самый интимный приглушенный свет — не разглядеть обоев из Кройцберга, охранников с украинским мягким говором — на следующую смену поменять.

Забыли заказать спецвстречу в аэропорту. Пассажиры бизнес-класса, орденоносные джазмены спустились из самолета на паспортный контроль первыми — и были развернуты: в миграционных бумажках на русском языке, всем понятном языке международного общения, ветераны не туда поставили галочки. Теперь час стоят в общей очереди.

— И мы никогда такого не видели, — на удивление сдержанно добавляет по телефону из Нью-Йорка агент.

Группа меж тем в сборе: пятеро сжатых как пружина черных музыкантов (сколько можно ждать?), белый тур-менеджер с обреченным лицом и гора массивных кейсов, за которыми приехал отдельный грузовик.

Не прошло и часа — Стэнли и Джордж стремглав вылетают в зону прилета, сдержанно и выразительно качают головами, грузятся в длинную черную машину и исчезают по дороге в отель. Я должен ехать с ними.

— Не оставляй нас, пожалуйста, — тихо и по-детски беспомощно попросил белый менеджер Майк.

Чего он, интересно, боится?

Ну, поехали с вами.

— Оу-е-оу-е-оу-е! — кричит барабанщик Родни.

— Ла-ла-т-тш, ла-ла-т-тш! — напевает его подруга Анджела.

Автобус качает головами в такт.

— Вот мы и в Москве, твою мать, оу-е-оу-е-оу-оу! — повторяет Родни. — Майк, где мои суточные, где мои суточные, Майк?

— Родни, в гостинице, мы с тобой уже про это говорили, — тихо отвечает Майк.

— Ла-ла-т-тш, ой, парни, там корова, смотрите быстро, — жительница Бронкса Анджела увидела в Химках корову.

— А! Держите меня — вы в Москве коров тут держите, оу-оу, да?

— Ну, мы ездим на них, — отвечаю.

Это я зря пошутил.

— Ты что, чувак, думаешь, если я черный, то я не знаю, что на коровах не ездят, твою мать? Оу-оу, ты зря, чувак, это сказал. Я коров видел столько, сколько тебе не снилось, понял ты, да?

Ну, этот мастер-класс мне в сочинском «Рэдиссоне» дали сто лет назад.

Популярный в прошлом веке Артист, Ранее Известный Как Муж Пугачевой, (АРКМУП) на ресепшн.

Артист. Вы! Вы понимаете, кто вы, а кто я?

Рецепционистка. Конечно, конечно, понимаем, кто вы, а кто мы.

Артист. Да вы даже не пыль под моими ногами!

Рецепционистка. Конечно, конечно, мы пыль, то есть и не пыль даже мы.

В этом номере программы мы с «Рэдиссоном» обычно побеждаем.

Концерт, зайка, сыграй и вали ко всем чертям в свой Бруклин.

— Извини, ничего такого в виду не имел. У меня много черных друзей.

Белый Майк выдохнул. Он ждал драки.

— А, много! — барабанщик — дитя, уже улыбается. — А где в Москве живут черные? Мы можем проехать через этот район?

— Понимаешь, черные в Москве не живут.

Про себя: «Их тут убивают в метро и на улице, я бы на их месте тоже тут не жил. Тут вообще любят убивать».

— Оу-е, да ладно заливать, везде живут черные! А это что, такой район приличный: здесь Кремль уже где-то рядом?

Автомойка на окраине Химок.

— Пригород. Не очень приличный. Еще часа полтора до Кремля.

— Да ладно заливать, чувак, ты думаешь, я приличных районов не видел, раз я черный, да? Тебе не снилось, сколько я видел, оу-оу-е-оу!

— Ла-ла-ла-ла-т-тш, — Анджела делает вид, что ее все это не касается. Неопознанные музыканты сзади хохочут, увидев бомжа, роющегося в помойке.

— Господи, выключи же ты их, — Игорь, старейшина водительской мафии — терпеливее свет не видел, — начинает натурально выть. Глубоким чистым баритоном.

— Ла-ла-ла-т-тш! — Анджела решила, что он ей подпевает. Соул-канон, куда там.

— Все будет хорошо, как доедем. — Майк сзади кладет мне руку на плечо: — Хорошо, что ты с нами поехал.

Опоздываем в клуб на пару часов.

— Что это за барабаны, вашу мать? — барабанщик здоровадается со звукорежиссерами.

— Слава богу, это последний концерт тура. — Майк уводит меня в примерку. Деды уже там.

— Ну, как здоровье Родни? — улыбается бородач Джордж.

— Лучше, чем в Хельсинки, но хуже, чем в Германии, — отшучивается Майк.

— Стэнли, я тебе говорю, познакомь его, пока тур не кончился, со своей дочерью: зять будет — страстный, внимательный — не то слово, — хохочет Джордж.

— Спасибо за заботу, — интеллигентно хмыкает Стэнли. Мне: — У него пять братьев, и они... эрм... все примерно одинаково себя ведут. Понимаешь, почему важно собрать для тура правильную команду? Он яркий барабанщик, на сцене хорош, но в остальном — ну ты же с ним, наверно, познакомился уже.

Стук в дверь. Охранник Сергей — сама галантность — с легким поклоном распаивает перед Анджелой дверь.

— Майк, мы хотели бы с тобой поговорить.
— Анджела, уже что-то случилось?
— Сейчас Родни подойдет, он объяснит.
— Не могла бы ты сказать ему, что я занят? — Майк прижимает к груди ноутбук и сливается со стеной.

— Джордж, я на сцену, ты как? — вскакивает, не дождав бутерброд, Стэнли.

Обладателей «Грэмми» сдувает.

— Майк, твою мать, и ты, как там тебя, — щуплый, верткий Родни просачивается через прикрытую дверь.

«Как там тебя» — это я, конечно.

— Я не буду работать, пока в этом клубе не поменяют всю охрану. Они, так их, *смотрят* на нас, потому что мы черные.

Выскакиваю за дверь.

— Сергей, мы же сто раз с афро работали, смена у вас опытная, неужели кто-то мог на них косо посмотреть?

Старший охранник весит минимум килограмм сто двадцать — на этой отметке шкалы встречаются самые честные, галантные и беззаветные церберы. Полагаюсь на него как на себя.

— Сами посудите, зачем нам на них смотреть? Между нами, нам сумасшедших каждый день в этом клубе хватает, что черных, что белых, какая разница.

— ...И где, я спрашиваю, мои суточные? — Родни разгоняется за дверью в примерке — как набирающий высоту самолет.

Хорошо хотя бы, что он не техник. Техник — человек, ответственный за шнуры и настраивающий для группы каждый инструмент, — во время рецидива звездной болезни съезжает с катушек первым. Как женский алкоголизм — наступает быстро и не лечится.

За спиной появляется Игорь.

— Как ты думаешь, сдерживать на входе пятьсот человек с билетами по много тысяч рублей за пять минут до концерта — входит в обязанности генерального директора?

— Сейчас форсируем, саундчек закончен почти, я к публике тур-менеджера отправлю извиниться — пока его тут в примерке не порвали. Музыканты бузят.

— Сами?

— Да нет, не сами, конечно, — барабанщик с подругой.

— Так. Гнать на сцену ссаными тряпками!

За что уважаю Игоря — за точный выбор семантических конструкций.

Вламываюсь в примерку.

— Извините, Майк, ты срочно нужен. Полчаса, как пора открывать зал — люди на лестнице стоят. Мне нужно, чтобы Стэнли и Джордж ушли со сцены и, если можно, чтобы ты к людям вышел на секунду и их успокоил.

На лице Майка счастье:

— Простите, ребята, мне срочно нужно быть в зале.

— Ты куда, твою мать, пошел? — Родни и Анджела поворачиваются за ним. Но Майк бежит быстрее.

— От лица музыкантов я приношу извинения за задержку, — обращается Майк с лестницы к недешевым пиджакам и галстукам. — Мы начнем буквально через десять минут, будьте так добры, подождите еще чуть-чуть.

Джордж и Стэнли исчезают за сценой.

Запуск. Столики заполняются за минуту.

— Вот я в первый раз, — дефилирует мимо меня с бокалом Джордж Дюк, — поехал в тур в шестнадцать лет. Сейчас мне шестьдесят. И каждый раз думаешь: все дрова, которых наломали в прошлый раз, в этот ни за что не повторятся. А потом выясняется — дрова всегда разные. Как с этим барабанщиком. Может, в этом и есть драйв?

В «трехэтажном особняке» — аншлаг. Краем глаза замечаю, как менеджер Катя проводит между столами Преснякова и Агутина — кого здесь не встретишь. Им придется стоять: ни одного свободного места. Артисты морщатся.

— После концерта будет суматоха, — Майк утирает пот со лба. — Будешь в Лос-Анджелесе — заезжай обязательно. С женой познакомлю. Мы после этого тура отдыхать на пару недель, а так — на месте все время. Вот черт, кажется, он мне рубашку порвал. Все, мы готовы.

Запрыгиваю в рубку звукорежиссера, хватаю микрофон:

— Ladies and gentlemen! Please welcome Stanley Clarke and George Duke!

Пиджаки с облегчением хлопают.

Кто у нас завтра — Би-Войс с Хельгой?

«Гарри Поттера» я читал через строчку, две книжки — и с ходу не вспомню, какие именно. Больше прочего запомнился ящик, который начинал гудеть на всю школу, как только его открывали. У меня эту функцию выполняет мой почтовый ящик — настолько, что за две недели в Новой Зеландии я ни разу его не открывал. Интересно, сколько сотен автореплаев («Извините, в отпуске, отвечу по возвращении») он оттарабанил за это время.

Я сегодня первый раз поднимался на ледник на Южном острове. Гейзеры позавчера, выставка про «Властелина колец» вчера, родина тарзанки завтра — и мне нечеловечески хорошо здесь одному среди овец. Их тут, на площади размером с остров Хонсю, сорок миллионов, а людей — четыре. На мне теплый свитер — на осколке Гондваны зима. Восемь часов в ботинках-кошках на свежем воздухе, среди режущего глаз синего льда, меня закалили: зажму уши и открою почту. В деревне при леднике две улицы: отели и мотели. Интернет-кафе — в древнем австралийском автобусе со старомодно скругленными краями, застрявшем между пальмой и сугробом.

Не так и страшно — триста с чем-то непрочитанных. Стажер-ассистент из Германии выходит на работу, как только я вернусь в Москву. ОК, это кстати. Мы друзья Дениса Хомяка из Берлина, нельзя ли у вас недорого сыграть? Извините, нельзя — первый раз о вас слышу. О! Дани Сицилиано готова ехать в Москву. Мне люб ее тихий клеткот — по крайней мере, когда эта птица попадает в лапы Мэтью Херберта, продюсера и по совместительству, кажется, мужа. Но деньги! — мы никогда не продадим столько билетов, чтобы отбить этот гонорар. Рацпредложение летит агентессе: «Дорогая Наоми! Денег на концерт нет. Здравствуйте. Как насчет диджей-сета?»

Я видел артистов, prostituteующих с халтурными диджей-сетами: лицо известно, деньги легкие. Видел тех, кто чувствует себя в диджейском седле куда увереннее, чем перед микрофоном. Артистка Сицилиано сыграла по обе стороны Атлантики не одну сотню диджей-сетов. Сэкономим и принесем немного культуры в массы. «Привет из Новой Зеландии!» — заканчиваю я письмо.

Это я уже два часа здесь сижу. Так, log-out, не дожидаясь перитонита, потом дочитаю.

Выхожу из автобуса на улицу, тьма — глаз коли. В августе в Новых Южных Альпах темнеет в шесть. Я дал себе слово не бриться еще неделю и в клуб «Икра» меня бы сейчас фейсконтроль ни за что не пропустил. Побреюсь в Сиднее, так и быть, — там ближайший клуб, похожий на клуб. А впрочем, в столичных веллингтонских тавернах, где под каждым шарфом — рубашка поло (интересно, есть ли тут N&M?), — своя прелесть. Нет, до Австралии — бутылка местного белого, слов тридцать и километров триста в день вдоль фьордов, пустынь и дождливого западного побережья. В самолете — песня Хосе Гонзалеса на 383-й позиции в фонотеке компании Emirates: за долгую дорогу сюда я запомнил ее местонахождение. Я свою дозу счастья знаю. Главное, не залезать в почту до Бангкока. Или до Дубая.

— Please evacuate the president! — с серьезным видом поет Пьер. На нем черный костюм, белая рубашка, черный галстук. Грациозный камерный рок летит под беленый свод Центра современного искусства.

В песне, вообще говоря, по тексту — «Please assassinate the president»*. Но барабанщик Кенни непостижимым образом умудрился развести на трэвел-грант американское посольство. С этим посольством — этого не может быть, потому что не может быть никогда: французы, немцы, скандинавы, кто угодно, но только не американцы. На родине Мадонны не принято поддерживать молодые таланты. Ну и вот, сухарь в галстук неопределенного цвета сидит теперь в первом ряду, тоскует. А Пьер ему поет.

Завтра у нас концерт. Новая группа из Бруклина — открытие клуба «Икра». Свели нас коллеги из центра «Дом» — для них камерный рок не профиль, пока на дутаре кто-нибудь не пристроится или по железной бочке разводным ключом не начнет лупить. Отдали свою находку безвозмездно.

* Evacuate — освобождать, эвакуировать; assassinate — устранить, убить (англ.).

А находка — и впрямь на диво, нежнейший сгусток меланхолии со скрипочками и бархатным голосом Пьера, декадентская игрушка, никак не хуже разросшегося «Браззавиля», на который к нам стояли очереди. Мы выбили для бруклинцев контракт на лицензию пластинки в России. Зажигаем таланты.

Да, они Melomane называются.

Я три раза сказал стажеру Нико, чтобы внес меня в список. Нико — неделю в Москве — по неопытности не вписал или вписал не туда. И телефон выключил: камерный концерт, понятно. Я десять минут препирался с охраной Центра современного искусства.

— Хорошо, сколько стоит билет?

— Мероприятие закрытое, билеты не продаем.

— Позовите тур-менеджера группы или кого-нибудь из американского посольства — они подтвердят, что я в списке.

— Не входит в наши обязанности.

Слава Богу, Нико спустился в туалет.

— I can absolutely confirm that this guy is the co-organizer of the show!* — по-русски он ни в зуб ногой. Умудряется жить в съемной квартире в Отрадном.

Раз на буржуинском наречии заговорили, наверно, и впрямь — организатор. Удивительные дела творит тарабарская речь — и разные двери перед говорящим открывает.

Моя лекция нашей родной охране про то, почему слово «нерусский» — нехорошее, всегда пользуется популярностью и открывает сотрудникам ЧОПа массу удивительного.

Нико — длинноволосый романтический оболтус из-под Кёльна, мой ровесник, изучает музыкальный бизнес Восточной Европы — свалился на нас как снег на голову. Венгерский коллега составил протекцию, попросил взять юношу на поруки. Юноша получил от меня полдюжины писем с требованием освоить азы русского, приехал через полгода, вооруженный единственной фразой «Меня зовут Нико, я из Германии» и пачкой носовых платков (гайморит у него или что-то вроде). Говорит трубным голосом, встречает и провожает артистов, а в остальное время пишет

* «Да подтверждаю я, что этот парень — соорганизатор нашего шоу!» (англ.).

безответные письма в Гёте-центр с предложением дать нам денег на организацию немецких концертов. Залил в первый день пребывания в РФ соседей снизу (стиральная машина подвела), на второй — подложил мне демо группы My Baby Wants to Eat Your Pussy (просто по наивности). Демо ужасное.

Я, кажется, перестарался, объяснив Нико, что в жизни гастролирующих артистов все должно происходить минута в минуту. Имел в виду — не опаздывать на концерт больше чем на час и в аэропорт успевать, не забыв паспорта в гостинице.

Теперь наблюдаю, как Нико отрывает свежесобравшихся музыкантов от удивленной тетечки из посольства и тащит в автобус.

— It's time, — хлопает по наручным часам на руке. It's time!

Разве можно было немецкому человеку поручить следить за распорядком дня? Того и гляди они у него в ногу замаршируют.

У Melomane сегодня еще один концерт — в «Икре», из-за которого, собственно, мы огород и нагородили.

Дружественный музыкальный сайт неделю гнал дорогую рекламу — не взяв с нас ни цента, из соображений единомышленнических: хорошая группа. Журналисты отписались — все как штык. Продано билетов пятьдесят, как обычно в таких случаях.

— Ничего, я сегодня лекцию читал в консерватории по музыкальному менеджменту, — загадочно улыбается Кенни, — там не больше было.

У Кенни смеющийся взгляд и звезда Давида на груди. Везде поспел.

Пьер снимает галстук, взлохмачивает шевелюру и выходит на сцену. Не начинает: перед сценой потрясают бумагами Леша и Марина. В свободной руке Марина держит полиэтиленовый пакет «Рамстор». Звукозаписывающая компания приехала подписывать контракт.

Может, мы того, после концерта? — сконфузившись, шепчет Пьер.

У меня дети некормлены! — жалобно протягивает к нему руки Марина.

Марина — интересная брюнетка. Леша — высокий лоб, бритый череп, толстое стекло очков — классический охотник за именами, эй-энд-ар, артист-энд-репертуар. Для него это не двухсотая и не трехсотая пластинка. Во времена, когда пластинки никто не покупает, — акт неслыханной просветительской деятельности.

Леша и Марина — непобедимая в переговорах пара: пока Леша сыплет цифрами будущих артистических отчислений, умница Марина хлопает подведенными глазами и ведет разговор про жену-детей-собачку: «Здоровы ли все? А нам будет десять в этом году!»

— Извините, пожалуйста, еще чуть-чуть, и мы начнем, — Пьер — канадец, извиняется с вежливым шармом, в него из-за барной стойки впиваются все женские глаза.

Спрыгивает со сцены, в сопровождении Леша и Марины сворачивает за угол, к служебному туалету, и быстро-быстро, на бегу, листает и подписывает контракт страницу за страницей. Контракт сулит золотые горы. Пока что у входа продали пластинок пятнадцать. По продажам у входа обычно можно судить, сколько будет продано за следующий год в магазинах по всей стране. В сумме — примерно столько же и будет продано. Артист озолотится.

Из туалета выбегает уборщица и хлопает Пьера дверью. Марина испуганно прижимает к груди рамсторковский пакет.

— Ой, извини, киса, не знала, что ты здесь стоишь, — уборщица разводит руками и уносится прочь.

Многотысячный контракт подписан.

— Жене — сердечный привет! — расцветает Марина, запикивает свою копию в пакет и испаряется.

Пьер и Кенни на сцене. Подруга Аманды Палмер, Дария, решительно садится за клавиши.

— Please assassinate the president! — разгоняется Пьер.

Из американского посольства в зале никого. По тексту, как есть. И скрипки рыдают — лично для меня.

Ничего мы не открыли и никого не убедили: зал полупустой. Группа Melomane больше никогда сюда не придет. Но для себя — хороший концерт я для себя сделал. Могу себе позволить, как султан Брунея. Карликовый.

«Елочные игрушки» — производители той высоколобой электроники, про которую когда-то полагалось писать «хрупкая, колючая, ломкая» — warp'ообразной, вполне себе английского качества продукции. Дружат с Plaid. Саша и Илья. Скромные питерские люди.

Мы подружились, когда они выдали вдруг пластинку убийственного хип-хопа с двумя MC Мишами — Миши были такие же скромники, чуть заикаясь, начитывали галлюцинаторный текст в хрупких-колючих-ломких конструкциях «Елок», — невыпущенную пластинку эту я слушал все лето на болванке, в очередь с The Knife.

Когда «Елки» свели нас с Plaid и отыграли вместе ударный концерт, я не удивился. Когда раскопали в «Ломоносове» стотридцатикилограммового охранника Стаса Барецкого, уволенного из казино за слишком грозный вид, и Стас стал начитывать под елочные экзерсисы матерщинные вирши — не удивился тем более. Стас оказался хорошим мужиком. Три концерта мы с ними сделали или четыре — не помню.

Сегодня Стас позвонил и сказал: «Такое дело. Питерское телевидение хочет у меня интервью взять. Скажи, пожалуйста, чтобы пропустили их». О чем речь.

И вот захожу в оранжевый зал за кофе: четыре камеры, света — как в студии, на стуле девицы в неглиже снимают с себя что-то медленно и убедительно. Барецкого — в помине нет.

Порно в нашем меховом интерьере снимать — одно удовольствие.

— Стас, — ретируюсь в примерку, — какого черта там происходит?

Саша и Илья удивленно смотрят на меня.

— А что там происходит? — гора-Барецкий удивлен не меньше них.

— Что это за интервью с тобой, но без тебя, зато с тремя девицами ню?

— Так мы вроде отсняли уже, камера и ушла, — Стас в недоумении.

Обмануть грозного великана — проще простого. Питерское телевидение решило получить бесплатный павильон

для съемки познавательной программы про сиськи. Не вышел бы я в зал за кофе — успешно бы сняли, голь на выдумки хитра.

Охрана споро выводит из клуба горе-продюсеров, полуголых моделей, операторов с несобранными штативами; хорошо — времени три часа дня, клуб пустой, иначе было бы шоу.

— А я думал, они правда на интервью, — разводит руками Барецкий.

Саша с Ильей пытаются извиняться. Вот уж точно не за что, вам-то откуда догадаться было.

Культурная экспансия из культурной столицы — съемки подпольного порно в наших стенах.

— Гриша, я должна с тобой поговорить! — у Юли Юденич доверительная интонация.

Юля — незаменимое шило, с ней не связывается менеджер Катя, от нее убегает Игорь, и мне с ней общаться бывает сложнее, чем сидеть на переговорах. У Юли в расписании — одна ночь в неделю. Этого ей хватает, чтобы заметить жесткую курицу в «Цезаре», непоздоровавшегося охранника, ручеек под раковиной в туалете, неработающий светильник и пятиминутное опоздание звукорежиссера.

— Мне кажется, что... — говорит Юля, и увереннее этого «мне кажется, что...» я мало в жизни слышал. Она появляется в телефонной трубке, в переписке, в дверном проеме, как правило, именно тогда, когда в почте — те самые триста непрочитанных и так не хочется думать о курице в «Цезаре» — полгода работаем, неужели без меня не спрячутся?

Юле кажется, что кухню стоит уволить и набрать новую и с охраной нужно проводить работу каждый день, а звукорежиссер должен относиться к ночной вечеринке с тем же пиететом, что и к концерту «Аквариума», — и туфельные свитера и тигровые кофточки, буде появятся на концерте, перед ее вечеринкой нужно обязательно выпроваживать. Любым удобным способом.

— Как иначе я могу приводить сюда людей! — концовка у Юли всегда одинаковая.

От Юли, признаться, голова может пойти кругом. И никто, кроме Юли, вот этого не скажет — ни Сергеев и Магди, месяц как сбежавшие строить свой собственный клуб, ни тишайший Рихтер, ни заезжие друзья-музыканты: музыкантов-то здесь на руках носят.

Очень я Юлю уважаю.

Только разговор наш все больше напоминает перепалку супругов перед разводом. Развод не нужен: Юля ведет стратегическую резиденцию. Пятницы.

Что на этот раз, интересно?

— Она хорошая девушка, только еще не сформировалась. Твое дело, конечно, но зря ты ее так рекламируешь. Мне кажется, что субботняя резиденция — слишком ответственно.

Понятно. Я отдал освободившуюся после Магди и Сергеева пятницу Соне — той самой Соне, что, как многорукая богиня Кали, умудрялась работать с артистом, стоять на списках и, собственно, очень недурно сводить пластинки. Так и назвали: «DJ Соня & Friends». Рекламы никакой — Соня эсэмэски друзьям отправляет раз в неделю. И фотографию ее в клубное расписание поставили.

Легкая, расслабленная, симпатичная получилась вечеринка.

Юля своим субботним альтер эго недовольна. Рядом с ней, промоутером, положившим десятку клубов на глаза пятаки, с Именами в ее списке участников, с рекламными бюджетами — какие-то домашние вечеринки.

И ведь играет Соня — тех же V:Pitch, Trapez, Kompakt. Но — «не сформировалась».

— Юль, может, мы и хотели, чтоб не все было так серьезно и ответственно. Мы все-таки не в соцсоревновании участвуем — к нам люди идут выпить и поболтать. О несерьезном.

Юля недовольно хмыкает.

— Дело твое, конечно. Но я считаю, зря ты ее так сразу из всех сил рекламируешь. Скромнее нужно.

Юлину фотографию мы до сих пор в расписании не печатали — было бы просто все объяснить этим. Но такое объяснение решительно не годится: Юля — control freak похуже меня.

— Ты их встретила? — связь прерывается безбожно.

— Я встретила пока одного человека и пока не поняла, мужчина это или женщина.

Женщина это, женщина. По паспортным данным, которые мы зашили в ее нечеловеческий авиамаршрут из техасской глуши до Москвы, транс-великанша Бэби Ди, авторесса собственного кабаре, — решительно женщина. Вопрос только в том, где ее подельники по Current 93, летящие к нам, как арабы на Нью-Йорк, разными рейсами, в разные дни, не так, не туда и не вовремя. Оставляю стажера Дашу в аэропорту на ночь.

За мистическим ансамблем Игорь гонялся лет двадцать. В 2006 году от Р.Х. на Дэвида Бантинга Тибета снизошла благодать и он решил принять предложение.

Тибеты — чинная английская семья, прихожане местной церкви в маленьком Хастингсе. Супруг с пронзительным взглядом под копной курчавых волос, выбивающихся из-под шляпы, и супруга с лицом доброй учительницы выходят в зону прилета минута в минуту, едва я успеваю отпустить линию со взволнованным Нико: «Пианистку мы два раза объявляли по громкой связи, ее не было час, но теперь пришла и говорит, что переобувалась!» Как можно переобуваться час — в бедной немецкой голове не укладывается. «Майя!!!» — хором тянут Дэвид и Андреа Тибеты, и им все понятно: конечно, она переобувалась час и не обманула, она может.

В городе промышленная выставка, все отели в центре забронированы за полгода. Мы едем в отель Росавиакосмоса в Филевском парке — в лесу, с моделями космических ракет в лобби и отозванной лицензией на водку.

— Росавиакосмосу, — виновато поясняет бармен Тибетам, — принадлежит гостиница, ему и лицензию на продажу водки оформлять. А когда космонавтам водкой заниматься? Хотите вина?

Тибеты понимающе кивают. Хорошая гостиница, чего там, вот в Праге, было дело, в бордель поселили. Тут я подпрыгиваю: как же, народного артиста, двадцать лет страна ждала, а в Праге — в бордель?

Первым появляется Нико с Майей. Улыбаются как дети. «У барабанщика и басиста рейс отменили, мы и решили — будем на связи и поедem в отель».

Чудесно-расчудесно — слава богу, концерт завтра.

Женщина Бэби Ди влетает в бар, катя перед собой красный чемодан. «Дэвид!» — ревет она низким доверительным басом. Стажер Даша того и гляди расплачется от умиления. Лучше бы плакала оттого, что менеджер и пресс-атташе приземлились не в том аэропорту.

— Лицензии на водку нет, нет лицензии, — терпеливо бормочет бармен. — Вина?

Время — глубоко за полночь, космическая гостиница на западе Москвы отрезана от мира лесополосой и таинственными цехами. Происходящее — картинка из «В конце ноября», встреча семейства муми-троллей после долгой разлуки. Большая тайна разгадана: Current 93 не видят друг друга годами, встречаясь только на концертах. Специально для этого концерты и затевают. Любят друг друга по-детски преданно и ревниво.

Импульсивный Бен Часны (тот, что Six Organs of Admittance) прилетел из Нью-Йорка. Академичная Клода Саймондс — с жуткими пересадками из Шеннона. Итальянский менеджер Фабрицио — где-то в пути, и я уже не понимаю, из Шереметьево или Домодедово, лицензию ведь отозвали на водку, и мы раз десять обнимались всем коллективом, значит, большинство здесь — потому как всего должно быть пятнадцать человек.

А вот и розовая меховая сумка и татуированный череп — здравствуйте, Фабрицио. Вина?

— Я очень извиняюсь, что звоню в такое время, но мне сказали, что вы не спите. Я священник, меня зовут отец Косьма, и я хотел бы встретиться с Дэвидом Тибетом. — Телефонный звонок приходится на удивление кстати.

— Хотите с ним поговорить? — Я знаю, что Тибет как исследователь христианства святому отцу будет рад — даром что не возьму в толк, кто мог дать святому отцу мой телефон.

— Я не говорю по-английски, вот в чем дело, — опечаленно сообщает трубка. — Но если вы не против, я завтра с переводчиком приду.

Договорились.

— Тебя не ждут дома? — заботливо спрашивает Тибет.

Он закрывает записную книжку, в которой весь вечер делал пометки на коптском: дневник или от жены секреты? Супруги отправляются в номер, тур-менеджеры — обреченно — назад в аэропорт, Бэби Ди громогласно хохочет, так что охранник в кургузом пиджаке забегает в бар и, увидев источник гогота, застывает как вкопанный. Та-туированный Фабрицио достает из розовой мохнатой сумки бутылку водки.

Со святым отцом Тибет попросил познакомить его как можно раньше. Провозвестника психофолка интересуется православная технология спасения.

Ну, что теперь: как Дэвид попросил, так и сделали. А получилось вот как. Тибет подсунул белую CD-болванку с надписью «Current 93. Intro, 5 min».

— Как можно громче, — сказал лукаво. — И свет выключить.

А там — «Воздушная кукуруза». Зацикленная самым жестоким образом, сбивающаяся с ритма, с вывернутыми частотами, с адским каким-то бубном на заднем плане. Когда световик выключил свет, семьсот человек, набившиеся в зал, завопили в предвкушении чуда. Когда звуковик поставил «Кукурузу», семьсот человек засмеялись. Когда через минуту стало громко, удивленно переглянулись. Когда еще через минуту «Кукуруза», разгоняясь, стала жестоко резать перепонки — попробовали заткнуть уши руками, но куда там — добрый дедушка Тибет запланировал интерлюдией экскурсию в ад: где-нибудь в Евросоюзе нас за такую травмирующую слух экскурсию оставили бы без лицензии, а здесь — стойте, мучайтесь.

4 минуты 59 секунд. С последним ударом бубна «Кукуруза» стихает — в ушах гул, как на взлетной полосе, на сцену, за арфу, выпархивает Бэби Ди и, лучезарно улыбаясь, выходит добрейший Тибет. Зал в истерике: ну наконец-то засранец звукорежиссер закончил свою пытку. Разве можно предположить, что это не звукорежиссер,

а воплощение добродетели Дэвид пытку придумал. К его ногам летит портрет. Его портрет. Спасибо, что не попали.

Отец Косьма, мощный детина в рясе, с доверчивыми детскими глазами, за руку проводит на ВИП худенькую женщину. Мама. Тибет велел маме священника выделить лучшее место. Я видел его у нас, я помню. Только он тогда был на мотоцикле и в какой-то расписной рокерской майке. Значит, это у него был выходной, а сейчас — с работы. Косьма служит в монастыре, исповедует Петра Мамонова и ходит с мамой на Current 93. Свой человек святой отец.

Курить в зале Тибет запретил — в туалете дым стеной и прения:

— Я этого концерта всю жизнь ждал. Только вот звукорежиссер — козел, это надо ведь вначале было влупить на такую громкость!

В нюансах звука, как в футболе и политике, разбирается каждый первый.

Так и прожили: пятнадцать муми-троллей любили друг друга два часа, Дэвид источал благо, святой отец млел, официанты готовились сервировать стол для прощального обеда.

Когда все закончилось, когда последний влюбленный в жгущую тибетову улыбку покинул зал и в честь пианистки Майи, ненароком родившейся сегодня, был сказан тост — вот тогда зазвонил у меня телефон, разрушая идиллию семейного ужина в пустом клубе за полночь.

Драм-н-бас-промоутер Парамонов говорит короткими назывными предложениями:

— Prodigy. After-party. Ехать в городе некуда. Воскресенье. Через пять минут у тебя.

Менеджер Катя пулей летит открывать клуб: свет, музыка, бар расчехлить — будто и не закрывались. Катя — девушка стремительная. И Prodigy ей куда как понятнее, чем Дэвид Тибет.

— Грегори, я очень тебя прошу: можно они не будут сюда подниматься? — доверительно шепчет мне на ухо Тибет.

Конечно, можно. Мы на третьем, они на втором. И, пока Тибет негромко знакомит отца Косьму с проблемами

коптских текстов, мы с Беном Часны спускаемся лестничным пролетом ниже. Катя молодец, зарядила сборник, оставшийся с драм-н-бас вечеринки, бармены у нее жонглируют бутылками, иллюминация — по всему залу: будто пять минут назад здесь не спали в темноте уборщицы. Две переодетые в штатское симпатичные официантки — больше не нашлось — изображают посетительниц. Prodigy присаживаются у бара, недовольно вертят носами: клуб пустой, как ни крути.

— Пойдем наверх, как-то у них тут невесело, — говорит Бен. Он отыграл сегодня перед Тибетом сольный концерт как Six Organs of Admittance и у него отличное настроение.

Поднимаемся наверх. Четвертый тост за здоровье пианистки.

Спускаемся вниз. Prodigy предсказуемо свинчивают из пустого зала — видим удаляющиеся спины. Катя расстроена. Да ладно тебе.

Поднимаемся наверх. Святой отец едет домой. Спускается по лестнице, приподняв рясу.

— Грегори, у меня к тебе просьба, — крутит меня за пуговицу пиджака Тибет. — Он любит музыку. Он бедный монах. Сделай ему, пожалуйста, клубную карту. Я готов заплатить, если нужно.

— Уехали Prodigy? — прорезается в трубке промоутер Парамонов. — Ну и бог с ними, сами не знают, чего хотят. Спасибо в любом случае.

Из женского туалета выбегает уборщица. Выразительно вращает большими глазами. Случайно встретилась с Бэби Ди.

Нет, что ни говорите — я горд. Правильный клуб получается.

Вот наложилось — у Магди и Сергеева огромная вечеринка на каком-то складе, а у нас — Дани Сицилиано. Совпасть по дате с сильными коллегами — совершенно ненужное соревнование, но рано или поздно такое случается, и тогда закадычная дружба или скромная симпатия

перерастет в череду дипломатических экивоков. Можно мы у вас свои флаеры разложим в обмен на ваши? Спасибо, в другой раз — обязательно. Давайте мы своего хедлайнера до полуночи выпустим, а вы своего — часа в три, чтобы народ и к вам, и к нам успел. Нет — ну и ничего страшного. Встретимся-созвонимся, мир непредсказуемо тесен.

— А можно, — у Сергеева это «а можно» получается так по винни-пуховски, что ответить «нельзя» просто невозможно, — а можно Дани к нам заедет ненадолго?

Сергеев привозил ее в «Шестнадцать тонн» сто лет назад — они дружат. Мы некстати прошляпили, вклеили на билборд слоган «Впервые в России!», глупо получилось, и у меня, чего там, легкое чувство вины. Прошу тур-менеджера проехать с гостьей через сергеевский склад.

— Это же другие промоутеры, — удивленно поднимает бровь Нико. На прошлой неделе я вынес ему мозг, распиывая недопустимость контактов артиста с другими промоутерами — именно так, не-до-пу-сти-мость: монументальные существительные его голова усваивает лучше.

— Ну и ничего, — говорю.

У Нико сбой программы.

Сижу в пустом клубе, ем грибной суп и смотрю, как на вечерний «Кровосток» стягиваются робкие струйки зрителей. Человек двести от силы. Говорил я Игорю: может, не надо на год себя контрактом связывать. Теперь этот недешевый «Кровосток» — наша судьба. Как мой грибной суп — при любом шеф-поваре-катастрофе разводится из одного и того же порошка и стратегически безвреден.

Дани, веселая, длинная, по-калифорнийски расслабленная, влетает в зал, опережая Нико. Он, пытаясь, тащит ее диджейскую сумку — девушке-диджею au-pair полагается по весовой категории.

— Как я рада была их видеть! — это Дани про Сергеева с Магди. Нико бросает на меня озабоченный взгляд: не заревнует ли начальник. Не заревнует, вот еще. Мои друзья ко мне тоже через весь город едут, у кого бы ни выступали.

Начинается приветственный борщ. Кончается «Кровосток». Соня приехала, обняла меня и Нико, прыгнула за

вертушки: начинает с хербертовского трека. Дани еле заметно морщится: у них с Хербертом все кончено, оказывается.

— Кевин Блехдом! — ей в руки попала программка с нашим доморощенным Hall of Fame. — Она же главная по тарелочкам в моей группе, когда мы играем концерт. И что, была у вас весной?

Хорошо, когда есть свой Hall of Fame — и лежит на каждом столе между солью-перцем и подсвечником. Родственные души здесь быстро находят друг друга, даром, что инюкколлегия наша не материальна.

Дани машет длинными руками, поправляет пышное каре, воздушные большие серьги из ниточек качаются в такт. Она хотела бы играть здесь со своей подругой Кевин, но бюджет. Понятно, бюджет — это всегда сложно, вот и Магди с Сергеевым о том же говорят. А что, правда, что весь город сегодня поедет к ним, а здесь будет человек сто?

Неправда, будет двести. Ох уж эти родственные узы.

— Есть места, куда приезжаешь в первый раз, ждешь чего-то нового, щебечет Дани. — А вот в Москву я возвращаюсь — здесь есть близкие люди, и это важно.

Я краснею, вспомнив плакат «Впервые в России».

Только каждый раз, когда я здесь, что-то плохое случается. Сегодня напротив отеля такая толпа — в доме напротив убили журналистку. Говорят, она писала про Чечню? А в прошлый раз в Петербурге убили тетю Сергея Сергеева, она была парламентарием.

Промоутер Сергеев — племянник Галины Старовойтовой. Узнали мы об этом от музы Мэтью Херберта.

Нико записывает на обратной стороне счета фамилию Politkovskaya — чтобы не забыть в письме родителям из далекой и загадочной страны. Мир меньше, чем ты думаешь, Нико.

Дани оставила на столе сережку: разноцветные нити стягивают маленький металлический обруч. Не забыть отдать после сета.

Стою на сцене как дурак.

Спасая чужую задницу: организаторы Маша и Лена — милейшие барышни и, в общем, не виноваты, что Нино Катамадзе отказалась лететь в Москву.

— А ты ведь знаешь: Нино такая, стакан воды вовремя не подашь — ух что будет, — вздыхает Маша.

Где-то в верхах, в трех километрах от Курского вокзала, на неделе решили, что Грузия — враг человечества. Прямых самолетов до Тбилиси больше нет, виз, похоже, грузинам тоже не выдают. Больше ничего не знаю — телевизора у меня нет, живу герметично, не у Олейникова же спрашивать: для него и подавно последние новости из Грузии — публикация «Витязя в тигровой шкуре».

Маша позвонила за неделю — артистка боится лететь. Нет, виза у нее в порядке, и у музыкантов тоже. Но вдруг развернут на пересадке в Киеве — она не простит и не переживет.

— Ты ведь знаешь: Нино такая. Я боюсь связываться.

Машу я понимаю. Маша делает хорошие джазовые концерты, и с артистом ей ссориться решительно ни к чему. У меня ступор: я твердо усвоил, что все зло из-за телевизора и из-за трех километров к западу от Курского. Не смотрю я телевизор, на выборы не хожу, в штаны не писаюсь — здоров по всем показателям. Но артист, который предпочитает не выходить из дома, лишь бы не задело, — на моей памяти так боролась за свободу слова разве что Джейн Биркин, предпочитая не появляться в России: она добровольным домашним арестом солдатским матерям помогала. Неоценимая помощь, куда там. Я не знаю ни одного другого артиста, который не прыгнул бы в самолет до Киева и не попробовал пересечь на московский.

— Я не могу рисковать. — Маша обескуражена. — Если что случится, она больше никогда сюда не полетит.

Неделя перетягивания каната — и мы решили: делаем концерт в поддержку Нино Катамадзе. Кинули клич. Отозвались Пелагея, Дмитрий Четвергов, «Белый острог».

— Никакой политики, — объясняет Маша по телефону сразу после «Здравствуйте!», — мы просто демонстрируем поддержку артисту.

И вот мы с Машей стоим на сцене и демонстрируем поддержку артисту. Хорошую программу собрали, не стыдно. Вешаем что-то о недопустимости (не-до-пус-ти-мо-сти!) втягивания культуры в политику. Нам вяло хлопают, а потом умница Пелагея магнетизирует зал с первой песни. Маша — мой партнер, я должен ей помочь. Только я не представляю, чтобы Гудзь, Тибет или Бард даже не попробовали сесть в самолет, прилететь и сказать все то же самое сами. Я привык к этому бытовому чувству стыда, но сейчас мне стыдно не за абстрактную страну, в которой мы с Машей, по сути, не живем, а за что-то совсем другое.

Возможно, я слишком долго не смотрел телевизор.

Господи, как хорошо в этой ржавой «шестерке»!

Танька, когда у нее просят двести до Профсоюзной, хмыкает и говорит: «Двести я плачу русским». Я перестал торговаться с бомбилами, когда толстый азербайджанец, остановившись у «Желтого моря» переспросил:

— Казакова? «Икра», что ли? Тогда не сто, а сто пятьдесят.

И он не мог сделать мне лучшего комплимента.

Я размазан этими Coldcut, у которых шоу началось с изображения клуба «Икра» на Google Maps, вид сверху. Мы день проживаем за три, мы только вчера отправили домой привередливого Дженезиса Пи-Орриджа, Нико живет в аэропорту, звукорежиссеры — на ферме над сценой, официанты — на кухне. Мы зарабатываем, прыгаем через голову, и, как мне донесли, арт-директор «Летчика» Леша Паперный сказал арт-директору «Дома» Саше Маркову, что, если так пойдет, мы будем первыми в городе.

Через клуб сегодня прошла тысяча человек. Концерт у основателей Ninja Tune — нереально хорош. Мы точно первые в городе. И последние, у кого есть шанс выспаться. Вот почему мне хорошо в этом ржавом развальянте под микс турецкой эстрады. Я благосклонно потягиваюсь, показываю водиле съезд с эстакады на Цветной: Тверская — это почти Красная площадь, ты прав, дружище, но не совсем.

Извини, что я сказал: «До мэрии, до Моссовета», — ни в новой жизни, ни в старой нет таких слов в твоём лексиконе, и я благодарен, что ты знаешь Красную площадь. Танька может долго ждать своих русских за двести — а ты приезжаешь сразу и увозишь быстро, даром что хамоват и города не знаешь. Детей мне с тобой не обрезать.

Вот здесь, под рекламой Vacheron Constantin. Вот тебе твои сто пятьдесят. Как же у тебя в машине бензином несёт.

И все, и баиньки в четыре утра, наконец-то, сейчас телефон выключу, свечи зажечь, виски, Кари Бремнес на сон грядущий.

Чёртов замок. Дверь в квартиру не открывается. Квартирная хозяйка приезжала днем чинить окно — вот и направила что-то с замком. Господи, ну почему в четыре утра, когда у меня единственный шанс выспаться за неделю? Одно деление на дисплее телефона предательски мигает. Сейчас разрядится. Да и что я скажу квартирной хозяйке в четыре утра: «Приезжай, дорогая?»

Телефон сдавленно тренькает — на экране Нико.

— У нас проблема... приезжай срочно... не хотят ехать в гостиницу... лежат на полу без движения... наркотики...

Связь предсказуемо обрывается.

Ловлю бомбилу под тем же Vacheron Konstantin`ом. За двести я тебя сам подвезу. Сто пятьдесят и без разговоров. Бензином у этого горного шофера воняет точно так же, но вместо турок — «Авторадио». Одомашненный вариант туретины.

Мама, сколько народу в клубе «Икра» в пять утра! Бармены мокрые, как в сауне, — понятно, не пиво «Невское» у них заказывают после концерта Coldcut на Юлиной-то вечеринке. Интересно будет посмотреть завтра на выручку. Если не сдохну раньше. Где Нико? Проведите меня к нему. Хочу видеть этого человека.

Толкаю дверь в примерку — не поддается сразу, внутри что-то тяжелое. Толкаю сильнее. На столе пустая литровая бутылка водки. Здоровенный детина, световик Coldcut, лежит на полу лицом вниз. Ногу поджал под себя. Храпит. Килограмм сто.

Нико с убитым лицом выглядывает у меня из-за спины:
— Его вырвало на световой пульт. Там за углом еще и звукорежиссер лежит. У него такой же гештальт.

— А Мэтт и Джонатан где?

— Давно в отеле. Они не пробовали наркотики, я уверен.

Твою мать, Нико, в неполных тридцать лет можно бы и обнаружить причинно-следственную связь между пустой бутылкой «Русского стандарта» и пьяным английским детской на полу. Сергей Иванович тебе товарищ. Наркотики!

— Ты видел, что там творится? — к нам приближается разгоряченная Юлия.

Она счастлива — кажется, впервые за последние полгода. Я тоже был бы счастлив, отжигай на моей вечеринке тысяча человек; но мне надо координировать среди ночи непутевого Нико и наклюкавшихся англичан, и я не имею ни малейшего представления, когда и как я попаду в заблокированную квартиру.

Юлия смотрит на пол и понимающе вздыхает.

— Бедненький. Хочешь «Егермайстера»?

Хочу кого-нибудь укусить. Юлия беззаботно упархивает в зал, а я подзываю плечистого охранника.

— Несем через кухню. Мы с вами вместе берем под руки. Nico, you keep his legs. Несем осторожно, артист блюет.

— А костюм он мне не испортит? — испуганно интересуется охранник.

В жизни охраны — два фетиша: беджик с надписью «Администратор» и черный костюм с Черкизовского рынка.

— Вычтем у него из гонорара, если что.

Охранник неодобрительно качает головой. Три-четыре — мясной попался детина, а у нас впереди по траектории суммарно три лестничных пролета. Сзади звукорежиссер — ковыляет сам, держится за стену и оставляет липкие следы. Блюмс — сшибли Олесю с тарелкой салата. Прости, дорогой. Бум — тело рукавом зацепилось за швабру. Клиент дергается.

— Может, поблюем немножко? — робко спрашивает охранник.

Переворачиваем. Теперь не хочет. Едем дальше — без столкновений до самой машины.

— Ну, я назад, — радостно вытирает руки охранник.

Нет, пардон, гулять так гулять — мы сами его по Holiday Inn не понесем, поедете с нами, а пиджак можете снять, если угодно. Звукорежиссер падает поперек заднего сиденья.

Ну не могу я их одних с этими деятелями культуры оставить. Потеряют документы, не улетят завтра или улетят не туда — что я питерским коллегам скажу? Обостренное чувство взаимопомощи.

То ли дело портье в Holiday Inn — и бровью не повел!

— Я, — говорит, — когда в Шарм-Эль-Шейхе с русскими туристами работал, у нас таких артистов было — каждый второй. Вы только не волнуйтесь. Хорошо, что принесли. Сейчас мы этого вместе в номер отнесем, вот тот пусть пока посидит, сам он не дойдет — вернемся за ним. Я только полотенце сразу возьму, мало ли что.

И за пять минут все улажено.

Охранник получает двести рублей на свою встречу с прекрасным — и уезжает первым же азербайджанским таксомотором.

Нико, — говорю, потягиваясь в кресле. — Запомни, пожалуйста, что водка — это не наркотики. У тебя все главные давно седьмой сон видят. Стоило такой шум из-за пьяного световика поднимать.

Нико виновато сопит.

— За это, — говорю, — я еду ночевать к тебе в Отрадное. Часа на два, не меньше. У меня замок в двери сломался. Спальный мешок? Годится. Во сколько у вас, то есть у нас, метро открывается?

Нико зажал российский флаг. Протрезвевший световик оказался Олегом Теслером и расписал флаг за милую душу: изобразил Нико, меня, Игоря, водителя Сашу из Херсона, Мэтта и Джонатана на сцене и себя — под надписью: «Простите, что я заблевал ваш пульт».

Надпись выполнена на безукоризненном русском языке.

Ни одного трофея мне не было жаль так, как этого. Ничего не попишешь — световик поутру сунул его с виноватым

ваю Нико бумажку для университета: ...Demonstrated excessive skills in tour management, perfect team-working capability and avid interest in live music industry»* Число, подпись. Стажировка окончена. Я надеюсь, мы не очень сильно заморочили тебе голову, Нико. И спасибо за спаль- ный мешок в Отрадном. Очень он помог арт-директору всемирно известного клуба в тяжелую минуту.

— Гриша, почему наш дизайнер работает на другой клуб? — телефонная трубка возмущена.

Я Катю понимаю.

Десятки, сотни билбордов, заполонивших город, вы- глядят один в один рекламой клуба «Икра» в первые дни жизни. Та же нечленораздельная каша из хороших имен, оранжевым по белому, через строчку. Реклама в журналах — того же размера и устройства, какую покупали мы полгода назад, пока не сообразили, что толку от нее немного. Программки-расписания — как нашим дизайнером год на- зад сверстаны, один в один.

Выглядит все это так, будто кто-то ловкий выгодно продал весь наш пакет неликвида, со всеми ошибками, просчетами, ляпами, накопившимся за год.

Только рекламы больше — раз в десять.

— Н-да, — хмыкает дизайнер. — Мне на вас-то времени не остается, зачем бы мне еще заказчика брать. Скопировали нашу историю, вот и все.

Если у тебя свистнули идею, значит, она была неплоха. Радоваться бы. Но я, по правде сказать, тревожусь.

Клуб на четыре тысячи человек, света и звука — на сотни тысяч, владельцы — ресурсные добытчики, радио Maximum — каждый концерт поддерживает. До открытия полтора месяца. Место, правда, плохое, рядом с обувным рынком, где-то в складах, от центра неблизко — похуже, чем наш Курский. Там Гарри Чагласян пробовал клуб от- крывать — мы как-то вместе на вечеринке из двухлитровой

* «...Продемонстрировал исключительные навыки тур-менеджмента, работы в команде и живой интерес к концертной индустрии» (англ.).

оульки колы тушили там горящий динамик. динамик не догорел, а вот клуб у Чагласяна прогорел быстро.

Но у «Б1»-то (так это заведение называется) бюджет кричит о себе с каждого билборда — как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам. Дружественный агент раскололся: новый клуб купил на открытие неподъемных Sisters of Mercy — по тройному тарифу. Рядом на афише — Нене Черри и Грейс Джонс. Теряюсь в догадках: стоят обе дорого, площадку на четыре тысячи в Москве не соберут ни за что — зачем это? кому это? Эти деньги не вернутся к таинственному учредителю никогда, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться.

Хорошо еще, люди с этой энергией в неликвид и некондицию играют. А что будет, если нам за одного и того же артиста случится бороться? Мы без малого год с агентами торгуемся до последнего. А за углом — и без того недешевым Sisters of Mercy в три конца переплачивают.

Экономику этого русского народного эм-би-эй мой мозг разгадать не в состоянии. Москва — город контрастов. У них своя свадьба, у нас своя — только, по правде сказать, такой новорусский размах крыл сдует наши творческие трепыхания за милую душу. Если, конечно, одумается и прекратит вдохновенно копировать наши старые ляпы.

Издержки мультикультурализма. В среду на вечеринке у Сиды разбили огромное зеркало в женском туалете. В четверг на закрытом корпоративе с Ксенией Собчак и прочими трюфелями от козырька на крыльце оторвали ветвь пыльных искусственных цветов. В пятницу Олейников, пресс-атташе в теле художника, попыхивая трубкой, взял клей-пистолет, вошел в туалет и увил осколок зеркала, пострадавшего от панков, розами, которые оторвали поклонники Собчак.

У нас возвращение Йохансона на днях, несолидно с разбитым зеркалом. К уикенду готовы.

А на следующей неделе кто-нибудь за зеркалом съездит. Или — *наверно*, съездит: смертельно опасная лестница на сцену ждет своей следующей недели тоже без малого год.

С «Качем» нас Сид связал. Лидер «Тараканов!», по совместительству наш диджей-резидент, — это прорва информации, «Музыкальный киоск» какой-то. Рассказал, что в Питере родился страшный рэпер-матерщинник, не чета «Кровостоку», и мантра у него главная — «Питер рулит, Москва сосет». Питерцы это как слышат, так у них коллективный оргазм с последующим залпом «Авроры» случается. Страшно модная вещь.

— Вот я и подумал: может, тебе оно надо? — поделился Сид.

Оно хорошо. «Девять-один-один — это Питер, МТС» — такое нам точно надо.

Я позвонил страшному рэперу-матерщиннику Мастербою, тот тихо и интеллигентно попросил перезвонить директору, автоответчик голосом Вертинского пропел: «Если я не могу ответить, значит, я в метро, — взял театральную паузу и заключил с апломбом: — Да, я езжу на метро!» После чего не связаться с группой «Кач» было бы просто преступлением.

Директор Владимир Кауфман работал с группой «Форум». Совсем не страшный Сергей Мастербой оказался хорошим актером; интеллигентный, рассудительный, чуть-чуть застенчив. Гадкими фразочками типа «Лена — жопа из полиэтилена» стреляет только по работе. Эпатаж — дело чести; Олейников взял Мастербоеву картинку с Валентиной Матвиенко, подписал: «Питер рулит — Москва сосет», расклеил по городу тиражом в несколько тысяч экземпляров. Шум поднялся — дело было в шляпе.

Как досадно, когда на концерт приходит триста человек. Как замечательно, когда на концерт приходит триста человек — без дополнительной рекламы, в глаза не выдав артиста, на сиськи-письки-провокацию. Сиськами дело не заканчивается: Мастербой покупает зал оптом, как супермаркет — бройлеров. Играем в телевидение: оно ведь безнадёжно тупо не потому, что публика — дура, а потому, что дорогие телезрители — близнецы-братья, когда дурят, и непреклонные, ни в чем не схожие индивиды, когда думают.

На сцене в «Каче» по сюжету два человека — это смущает, действия не будет. Я позвонил безотказному видею Дэну, Дэн морщился, слушая тексты, но обещал проиллюстрировать слово в слово. Договорились с Юлей Юденич, что ее золоченые пальмы и фанерный трон, позаимствованные по случаю для вечеринки с Джей-Джей Йохансоном, мы сначала для «Кача» используем — публика за четыре часа сменится, никто и не заметит.

Теперь «Кач» отправился в соседний лабаз есть хачапури, а мне позвонил Игорь:

— Центральный стол на ВИПе с продажи снимай. «Мумий Троль» приедет.

Интересное дело. Не то, понятно, что «Мумий Троль» приедет — он на этой сцене не далее чем на прошлой неделе в одном концерте с «Тату» и «Би-2» чей-то корпоратив украшал. Интересно, как застенчивый Мастербой будет читать в присутствии героя свое чеканное:

- Мой
- совет
- Илюше
- Лагутенко!..

«Кач» возвращается с хачапури-трапезы, диджей сводит картинку с заводскими трубами и картинку с бюстом восьмого размера: непобедимая гадость; Мастербой надевает черные очки-муху, поехали.

По его лбу бегут струйки пота. Одна, вторая — Мастербой порядком нервничает. Черные очки — средство защиты. На «Питер рулит — Москва сосет» Олейников подбадривающе кричит. Зал подхватывает. Мастербой утирает пот со лба — отлегло немного. Застенчивый провокатор — это что-то из «Ночного портъе».

А теперь главный номер программы:

- Мой
- совет
- певице
- Земфире!..

Перевожу взгляд на стол «Мумий Тролля». Невидимый из зала Илья Лагутенко встает в полный рост, протягивает к Мастербою руки, начинает ободряюще раскачиваться

в такт — и никто, кроме нас с виджеем, не видит, как два артиста, словно в зеркале повторяя движения друг друга, лицом к лицу, читают в унисон:

- Мой
- совет
- Илюше
- Лагутенко!..

Мастербой пунцового цвета. Ничего не подозревающий зал довольно вопит. Концерт получился. Легенда родилась.

Звонит Юля. Йохансон будет в клубе через полчаса. Мы заканчиваем, все по плану.

В примерке «Кача» ждет бутылка Moët Chandon от «Мумий Тролля». С Moët Chandon я Мастербоя почему-то представляю себе лучше, чем с бутылкой водки. Оно артистичнее: а у нас ведь случился чистой воды спектакль. Хороший спектакль.

Мастербой неловко снимает кепку — на красном от напряжения лбу остается круг:

- Вот ведь как.

Стесняется. Где-то там, тихо, про себя, он страшно доволен. Кто бы сказал в девяностых, что дефицит подонков приведет к постановкам про подонков? Золотая жила.

На сцене переставляют пальмы и трон для Йохансона. Уборщицы гоняют швабрами пыль. Юля отдает распоряжения диджеям. Пересменка на следующего балтийского провокатора: пост сдал, пост принял.

— Блины, конечно, блины! — Йохансон в прекрасном расположении духа.

Олеся пулей летит за блинами на кухню.

Мне не так уж близки его сеты: фоновая салонная инкрустация, добротная, матовая, с обилием цитат из себя самого. Концерт интересней. На входе — убийство: селебрити за вертушками, жанр, который будет работать и после конца света. На ВИПе, освободившемся от Лагутенко, сидят двое индусов: высокий статный парень и седая женщина с благородно прямой спиной. Ждут выхода Йохансона. Английский электронный террорист Киеран Хебден, он же Four Tet, принял наше приглашение, убедившись, что

сможет приехать вместе с мамой и потратить несколько дней на экскурсии по городу. Вчера, инкогнито, они слушали Tequilajazzz. Сегодня вернулись на Йохансона. Завтра сын будет играть, а мама — сидеть здесь же на ВИПе. Переживать, кажется, не будет. Мама у Four Tet — железной выдержки дама.

Я проводил их на ВИП, попутно переводя Олесе:

Киеран, что тебе принести? А вы чего бы хотели?

— Спасибо, Грегори, у меня есть имя, Грегори, — колокольчиком отозвалась мама.

Навлика Рамджи — конечно, у меня все ходы записаны — простое имя, любой сразу запомнит. Один мой приятель имел обыкновение в таких случаях переспрашивать: «Я так боюсь показаться невежливым — как правильно читается ваше имя?» Работало безотказно — до момента, пока он не наткнулся на человека по имени Том.

С Four Tet и мамой мы вчера обедали у Наташи в «Думе». Мама расположилась на генеральском диване под книжной полкой, заказала цыпленка табака — цыпленка принесли размером с аэродром. Доедали за мамой мы с артистом: увильнуть возможности не было. А в общем, она мила, эта южноафриканка индийских кровей, родившая детей в Англии.

— У Киерана индийские черты лица, а вот сестра его, в Канаде живет, — ничего общего, европейский тип. Вы с ней не знакомы случайно? Лейлой зовут, она менеджер Junior Boys.

Знала бы моя мама словосочетание Junior Boys. Впрочем — был бы сын моей мамы Киераном Хебденом, наверно, знала бы.

Зал снова открыт. Лазеры скользят по золоченым пальмам, Артем играючи рассказывает толпу перед Йохансоном. Замечаю в толпе Таньку.

— К вам как зайдешь, так не выйдешь потом, — в мирное время я принял бы это за ловкий комплимент, но сегодня правда твоя: «Кач», Йейе, Four Tet на подходе — успевай встречать и провожать.

Она пришла на «Кача», осталась на Йейе. Подруги потерялись по клубу: немудрено, Танькину способность

жадно проглатывать по несколько концертов за вечер редко кто выдержит.

— Ну оставайся ночевать, проснешься — как раз Four Tet встанет играть, — довольно смеюсь я.

— А это он там сидит?

— Он. С мамой.

Какая прелесть.

— Пойдем познакомлю, они заказ ждут, скучают.

— Ой, нет, я стесняюсь, ты мне лучше автограф возьми.

Почему журналистка колхозной наружности, отродясь не слышавшая ни одного альбома Four Tet, не стеснялась мучить его полчаса, а Танька, наизусть знающая дискографию Domino, жметя к рубке звукорежиссера? А может, я тоже бы жался.

Киеран обводит «For Tanya» на программке пузатым сердечком и вздрагивает от вопля снизу — полки увидели Петра. Йохансон стоит на сцене. Понравиться публике — полдела, *уметь* нравиться — совсем другое. Йейе с королевской улыбкой держит паузу и ставит ремикс на свою собственную «So Tell the Girls that I am Back in Town». Зал сейчас лопнет от счастья. Юля, возникшая рядом на ВИПе, поднимает тонкую бровь. Я знаю, Юля, запрещенный прием. Но Йохансону можно.

— This is one of his big hits, — перекрикивая Йейе, сообщаю я Four Tet и маме. Они кивают, они никогда не слышали о таком артисте, как не слышали о Жене Федорове, про которого Four Tet вчера только и сказал: «Oh, my!!!» Про Федорова слышали в Хельсинки, про Йохансона — в Москве и Стамбуле. В Лондоне ни того, ни другого, понятно, не знают. Законы, по которым город Москва, город Стамбул или город Стокгольм влюбляются в артиста, неисповедимы. А я просто рад, что все эти важные для меня люди встречаются в Москве, у Курского вокзала.

Киеран рисует на салфетке кружки, квадраты, ноты-восьмушки, связывает их витыми линиями — получается город Динь-Динь из детской книжки. Чем больше говорим — о Caribou, Battles, Нэйтане Фейке, с которыми мы месяцами висим в переговорах, — тем быстрее растет город у Киерана: вот эти люди из его системы координат.

В кармане вибрирует телефон.

— Извини, все в силе на завтра? — спрашивает Илья Тонарм.

Илья, вас, скромников, с Таней надо познакомить, честное слово. Мы уже раз пять друг другу повторили, что все в силе. Илья играет завтра перед Four Tet. Лучшего способа обеспечить Илье полный зал я придумать не мог — а полный зал ему всяко полагается, за эту волшебную томйорковщину, которую он строгаёт в стол в домашней студии у Сентрал-парка и показывает во время редких наездов из Нью-Йорка в Москву, украдкой, в случайных клубах, куда случайно заглядывают двадцать случайных посетителей. Поэтому я встрял и предложил сыграть у нас перед Four Tet, извините за слово-отрыжку ворм-ап. Все в силе!

Олеся, лавируя в толпе, проносится по ВИПу с сияющим лицом: похоже, Йохансон среди пальм заставил население потрясти кошельками. С чаевыми правила игры известны: сильному все, слабому ничего. Поэтому я не сомневаюсь, кто сегодня королева бала.

— Хотите блинов? Pancakes? — вот и индийским гостям уделили внимание.

Киеран с мамой не поняли: к чему бы официантка про блины? Это все любитель блинов Йохансон — трендсеттер. Я пытаюсь перевести им про роль блинов в самооценке клуба «Икра» и отвлекаюсь, заметив, что Йохансон на сцене собирает кейс с компакт-дисками. Не прошло и полутора часов — караул устал. А договаривались на два.

Никогда не победить в себе диспетчера.

Спускаемся в гримерку здороваться. Счет 1:1 — Йохансон ничего не слышал о Four Tet.

— Это Джей-Джей. А это Киеран. А это мама Киерана.

— Спасибо, Грегори, у меня есть имя, Грегори, — в мамином голосе — металл.

Простите, Навлика Рамджи. Домомучительница!

Я про акустику тогда между делом спросил, впроброс. Ну просто потому, что, когда есть две разные программы,

можно их чередовать, играть почаще — да просто так спросил. А девушки, выходит, задумались.

Мара сидит на барном стуле в центре сцены. По правую руку — добрый ангел Корней, один из лучших аранжировщиков в этом городе, в недавнем прошлом — басист Земфиры, однако ж и без Земфиры куда как интересен.

Мара елозит ногами по железным перекладинам. Едва заметно волнуясь, спрашивает: «Трубочный табак?» Корней плавно вгрызается в интро, Мара на слабую долю хлопает по колену. Строгий директор Капа виду не подает, но на мое «Все по плану?» — вздрагивает:

— А? Что?

Премьера акустической программы — через два часа.

Сделаю вид, что не заметил напряжения. И нечего мне на саундчеке делать. Капа и Мара — неразлейвода: путешествуют вместе по всему свету, поужинать вместе заглядывают, на допотопный самолет из Биробиджана вместе селятся.

Не помню, на каком ее концерте я заметил, что выключил телефон и стою в нише за сценой не песню и не две — уже полчаса. Здесь все очень просто, здесь девочкины песни про девочкино в шестнадцать-восемнадцать или в двадцать три. Здесь наивное искусство начала века — простые линии, яркие краски. Здесь вечный трепет. И на толпу Мара летит каждый раз как на амбразуру, а толпа — такие же вчерашние школьницы. Я был неправ: это убедительно.

К счастью, я не служу в модном журнале — там проще было бы признаться в шизофрении, чем в симпатии к русскому артисту для старшеклассниц; у культуртрегеров из Подмосковья — известно, высочайшие эстетические запросы. К счастью, мне все равно, в курсе ли ее существования Антишанти или Олег Магди. Я всю жизнь хожу не в ногу. И Мара мне симпатична.

Разборка на глазах у барменов — моветон. Но артист меня у бара все-таки настиг.

— Такой промоушн. Мы представить себе не могли! — Лидер изысканного бенда «Николай Коперник» трясет

смятой программкой: — Что вы сделали для концерта? Где афиши? Где публикации?

Скучная справка: продано двенадцать билетов. Понимаю.

— Вот вчера у вас «Аквариум» играл — вы и на субботу их поставили, и афиши, я видел, напечатали, и пресса была наверняка.

На «Аквариум» были проданы все билеты.

Поначалу я робел от таких атак. Стеснялся настоять, что очевидно: если концерт проваливается, надо перенести из большого зала в малый. Уклончиво отвечал, что афиши печатаем не всегда, и не всегда все зависит от афиш. Я ведь сам приглашал этих артистов, сам отстаивал их перед Игорем («Соберут, не вычеркивай»), сам заглядывал каждый день в выручку кассы и считал — по одному, реже по два — проданные заранее билеты. Мучил Олейникова ежедневным «Что еще мы можем сделать?». Но если ошибся я, приглашая артиста, Олейникову ситуацию не спасти.

В чувство меня привел безвестный немецкий диджей, позвонивший как-то в Берлине и сказавший: «Я присылал тебе свой микс, ты слушал? Как насчет обсудить мое выступление в вашем клубе?» Берлинский воздух придает мне решимости. Я спокойно перечислил ему полдюжины имен, с которыми мне интересно было бы работать. Посетовал, что московская публика не оценила пока его творчество и, возможно даже, не побежит на его сет сломя голову. Но ведь будет, будет у вас трек, что взорвет танцполы, — вот тогда мы с большим удовольствием вернемся к разговору. Через пять минут получил СМС: «Некрасиво так говорить об известности».

Напор — полезное умение, города берет. Только по этой логике я, промоутер средней руки, каких в мире сотни, должен был бы писать знакомым в Гластонбери: так и быть, готов вас осчастливить сотрудничеством. Предлагаю себе ухмылку на лице получателя.

Должен же кто-то аккуратно снять с напористого артиста розовые очки. Поневоле приходится, по «Али-Бабе», констатировать: да, понимаешь, одному — кувшин, другому — дворец. Отвратительная процедура. Но вот артист идет в бой, отступать некуда, бармены — работы нет, в зале шаром покати — с интересом нас разглядывают.

— Скажи, пожалуйста, — спрашиваю, — ты правда думаешь, что на «Аквариуме» вчера было семьсот человек только потому, что мы афиши поклеили и день был — суббота? И журналисты, думаешь, пишут о том, что *нам* нужно, или о том все-таки, что им самим интересно?

Аргументация не работает. Артист со злости ударяет стаканом о барную стойку.

Мама, спасибо, что позволила мне бросить музыкальную школу. Тебе было бы стыдно видеть меня сейчас по другую сторону баррикад.

Самое обидное — группа-то хорошая.

Кирилл перезвонил, когда я в почте торговался с Дэвидом Брауном из-за новогодних перелетов Brazaville — практичный Браун смекнул, что с новым годом концертом напал в России на золотую жилу, и теперь пытается превратить перелеты из Барселоны в перелеты из Лос-Анджелеса. Торговля с соплеменниками — выматывающее предприятие.

Но Кирилл звонил уже раза четыре, постоянно в самый неподходящий момент, и просить перезвонить еще и в пятый я не мог. Понятия не имею, кто он такой. Говорит, что представляет в Москве группу Flëur — а вот это точно любопытно. Диск Flëur мне подсунула несколько лет назад путешественница Ксения. Высокие девичьи голоса чирикали про помешательство, суицид, расчлененку — с убийственной в прямом смысле нежностью. Выяснилось, что девушки из Одессы, девушек чуть ли не десять; я прорвался на московский концерт в прокуренном подвальном клубе: испуганные девушки с виолончелями, скрипками, нагромождением клавиш теснились на сцене друг к другу, директор взял мою визитку, обещал перезвонить и так и не ответил ни на одно письмо.

Теперь в эфире появился Кирилл, назвался груздем, мы забили дату, и я грешным делом поехал, представив, как в очередной раз бормочу Игорю: «Да соберут они, соберут», не находя для симпатичного артиста более убедительных аргументов. Игорь только рукой махнул

и расписание завизировал. Flëug купили двенадцать плакатных билетов до Москвы.

Я почувал неладное, когда за неделю до концерта, без особой рекламы, в кассе осталось сто билетов. За три дня до концерта билеты кончились — и странный человек у кассы шептал мне: «Вы не понимаете, билеты нужны для замминистра экономики Украины. Всего два, можно не суперВИП. Убедительно вас прошу».

Кассир Оля после хмыкнула и сказала: «Что с этим Flëug`ом такое? Видел бы ты, кто на них билеты покупает».

Теперь вижу.

Когда я помчался на встречу, у входа во вверенный клуб скучали два охранника, подтаявший сутроб и чья-то машина. Сейчас — что за флешмоб: улица перекрыта толпой, самые отчаянные водители гудят и медленно прорываются через людскую массу — как в Дели. Только коров не хватает.

Мы много раз видели, как стекаются к клубу ручейки одетых в черное молчаливых готов. Принимали романтических влюбленных студентов: бутылка красного, первый узкий галстук и последняя сумка Hello Kitty. Привечали клиентуру «Проекта ОГИ»: кошками пахнет совсем чуть-чуть, высокие лбы, на дужке очков — у кого лого Prada, у кого скотч. Были рады видеть завсегдатаев «Пропаганды» — капюшоны-кенгуру и яркие клубные майки, бар — в кольцо, концерт для них — что препати. Собирали барышень, держащих друг друга за руки, и мужчин, делающих вид, что никогда друг друга за руки не держали.

Мы никогда не видели их всех вместе. И они друг друга — тоже.

Звоню менеджеру Кате: если есть свободный охранник, меня попробуют провести внутрь. По-другому — нереально: очередь на полчаса, не меньше.

Охранник, к счастью, находится — стодвадцатикилограммовый Женя по прозвищу Малыш ловко выуживает меня из толпы.

— А вы говорите, не пройдем, — разводит он руками, когда мы оказываемся внутри.

— Женя, берегите беджик и костюм, — отзываюсь я благодарно о наболевшем.

Кирилл оказывается коренастым крепышом в строгом, длинном не по росту пальто, волосы собраны в конский хвост, в руках полиэтиленовый пакет. Прижался к каске, где забаррикадировалась и выключила свет испуганная Оля. В окошко стучит сразу десяток рук. Кирилл сияет. У Кирилла двое помощников — один кудрявый, с античным профилем, представляется Мандельштамом, другой, коротко стриженный, оказывается сыном знакомой из шведского посольства.

Нет большей радости промоутеру, чем смотреть, как кассу берут штурмом. Из-за забаррикадированной двери приходит СМС от кассира Оли: «Я под столом. Звоните, если что».

Через кухню пробиваемся в примерку. Здесь — ажиотажа как не бывало. Стройная строгая Лена (гитара и вокал повыше) укладывает волосы. Растрепанный воробей Ольга (клавиши и грудной вокал) хохочет — скрипачка Настя ей анекдот рассказала.

Девичник гудит: кто-то отравился пивом в поезде по дороге, вот оно, в плацкарте-то, — как некстати, еле до съемной квартиры на Китай-городе доехали. Мягкая одесская речь обескураживает — как же это они сейчас будут петь про изощренные убийства?

В сет-листе двадцать четыре песни.

— Мы часа на три, наверно, сегодня. — Ольга стягивает через голову пестрый вязаный свитер.

Серьезно.

— Мы там, — быстро-быстро лопочет у меня за спиной Кирилл, — разогревающую группу поставили, но они уже закончили.

Какую еще разогревающую группу? Первый раз слышу.

— Ну такой христианский рок, — Кирилл почуял неладное, звучит виновато. — Но они уже закончили.

Кто бы мог подумать, что в Москве есть христианский рок. Впрочем, кто бы мог подумать, что посетители концертов Current 93, BWO и Сургановой встретятся сегодня в одном зале. Христианский рок, о котором я никогда не узнаю больше этих двух слов, — наверно, в таком случае подойдет. В режиме «музыка нас связала».

Менеджер Катя звонит снизу — на улице еще максимум человек двести, зайдут быстро, через четверть часа можно начинать.

Мы немедленно договариваемся еще о двух концертах — в январе и марте. Будем вкладываться в рекламу, будем пробивать радиоротации, будем играть как большие, я все, что могу, для этих концертов сделаю — еще не видя концерта сегодняшнего, хочу подставить плечо. Это же выдающаяся чудесатая история. И потом, сочетание волшебных замогильных колокольчиков с пухлыми стопками дензнаков в кассе — универсальный рецепт счастья для всех, зажатых в этой примерке.

Я шепчу в микрофон: «Флёр-р-р-р» — и не слышу себя в разгоняющейся овации: Оля и Лена, в могильно-черном, ритуально ударяются головой о притолоку у сцены. Настя кладет скрипку на плечо.

Они попадают во все возможные капканы. Повторяют: «Какие вы классные!» По-детски вертят в руках мягкие игрушки из соседнего перехода, которые им только что подарили. Нетерпеливо переглядываются. Долго и нехотая настраиваются между песнями: дорогие майки и подобранные со вкусом очки скатываются по лестнице к выходу первыми. И решительно непонятно, откуда все эти любители Nightwish и КСП знают слова, на радио никогда не было ни одного эфира, но, похоже, он для этого хорового пения с залом и не требовался. После второго часа ряды редеют.

— Какие вы классные! — когда Оля поет, вычислить, откуда она, невозможно. Когда говорит — звучит Одесса, и неподготовленный зал, который видит группу впервые, переглядывается.

К песне 23-й или 24-й, я сбился со счета, сцену окружают человек сто, самые терпеливые. Пакет в руках Кирилла заметно округлился: по ходу концерта он встретился с Катей в офисе, изъяс причитающееся. Мне почему-то кажется, что доходы организатора концерта пойдут на развитие христианского рока.

Договариваемся, что к следующему концерту девушки сократят программу вдвое и перестанут разговаривать

с публикой. Запредельно странный концерт — для вас поют герои Жана Жене. Тибету бы понравилось.

Финский фестиваль родился так.

Нас с Наташей, задолго до того, как она стала хозяйкой «Думы», пригласили на прием во французское посольство. Прием был по случаю Дня взятия Бастилии, пригласили туда полгорода, то есть без официоза и галстука в тон костюму. Мы быстро дошли до нужного градуса, в превосходном настроении отправились продолжать в редакцию модного журнала, где Наташа в какой-то момент оказалась под креслом главного редактора и кокетливо лаяла оттуда на невозмутимых моих коллег.

— А представляешь, — сказала Наташа, до того как оказаться под креслом, — вот возимся мы от концерта к концерту — того распиарим, этого, тут получится, там опростоволосимся. (Как — вино кончилось? Ну виски так виски, только колой разбавь.) Представь, если взять сразу — и того, и этого, и тех сверху — и забабахать это все одним большим фестивалем на всю ночь! Так, чтобы люди всю ночь по клубу перемещались. И комнату для сна организовать: чтобы, если кто устал, было где отдохнуть, а потом продолжить, не уезжая домой.

Худенькая Наташа — закаленный практик, режиссер культмассовых мероприятий по диплому. Она тогда работала в самом большом в Москве клубе. А я жил в самой маленькой квартире в Хельсинки. В Москве бывал наездами: оттарабанить свои несколько тысяч знаков для журнала, заработать на поезд и самолет, вернуться в терапевтическую Финляндию и выпивать с друзьями-музыкантами. Возможно, если бы я жил в Венгрии или Греции, у нас бы случился фестиваль венгерский или греческий. Но случился — финский.

Наташа рисовала эмблему фестиваля — белую голову, в которую, согласно финским геральдическим цветам, ударяет синяя молния (голова впоследствии перекочевала в логотип Наташиного клуба «Дума» и материализовалась там же в виде солонок и перечниц). Я врывался с оператором

в заснеженную, завешанную внутри цветастыми индийскими шальями избу аккордеониста Киммо Похйонена: завленный хедлайнером аккордеонист некстати подвернул ногу и отделался видеоприветствием фестивалю.

Вместе с Наташей мы сварили майку-разговорник: список нужных фраз по-русски и по-фински:

— Я деятель культуры.

— Это выдающийся оленевод.

— Кто это там спит под столом?

Мы никогда до этого не делали сами, без взрослых, ни одного концерта. Поэтому поняли, во что впряглись, когда все уже кончилось.

Перед первым фестивалем я совершил роковую ошибку: протянул перепутанной насмерть проводнице групповой билет на 36 человек (ровно вагон) и сам вступил на борт поезда «Хельсинки — Москва» в компании с еще пока стоящими на ногах музыкантами. Акт мойсейства стоил мне дорого. В 19.12 на заснеженной станции Коувола в поезд не сел алкогольный хумппа-ансамбль *Eläkeläiset*. У меня внутри все оборвалось: один ногу подвернул, другие на поезд опоздали — сговорились они, что ли? В 19.13, когда поезд начал набирать ход, на дальнем конце перрона появились три фигуры, каждая размером с холодильник (иначе было бы их не заметить), я крикнул по-фински три слова: «*Eläkekäiset*, быстрее» — и третье, неприличное, кто-то дернул стоп-кран, холодильники добежали, строго представились в тамбуре: «Здравствуйте. Мы — *Eläkeläiset*» — и, не раздеваясь, проследовали в вагон-ресторан.

В четыре утра барабанщик Кристиан, сидя на верхней полке в соседнем купе, бил ногой в стену и под душераздирающий аккордеон пел: «*We're the world, we're the children*». В восемь утра гитарист *Flaming Sideburns* Скай упал с верхней полки и расшиб ногу. Я заказал к перрону инвалидную коляску. В восемь тридцать на перроне нас встретила худенькая Наташа, без инвалидной коляски, с парой почуявших наживу носильщиков — и с тихим «ой-ой-ой».

Мы кое-как вырезали из купе спящих алкотуристов, донесли до автобуса, довезли до клуба, вернулись на вокзал

за стопкой забытых паспортов и грязных маек, брезгливо протянутых нам проводницей, — и поняли, что пора начинать.

Переводчик на пресс-конференции путал все финские имена и фамилии, наш добрый ангел Кирси, советник по культуре, дива Аки Каурисмяки и Клава из Алма-Аты в его же фильме, сидела в президиуме с красным лицом — а я ничем не мог им помочь, потому что, умирая от стыда за официальную часть, таскал на сцену столы для Eläkeläiset. Больше, естественно, было некому.

Через пару дней скорая посоветовала мне не выходить из дому с давлением 220, а в целом — фестиваль у нас с Наташей удался, не то слово. Она со следующего года переключилась на свой собственный клуб, я вернулся из Финляндии, но с фестивалем не завязал. Так четыре года и загружаем вагоны поезда «Лев Толстой».

Дожили до фестиваля в собственном клубе.

На шесть групп не хватает гримерок: приходится выселять Женю Малыша из комнаты охраны: там будут жить музыканты с лейбла Fonal. Негромкие лесные песни Fonal'овцев — главный за последние годы финский экспортный продукт, инди в такой степени, что шустрое и расторопное национальное управление по музыкальному экспорту понятия не имеет, как этих людей зовут и где их искать. Имена у них птичьи — Kemiälliset Ystävät, Kiila да Islaja. Искать — в студенческом баре в Тампере, унылом финском Манчестере: беджей, бесплатных проходов, приглашений на фуршет этим людям в клетчатом не достается никогда.

Мы сдружились с идеологом лесников, главой Fonal Сами Санпяккиля на прошлом фестивале в Москве — и с тех пор нежно вспоминаем друг о друге, когда я вдруг обнаруживаю, что лого «Икры» и лого Fonal нарисованы одной и той же азбукой Брайля, или когда Сами в тамперском клубе играет вместе с нашим другом из Current 93, неистовым Саймоном Финном, и делится воспоминаниями о Москве.

Сегодня от Fonal — группа Risto. Ристо зовут фронтмена и автора, как две капли воды похожего на Гарри Поттера; он, со своим записанным на коленке альбомом «Солнце

Солнце Бла Бла Бла», оказался на первой строчке суомского чарта. Его бросает из фарцового панка в нежнейшие колыбельные про белочек — все на финском. Ристо жутко удивлен самим фактом заграничной гастроли.

Мой старый друг Хейкки из глухомани Ювяскюля — медбрат, несколько раз в году засовывает в DVD-проигрыватель караоке-диск, берет в руки микрофон и превращается в диджея Глухое Безрукое Мясо — по-фински это Кууро Кядетён Пайсти, звучит не менее аппетитно. Добродушный парень с лицом дровосека поет из финской эстрады восьмидесятых, где каждая «I Will Survive» и «Italiano vero» переведены в «Oon voimissain» и «Olen suomalainen»; он не всегда попадает в ноты, спокойно улыбается и твердо знает: ближайший финский стол запоем на второй песне, ближайший русский — не разбирая финских слов — на пятой-шестой.

Ловкие и техничные Poets of the Fall (сколько же у них с собой ящиков бэклайна!) — превосходная провокация: люди взрослые, за тридцать, толпу подростков обезоруживают в секунду — REM-образными страданиями, отменно сыгранной гитарной канонадой и такой спонтанной, рассчитанной до миллиметра улыбкой солиста Марко. Я гонялся за ними два года — пока они собирали на родине золотые и платиновые диски — и наконец победил. Они открывают фестиваль сразу после речи финского посла.

И Киммо Похйонен, человек-ирокез, однажды в тесном подвале «Китайского летчика» открывший мне глаза на аккордеон как орудие психической атаки, человек, познакомивший меня с Kronos Quartet, человек, в чей деревянный дом в Хельсинки я ворвался четыре года назад с оператором — снимать вывихнутую ногу, вешдок для фестиваля, — на этот раз добрался, сидит в оранжевом зале и ест винегрет под «Песню года-82» на плазменном экране.

— Фото для истории, — просит Олейников.

Спасибо, Коля, это кстати. Киммо подносит к моему рту ложку винегрета, я открываю рот, Олейников нажимает на кнопку: не прошло и года — и у меня есть первая фотография из собственного клуба.

— Фак ю, — говорит Киммо Олейникову. — Фак ю, как у вас хорошо, — это уже мне.

Чего бы это он.

— И тебе, Киммо, фак ю, — нахожусь с улыбкой.

Киммо смотрит на меня непонимающе.

— Я разобрала, я разобрала еще с утра, — шепчет на ухо стажер Даша, — он, когда хочет «thank you» сказать, у него это звучит как «fuck you».

Ну вот — а я за четыре года знакомства не разобрал. Вчера, когда мы, компьютер к компьютеру, заканчивали с Игорем очередную четырнадцатичасовую смену, Игорь, закрыв уставшие от экрана глаза, сказал:

— Вот мы тут сидим, бьемся как стахановцы — а нам ведь сейчас в зале надо быть. Общаться, выпивать, друзей встречать.

Я зарылся в контрактах, билетах для музыкантов и билетах для зрителей, пресс-релизах, райдерах — элементарно выпить в родном очаге алкоголизма некогда. Ну вот для этого мы с Наташей и придумали финский фестиваль.

Решительно наливаю себе водки-редбулла, говорю Киммо: «Kippis!» и отправляюсь с этим же номером по другим примеркам.

Одних только музыкантов в клубе — сорок человек. Ползут отовсюду — из примерок, туалетов, со сцены, — и неизбежная гостиница «Украина» еще не знает, что за хумппа ждет ее сегодня ночью. Я обязательно прихвачу из бара пару бутылок и поеду с ними выпивать, сниму пиджак, надену клетчатую рубашку и проснусь в чьем-нибудь номере на ковре. У меня полузабытый рефлекс, оставшийся в наследство от Хельсинки, — с финнами можно выпивать, не рассчитывая вернуться потом в офис, диалог про сложности ипотеки им непонятен, доходы и расходы они считают в уме куда как реже, чем мои московские друзья. Это моя персональная Финляндия: поет, как тогда, в первый раз, всем вагоном-рестораном финский гимн, не интересуется размером гонорара, но — компанией попутчиков, просыпается поутру со словами: «Что это за страна? Какая здесь валюта?» — и возвращается в свою тесную домашнюю студию, чтобы не отвечать на письма и выходить из

дома только в соседний, самый дешевый супермаркет — до следующего альбома.

Я разучился, а может быть, и не умел никогда так жить. Судя по чинной полтысячной очереди в клуб, в обход которой Женя Малыш ловко проводит финского посла, я не один скучаю по этой жизни. А может, и не было здесь этой жизни никогда. Посол сияет. Вероятно, его московские друзья тоже все время в уме складывают, вычитают и умножают — на ново-пассит. Как, должно быть, замечательно быть послом Твин Пикса в этом провинциальном Нью-Йорке. Про «Твин Пикс» — это наш старый с Наташей рекламный текст к фестивалю, позаимствованный из фильма: «Финны не то, чем они кажутся».

Посол Харри Густавович выходит на сцену и говорит: «Финны не то, чем они кажутся. Мы, финны, — гораздо лучше!» Срывает аплодисменты, разворачивается довольный, обходит батарею бутылок с пивом и отправляется на ВИП слушать Poets of the Fall. Ожидающий своего выхода караоке-диджей Хейкки почтительно здоровается с послом за руку (к чему условности?). Ну и как их всех после этого не любить?

Корабль из Гонконга в Макао качало битый час, потом я пятнадцать минут препирался с пограничником, прежде чем он нашел свободное место в паспорте, чтобы вклеить визу — штампик на португальском и китайском. В довершение всего я зачем-то решил прогуляться по бесприютному китайскому Лас-Вегасу до гостиницы пешком и, сонный и уставший, добравшись до своего самозванного «пятизвездника» с пыльными окнами, включил первый канал португальского телевидения и рухнул на кровать.

Первое СМС я зачем-то прочел сразу: «Он не прилетел. Еду из аэропорта».

Сон как рукой сняло. Может, оно и к лучшему, что не прилетел. Артист, на мой вкус, — так себе, второй эшелон лейбла Warp, перед моим отъездом билетов на него было продано — кот наплакал, и раз уж рано или поздно должна сорваться вечеринка, то лучше пусть эта.

Отправляю СМС агенту. Отправляю СМС артисту. Считаю потраченное и недополученное — дрянной же из меня отпускник. Португальское телевидение транслирует конкурс фадос — и это «вечное эхо друг друга» в китайской гостинице, где нет даже мини-бара, медленно, но верно делает свое дело: на десятом СМС засыпаю поперек кровати с телефоном в руках.

Всю ночь мне снится, что я бегу по огромному аэропорту, больше немаленького Чек Лап Кока, опаздываю на рейс и, самое обидное, так и не понимаю, успеваю на него или нет, чтобы можно было успокоиться.

СМС из клуба настигает меня за завтраком. Продажа билетов на Крес прекращена — sold-out в два конца. Новости поприятнее вчерашнего. Эдгар, бритый наголо крепыш с теплой южной улыбкой, появился в телефонной трубке из ниоткуда, смело схватил единственный в расписании свободный день (никчемный вторник), и — ловкость рук, никакого мошенничества — все билеты проданы.

В хип-хопе я откровенно плаваю, не моя история — если не считать того, что в нашем расписании живет орденоносная «Каста» и чередуются «Кровосток» с «Качем», но и последние — из другой все же оперы, театр у микрофона. Про питерский Крес, тонко устроенный продукт брутальной наружности, я писал когда-то давно — а пригласить не догадался бы. За меня это сделал Эдгар, обведя дату в ежегоднике жирным кружком и немедленно, не дожидаясь окончания переговоров, достав из кармана спортивных штанов телефон. Сколько в городе таких эдгаров и таких преданных коммьюнити — пока мы с ними находим друг друга, пока не стесняемся передать бразды правления, расписавшись в собственном нихт-ферштейн, клуб будет жить.

Выхожу из отеля, разглядываю невесть как сюда затесавшиеся витые балкончики, черепичные крыши, остовы церквей, двуязычные таблички на португальском и китайском. Вчера настроение было отвратительное, сегодня — отличное. Как бы наконец сделать так, чтобы оно не зависело от клуба «Икра» в двенадцати часах лета отсюда.

Что Новый год — дело странное, Катя меня предупредила. Не ночные танцы после двух, когда граждане наедятся оливье и поедут гулять по клубам, а все, что будет до. Логично: если ты остался в городе, что может сподвигнуть на побег от семейного стола? Его отсутствие? Конфликт поколений? Нечеловеческая любовь к клубу «Икра»?

— Будут люди, которых мы не видели до и не увидим после, — загадочно изрекла менеджер Катя. — Одинокие женщины. Командировочные.

Мечта всей жизни — встретить Новый год с командировочными и одинокими женщинами. «Ирония судьбы» на дому. Судя по ценам, которые Катя играючи зашила в стоимость ужина, хорошо живут командировочные и одинокие женщины.

Сию в примерке, дискутирую со свиньями.

Трогать только никого не надо, — прошу. — Я вот терпеть не могу, когда меня за рукав тянут или по спине хлопают. Ну и вы же не первый раз: если сидят двое — друг на друга не налюбуются, не надо их атаковать.

Свиньи понимающе кивают. Украшенные пяточками студенты ГИТИСа, без которых не обходится, кажется, ни одна корпоративная вечеринка в Москве, предложили два сценария: «Три сестры» и «свинский» новый год. Что «Трех сестер» в этом клубе кто-то, кроме Игоря с Олейниковым, читал, я не уверен — «Сестры» попали под запрет сразу. Со свиньями пришлось смириться: год Свиньи, и времени переписывать сценарий нет. Договорились строго-настро-го, что никаких конкурсов не будет и на сцену (там у нас Brazzaville) свиньи ни ногой.

Студенты понимающе, чуть обиженно кивают: не первый день замужем, корпоратив — через день, и не из Иркутского же театрального. Так это у вас корпоратив, а нам надо и огромный пустой клуб оживить, и в «елочка, гори!» не скатиться. И не хочу я совсем корпоратива.

Свинья Аня первой выбегает из примерки, бросается ко входу и обнимает перепуганную учительницу в нарядном платье:

— Женщина, у вас нет помады? У меня колготки порвались! А тут Новый год!

Свинья Дима протягивает руку озадаченному усачу при галстук:

— Геннадий! Оч-чень приятно!

Свиньи были правы, и Катя была права: на Новый год приходят *другие* люди. Не те обладательницы тигровых кофточек и поддельного DG, которых заворачивает наш человеколюбивый фейсконтроль. Не те ночные жители, что с порога тихо и решительно спрашивают: «Хельга играет? Анрилов? ОК, тогда идем». Не те меломаны с именем артиста в глазах, будто набранным бегущей строкой, — кроме концерта, им ничего здесь не нужно. Пришли взрослые, 30+, прилично одетые, чуть стеснительные — в клубы они, сразу видно, не ходят. Вот на Новый год можно учудить. По этой же логике я прыгаю с моста или езжу на сафари — не входят прыжки с моста в круг моих любимых дел, но раз занесло в Новую Зеландию, туристу любое чудачество простительно. Новый год в клубе — туристическое мероприятие.

Даже Дэвид Браун, что объездил всю страну с легкой руки критика Семеляка, пропевшего ему не одну живительную оду, — тенью бродит за мной по клубу и интересуется:

— А что вы будете делать, когда наступит Новый год?

Браун не пьет, не пью и я — но мне присматривать за свиньями, духовым оркестром и безбожно опаздывающими диджеями. А ему просто скучно. Свиньям, похоже, тоже — они пытаются в обнимку замотаться в ковер на полу. Учительницы за столиком у окна в ужасе.

С другой стороны к учительскому столику подкрадывается духовой оркестр и вжаривает «Jingle Bells». От неожиданности вилки падают на стол.

— Гриша! — кричит в ухо менеджер Катя, — давай мы уберем свиней и включим Путина. На свиней гости жалуются. А Путин сейчас начнет.

Вытаскиваю Brazzaville из гримерки: вечно расслабленный калифорнийско-испанский оркестрик покорно хватает по бокалу «хенкеля» и таращится на большую говорящую голову президента. Под бой курантов бармены (им тоже пить нельзя) взрывают с десяток хлопушек

каждый. Brazzaville, не дожидаясь пожарной сигнализации, перемещается на сцену.

И бывший саксофонист Бека поет учительницам про звезду по имени Солнце, про маму, с которой не ладил и которая теперь там, высоко, и учительницы довольны: песня известная, и не споет ли еще чего из Гребенщикова теперь. А критик Семеляк сидит на сабвуфере у сцены, закрыв глаза, качает головой в такт. Учительницы с Семеляка глаз не сводят. Колоритный мужчина, даром что без усов.

Давайте-ка я буду считать, что Новый год мы пока еще не встретили. Подожду, пока друзья из дома подтянутся. А то ведь как встретишь — так потом целый год жить.

Снега на Новый год нет совсем, в первый раз в Москве. Шпарит низко посаженное солнце, яркий свет пересекает Тверскую с юга на север, жжет доспехи Долгорукого. Брауна с Семеляком я нахожу в жутковатом шалмане на Новом Арбате.

Грегори, — сипит Браун. — Я потерял голос. Мне нужен укол кортизона.

Чудесные новости. Концерт через четыре часа. Пока я соображаю, у кого 1 января можно достать кортизон (на аптеку надежды нет), подруга Семеляка дозванивается певице Butch. Певица обещает перезвонить, действительно через двадцать минут сообщает, что кортизон на сегодня недоступен, но есть прекрасный план «В» — оливковое масло. Надо набрать в шприц, без иголки, и стрелять на заднюю стенку горла.

Брауну такой перевод не нравится.

Обитатели моей телефонной книжки не могут помочь или не откликаются — все видят седьмой сон после праздника. Едем за маслом, почему-то в Елисеевский, оказываемся у меня на кухне, где, как водится, ни молока, ни сахара к кофе. Браун получает свою первую дозу масла и мрачно замечает, вертя в руках шприц: «Что-то мне это напоминает». Он сидел на игле в прошлой жизни, до Барселоны, до своей шумной интернациональной семьи, до

того, как Семеляку вздумалось разразиться текстом-мантрой, без коей эти вальяжные элегии никогда не заставили бы москвичей строиться в очередь на группу Brazzaville.

Браун тихонько хрипит и тщетно пытается настроить просмотрик на моем пыльном ноутбуке — в Стамбуле на переправе сняли клип любительской камерой, клип получился, только никто из нас не может найти на Мас'е приложение, в котором его можно было бы посмотреть.

Барабанщик Иван героически глотает черный кофе. Менеджер Катя звонит из клуба: сто свечей для сцены купили. Браун будет что новогодняя елка — сегодня играет один, в акустике, окруженный свечами.

— Ты не против, — спрашивает, — я Мишу, вашего тур-менеджера, за бонги посажу?

Миша — расторопный, дружелюбный парень, звезда клуба, после того как умудрился погрузить и отправить по домам вагон нетрезвых финских деятелей искусств. Конечно, я не против.

Иван роется в приложениях компьютера — Мас победно кричит чайным криком. Клип и правда простейший: переправа через Босфор и одинокая турецкая красавица на берегу. Босфор для Дэвида Брауна — еще одна, помимо России, стратегическая точка. Как он умеет оказаться в нужное время в нужном месте, почему из вороха русских пластинок, которые увозит домой в Барселону, он выхватывает для кавер-версии беспроектную «Звезду по имени Солнце», какая сила заносит его на Арбат к пыльной стене Цоя, почему его ковбойское фото на фоне позабытой стены (девочка мимо шла, он ее и попросил на спуск нажать) разбирают глянцево-журнальные — вокруг Брауна одни вопросы. Он невероятный crowdpuller — в этой стране, и только в ней, не считая, конечно, Босфора. Он ничем не лучше и не хуже наших друзей Melomane, которые пили на этой же кухне в прошлом году после роскошного концерта в полупустом зале. Но Браун умеет дружить, умеет искать пользы и быть полезным; и свой первый почтовый ящик на gmail я открыл, получив приглашение именно от него. И, не могу не заметить под влиянием вчерашней вечеринки с учительницами, что лукавая полоска усов придает ему убедительный, кавказский какой-то шарм.

Тур-менеджер Миша, приезжает окрыленный новостями: сыграть с Брауном — это не в гостиницу его отвезти. Грузимся в автобус. Неодолимо разит ароматизированными свечами.

— Это что-то для связок? — смеется Браун. Кухонные посиделки привели его в хорошее расположение духа. Волшебным образом он перестал хрипеть — неужели оливковое масло?

Едем в тишине по пустынной Тверской, чистота и спокойствие — не московские. Миша озабоченно поглаживает футляр с бонгами. Браун вдруг сообщает с заднего сидения:

— У меня концерт в Екатеринбурге через месяц — полетим через Москву. Давай-ка мы у вас еще раз сыграем. Гонорар можем раза в два поменьше сделать. Только, будь друг, цены на билеты опусти — чтобы все, кто хочет, могли прийти.

Первый день нового года — вот так бы год и прожить.

Секретари — умницы, давно и качественно держат оборону. Молодые таланты опасны для психики арт-директора. Не соединять никогда, просить демо с обратными координатами, вежливо подсказывать адрес — это только звучит просто. Сколько клоунов, стриптизерш, героев телешоу «Минута славы» прорезались у меня в эфире, пока девочки учились принимать удар, — не сосчитать. Демо я при этом честно слушаю — все, к неудовольствию родственников и гостей. Промогруппам секретари по моей просьбе вежливо отказывают сами. «Промогруппа» — синоним детской подростковой банды, безвинное наивное мошенничество: организуем любую вечеринку, с любыми диджеями, народу приведем — о-го-го. Я не Станиславский, но я не верю — в чем честно и без дипломатии расписываюсь. Хотя если они рвут телефон каждый день, значит, в городе достаточно наивных пустующих площадок.

Первая ласточка в новом году — смогли как-то обмануть секретаря, молодцы:

— Мы промогруппа, хотим у вас организовать серию вечеринок.

— Два вопроса сразу: какая стилистика и расценки на аренду вам известны?

— А только аренда? — вопрос о стилистике отходит на второй план.

— Ну, если у вас достаточно смелый проект, чтобы предлагать себя большому клубу с репутацией, — вам и в коммерческом успехе можно не сомневаться. А это значит — работа на аренде нам с вами больше подойдет. Если, конечно, вы меня убедите, что по стилистике нам ваша история интересна.

Минута-другая — сдуются, и я вернусь к своим сорока семи неп прочитанным.

Секретарь стучит в дверь:

— Извини, вторая линия. У тебя друг погиб.

Сейчас возьму.

Кто?

Продолжаю бубнить, долго, нудно, автоматически:

— Аренда за полтора месяца. С R'n'B не работаем. Все зависит от списка диджеев. Скидок не будет. Пожалуйста, перезванивайте, когда надумаете.

Кто. Кто. Кто.

— Я сестра Алекса, бесцветным голосом говорит трубка. — Мы к вам в клуб вместе приходили. Помнишь?

Господи, с нашей телефонной обороной — ей пришлось все это повторять секретарю. Кретинские правила.

В клуб приходят старые друзья, давно потерянные одноклассники, двоюродные братья, перед которыми неловко, что молчим годами. Клуб заставляет найтись, всплыть на поверхность, оторвать задницу от качающегося начальственного стула, взять кофе, усесться с ногами на диван у окна и болтать о глупостях, как будто виделись в последний раз вчера, а не семь лет назад. Для этого он, пожалуй, и существует — тебя всегда здесь найдут. И это одомашненное «connecting people» распространяется не только на живых.

Начинаю обзванивать друзей. В этом доме было слишком много радостей, о которых мы узнавали первыми. Первыми и здесь.

Секретарь снова стучит в дверь:

— Ни с кем не соединять?

— Как обычно. По правилам.

Умка позвонила сама, сказала:

— Привет, я Умка. А почему мы у вас до сих пор не играем?

Последний ее концерт я видел лет восемь назад в зале эмгэушного общежития, когда среди модных, отпечатанных на цветном принтере объявлений ДК МГУ «Максим Галкин! “Несчастный случай”! Новогодняя дискотека!» затесался мятый, обведенный фломастером листок: «Умка и броневилок». За концерт хотели какие-то смешные деньги, рублей пятьдесят, в зале-столовой собралось человек двести, по большей части длинноволосых, в клетчатых рубашках и линялых свитерах, как по объявлению «покупаем волосы». Длинноволосая же девица лупила где-то вдалеке по расстроенной гитаре, ритм-секция ухала не в лад, невпопад — заметно, даже несмотря на ужасную акустику цокольного этажа. Я был слишком зелен, чтобы помнить что-либо подобное, — символом рок-н-рольного олдскула остался для меня клуб «Не бей копытом» в Измайлово — поэтому впечатлился. Новогодняя дискотека и Максим Галкин по приглашениям студсовета девице за пятьдесят рублей явно проигрывали.

Несколько лет спустя я выяснил, что девица — мама взрослого сына, специалист по поэзии обэриутов, объездившая страну не хуже, чем друзья-телевизионщики. Почему мы действительно до сих пор с Аней не связались? Вспоминаю концерт в общаге: ах да, у меня с ее аудиторией одна-единственная проблема — от них порой пахнет кошками. А я собак люблю.

— Двадцать шестого подойдет? — спрашиваю.

— Двадцать шестого... — задумчиво листает книжку на том конце провода Аня. — А нельзя пораньше? У меня там Литва первого.

— Аня, у нас пораньше ремонт перед днем рождения клуба, и, простите, сколько дней до Литвы лететь?

— Зачем же до нее лететь? — удивляется Умка. — Мы на поезде, плацкартом. Хотя, если пораньше начать, может и успеем.

— Забываем дату?

— Погодите, а вот в списке гостей у нас будет человек сто — это ничего?

— Ань, извините, но пятьдесят максимум и только из уважения к вам — что это за поклонники, которым стыдно артисту за билет заплатить! Забиваем дату?

— Погодите-погодите, вы мне еще про цены на билеты расскажите.

— Можем триста пятьдесят рублей сделать, можем триста. Вы ведь со входа зарабатываете, главное, чтобы это для вас благотворительностью не было.

— Три-ста! — охает Умка. — Сумасшедшая цифра, наши столько не потянут. А двести никак нельзя?

Немая сцена.

— Ну хорошо, — чувствует Аня неловкость ситуации. — Мы список сделаем на пятьдесят, а лучше шестьдесят пять человек, а еще пятьдесят можно со скидкой по флаеру — я нарисую такие красивые флаера, по ним будет скидка идти, угу?

— Ой-ой-ой, слушайте, я не враг всему живому, но мы же так с вами в трубу вылетим всем веселым коллективом.

— А что это нам бы в трубу вылетать? Сколько лет играем — никакой трубы, — Аня искренне удивлена. — И потом, я афиши нарисую, я, знаете, календари наловчилась рисовать в последнее время, а афишу-то совсем просто, девчонки на ксероксе размножат, мы поклеим, народу придет!

Даже я говорю «отксерить». А филолог Умка — нет. Не могу не пойти навстречу.

— Аня, давайте на мировую: в списке семьдесят человек, никаких флаеров, билеты по триста рублей.

— О'кей, — довольно вздыхает Умка. — Восемьдесят человек в списке, триста рублей билеты, в зале не курить, я тогда петь не смогу, — и просьба последняя: а можно нам с другом справки оформить для посольства, что мы у вас работаем?

Радостно вздыхаю. Это самое простое и приятное. Если верить шаблону справки под грифом нашего ООО «Рога и копыта», промоутер Юденич трудится у нас директором, моя приятельница Таня — промоутером, а волшебный

диджей Би-Войс — не только самый главный-преглавный резидент, но и «представляет несомненный интерес для укрепления культурных связей между Россией и Колумбией», — потому как без этой добавки колумбийское посольство Би-Войсу не верило.

Бесплатная лапша на уши вымогателям от дипломатии — наше фирменное блюдо.

— Вам зарплату в тысячу долларов положить или лучше в две? — интересуюсь я.

— Кладите-кладите, — беззаботно соглашается Аня. — Ну вот, на двадцать шестое, значит, мы договорились. А за справкой я завтра заеду.

И почему я ей до сих пор не позвонил?

Олейников улетел в Индию, и судьба дня рождения клуба оказалась в Настиных руках. С артистом, бухгалтерным ансамблем Electric Six, километровым списком дружественных телефонов — мы справимся и сами, но что делать с подарками? Бюджета, как обычно, нет, времени — и подавно. Настя, флегматичная, уверенная в себе добрая фея Universal, успевает трудиться на семи фронтах: индустриальные пластинки на собственном лейбле выпускает, синти-поп-концерты рекламирует и — не мое дело, конечно, — надеюсь, неплохо на этих фронтах зарабатывает. Мы для нее — восьмой фронт.

На первом собрании в кальянном дыму под Соil и Хич-кока в трансляции Ильи Рихтера Настя достала аккуратную книжечку, записала в ней: «Подарки», поставила жирный знак вопроса, обвела в кружок, заявила, что не мастер экспромта и едет домой. Подумает — напишет. Решительно не похоже на наши с Олейниковым размахивания руками. Игорь заволновался.

Через день Настя вернулась, заказала карбонару, достала из сумки ту же книжечку и две аккуратные деревянные ложки. Ударила ложками друг о друга и сказала:

— Ложки вологодские. «Икра» пишется вот здесь на черенке. Адрес сайта www.nobullshit.ru — с другой стороны. Расписывают две пожилые женщины под Вологдой.

Английскому не обучены, предлагаю «ноубуллшит» по-русски писать. Подвоха не заподозрят — и выглядит народно.

Я метнулся к завскладом Нине Андреевне в офис: у нас с ней первый деловой контакт за полтора года. Нина Андреевна знает, где купить машину кабачковой икры. Завскладом прониклась поручением, и через день мы с Настей — металлическими пока ложками — дегустировали содержимое пяти банок.

Интересно, есть ли кабачковая икра у нас в «Елисейском»?

Выбор подарков — ритуальный кошмар маркетинг-деятели. Шарфики-шапочки? Алкоголь? Импотенция воображения — сумка, ручка, зажигалка и фирменный компакт-диск? Музыкальный критик модного журнала как-то взвыл на моих глазах, увидев 3 января на рабочем столе грудку празднично упакованных компакт-дисков. (Приезжаешь на пляж — а там станки, станки!) А банке с кабачковой икрой будет рад каждый, кто бы сомневался.

Восемь часов до сбора гостей. Настя — с корабля на бал — везет с вокзала мешок вологодских ложек. Она — в строгом черном платье, я — при новом галстуке из Century 21, на скорость распечатываем банки с икрой и клеим на них фирменные стикеры. Стараемся не испачкаться в жиже из разбитых банок. Нина Андреевна, в золотистой длинной кофте и с пером на груди, подкрадывается с ложкой, жует вдумчиво и говорит:

— Моркошки переклали.

Она добрейшая женщина, и как я мог возмущаться такому соседству в офисе. Нина Андреевна первой бросается к аптечке, когда раз в месяц мы вызываем дежурную скорую для свалившегося от усталости коллеги. Первой зовет меня есть виноград, который электрик Рахим привез с родины, из Узбекистана — или-кто-его-знает-где-у-него-там-родина.

Стикер — на банку, банку и ложку — в пакет. На пакете мы с Настей тиснули: «Да, я несу полкило икры». Нет ничего приятнее такой работы — в эту минуту мы самые высококвалифицированные фасовщики в городе. Груда банок растет, закрывая нас с Настей от Нины Андреевны,

от компьютера с пятьюдесятью непрочитанными, от настенного календаря, на котором слово «срочно» написано в каждом втором квадрате. Нет занятия лучше!

Из-за верхнего ряда банок с икрой высовывается бородастая загорелая голова.

— Класс! — здоровается вернувшийся с Гоа Олейников. Он впечатлен. Вполне гоанская получилась инсталляция.

Ко дню рождения невидимый владелец из телефонной трубки любезно позволил докупить звука в большой зал и перестелить ужасный пол из линолеума.

Хомяк, призванный из Берлина на редизайн, сказал, что крепко занят, не знает, сможет ли выбраться, попросил день на покупку люстр и велел купить ему билет на послезавтра.

Ну и вот опять четыре часа до открытия.

Почему, скажите мне, при наличии высокооплачиваемого берлинского дизайнера, пресс-атташе (художника с персональными выставками), менеджеров, переживших полдюжины клубов, вопрос, как оформить двери мужского и женского туалетов, интересует только меня? Я что, писаю больше всех? Я дольше всех стоял в недоумении между дверьми «Női» и «Férfi» в Будапеште? Сменилось три поколения уборщиц, которых я — безрезультатно — призывал не сидеть в женском туалете в ожидании работы. Может, девочкам веселее писать в коллективе, когда Раиса Сергеевна сидит в соседней кабинке со шваброй и разгадывает кроссворд? Сомневаюсь.

Мы прожили без опознавательных знаков год — дальше невозможно. До юбилея два часа.

— Оля, — говорю кассиру, — вот тебе двести рублей. У входа в подземный переход стоит бабушка. Торгует бельем. У нее надо купить трусы семейные и лифчик. Желательно цвета подурнее. Красное — в самый раз.

Стриженная под мальчика Оля напряглась.

— Я, — говорит, — к таким вещам даже не притрагиваюсь. Извините, без меня.

Понимаю, феминисткам различать мужской и женский туалеты — вот тоже глупости.

За лифчиком и трусами убегает в итоге Олейников. Лифчик размера пятого по моей оценке — перебор. Легче и быстрее отдерут на пьяной вечеринке. Между чашечками — намек на стразы из какой-то фольги. Трусы — в слониках, вполне себе уютной наружности. Олейников — настоящий художник: правдив. По моим представлениям, именно так выглядит народонаселение в минуты интимной близости.

— У! — говорит Хомяк, наблюдая, как Рахим приколачивает трофеи к дверям. — Ого!

Хомяк опять воевал всю ночь с таджиками — оклеивал мехом километры кирпичных стен. Остались одни междометия: знакомо, проходили.

Лифчик оторвали в тот же день, на праздновании. Трусы — на следующий. Прошло 48 часов. Управляющий Андрей Геннадьевич, мужчина с ленинской бородкой, часами сидящий на сайтах знакомств, вошел в положение и принес свои. Красные. Стиранные — всего-то пару-тройку раз. Ну почему худсовет по трусам — это тоже я?!

Надо было, что ли, надраться, выпить надо было и уснуть на ВИПе, пока Electric Six пыхали огнем, а деятели модного журнала (разнесшего в анонсе немодных Electric Six по полной программе), обнявшись, танцевали перед сценой. Кто-то с кем-то выпивал, кто-то ржал, сидя на барной стойке, владелец, редкий гость, довольно дефилировал по своим владениям, банки с кабачковой икрой бились на улице о мартовский гололед, а я носился от друзей к компьютеру, разруливая перелет попавшего впросак с авиабилетами Шона Леннона. Приятно было бы ничего не помнить с бодуна. А так — бодуна ни в одном глазу, ни у меня, ни у дорогого гостя Нико, специально прилетевшего на юбилей из Германии. Так, двое трезвых зануд, домой и разъехались.

Средняя школа подводит итоги: дети, чему мы научились за год? Ничему.

«Лучший клуб» — персональный заговор Игоря. Он повторяет эти слова каждый раз, когда хочет кого-нибудь похвалить или попрекнуть. «Действительно, лучший клуб!» «И это лучший клуб?!» Вырезки из журналов, отметивших наши заслуги за прошлый год, Игорь велел Олейникову обрамить и повесить на стене в офисе. Теперь, вставая из-за компьютера, мы регулярно ударяемся о рамы головой.

Михаил Друян звонит незадолго до полуночи. Я бессовестно мешаю семнадцатилетний виски с колой: народная группа Thåström не сочетается с благородными напитками. С Друяном мы впервые столкнулись, когда я распутивал мышей на антресолях ветхого ДК, запечатленного режиссером Рязановым в кинофильме «Старые клячи», — там сидел жутко прогрессивный лейбл «Снегири». Друян приехал из Красноярска, на нем была какая-то шапка мохнатая, а в груди пылал задор первооткрывателя, поэтому весь наш высокохудожественный неликвид — Netslov, «Нож для Frau Müller», Ансамбль электроинструментов Мещерина — заграбастал с радостью и обещал осветить в бескрайнем красноярском эфире. Через пару лет, не утратив пылкости и дружелюбия, он оказался в оргкомитете премии Night Life Awards, стал посещать редколлегии модного журнала и вершить судьбы столичных культуртрегеров. С тех пор как я забаррикадировался в «Икре», мы с ним не встречались.

— Дорогой вы мой! — басит Друян после многолетнего перерыва.

Под страшным секретом сообщает — в этом году премию вручат, а может быть, вручат — нам. Лучший музыкальный клуб. Платить ни за что не нужно, о чем речь (да нам все равно нечем было бы платить).

— Единственное, с вас хорошо бы получить западного артиста на одну песню, — первая просьба прорывается сквозь череду сложноподчиненных придаточных: ого, это мы уже пятнадцать минут комплиментами меняемся.

— Хорошо, что-то еще нужно будет? — наверно, позови нашего друга Сиду на вручение премии «Овация», он был бы так же недоверчив.

— Ничего не надо больше — прийти и артиста привести, дорогой вы мой!

Звоню Игорю — начало первого ночи, виски кончился. Слышу, он сияет. Игорь — холерик, работоголик, одиночка; я, признаться, не всегда понимаю, как мы удерживаемся в тандеме. Если для меня все это произошло случайно: осточертел офис, подвернулась возможность, — то Игорь к этому клубу шел не год и не два, копать начал задолго до того, как его Горбушка превратилась в апокриф, и вот результат. Абсолютно справедливо, что это его результат, а не клуба при разработчике полезных ископаемых — с дорогими звездами, пустыми залами и миллионными бюджетами на рекламу. И мой результат за компанию, чего уж там.

— Напиши-ка ты Йохансону, может, подставит плечо — советует Игорь.

Год назад вряд ли кто-то мог представить, что богемный Йейе будет летать в Москву как к себе домой.

Возможно, поэтому Друян нас и заметил.

Йохансон молчит уже минут сорок — из тех двух часов, что мы сидим за столом в ангаре картинг-центра. Я сунул ему для трехмесячного сына деревянную ложку «ноубул-лшит.ру», он поинтересовался, как мы пережили день рождения и стоит ли по-прежнему его любимое Vogue Café, потом посетовали на кризис мировой индустрии, перемыли кости дружественным шведским агентам — и почувствовали себя заложниками: нам с вами тут еще долго сидеть. Игорь предусмотрительно сказал, что подъедет к вручению. А мы слушаем Бориса Моисеева и шутки ведущих на всем понятном русском языке.

На выходе Моисеева Йохансон тихо присвистнул и замолчал. Нет, не антрополог Йейе. Не к добру. Я хватаю в охапку тур-менеджера Мишу и прошу развлечь гостя. Миша вздыхает: они с утра друг друга развлекают, а Йохансону нечеловечески скучно в этом пустом грохочущем ангаре. Мы понятия не имеем, когда наш выход.

Игорь и Олейников курсируют вокруг стола с мрачным гостем из нашего дальнего угла еще и слышно

немного: кого там сейчас на сцену зовут, не разобрать. Сценария никто из нас не читал. Наконец, не прошло и года, Мише звонит кто-то из оргкомитета — пятиминутная готовность, и он, обнявшись с Йохансоном, мгновенно исчезает, не успеваю я спросить у него, где выход на сцену.

Ты знаешь, где выход на сцену? — читает мои мысли Игорь.

Я здесь за Моисея, но понятия не имею, где выход на сцену. Минут-то пять у нас есть точно, найдем.

— Приз лучшему музыкальному клубу вручают Джей-Джей Йохансон и Андрей Бартенев, — несется со сцены в ту же секунду. Я не вижу, как открывают конверт, и конверт ли это вообще, и на сцене ли они уже или у нас есть еще секунд сорок, — мы, стараясь не сбиваться на бег, пулей срываемся с места и начинаем обходить бесконечный зал: напрямую не пройти.

Одна лестница, другая, тупик, «Лучший музыкальный клуб — “Икра”!», опять тупик, «На сцену!», аплодисменты, дверь в туалет, на лестнице ни души, возвращаемся на исходную, «Клуб “Икра” — добро пожаловать!», черт побери, могли бы и предупредить, здесь тоже тупик, «Клуб “Икра”, летит дорого-о-ое эфирное время!», это не ангар, это лабиринт какой-то, придушить просто, кто-то машет нам рукой в обратную сторону, мы сбиваемся-таки на бег, а пауза не может быть вечной: «Для вас поет Джей-Джей Йохансон».

Пропустили время.

Квест из ночного кошмара, саундтреком — друг Йейе. Ко второму припеву мы ныряем в незаметную дверь в стене и оказываемся-таки за сценой. Полминуты на то, чтобы отдышаться. Бартенев успокаивающе хлопает Олейникова по плечу, выводит наш табор на сцену и вдруг говорит:

— А вот это очень хороший художник. Работает в клубе «Икра». Клуб «Икра» нашелся!

Мы с Игорем вдвоем потрясаем золоченой доской, на которой все ходы записаны: «Лучший музыкальный клуб года», и, вздохнув, спускаемся со сцены. Лестница в ангаре трясется точно так же, как в лучшем музыкальном клубе.

У Йейе на лице — печать усталости, как после трех-часового концерта.

До диджей-сета в «Икре» — два часа. Миша везет нас в клуб. У входа очередь: Йохансон же. Я первым выхожу из машины, поднимаю над головой позолоченный трофей и гордо протискиваюсь через толпу. Никто ведь не видел, как мы бегали между туалетами и запасным выходом.

Миша перед отъездом в аэропорт жирно-жирно накатал на листе: «Sean Lennon», чтобы тринадцать музыкантов с грудой бэклайна быстро нашли его в зоне прилета. За оформлением приветственного листа Мишу застукал Игорь, пожурил со смешком:

— Ты бы еще написал: «Сын Джона Леннона и Йоко Оно» — чтобы лишнего внимания в толпе не привлекать.

Миша согласно улыбнулся, смял и выкинул лист в корзину, взял с олейниковского стола новый и написал маркером просто: Paul. Полон зовут тур-менеджера.

— Э! — входя с новой чашкой кофе, схватился за лист Олейников.

На оборотной стороне листа мы не заметили списка телекамер, встречающих артиста в аэропорту. ОРТ, РТР, НТВ, ТВЦ, MTV — выглядит, будто Коля решил вспомнить все телекомпании, существующие в Москве. Артист по фамилии Леннон — мечта пресс-атташе, журналисты сами строятся в очередь и согласны на любые условия, лишь бы доступ к телу получить. Артист по фамилии Леннон — кошмар пресс-атташе: не родился еще тот безумный битломан, который не позвонил бы Олейникову, чтобы попросить об интервью с сыном Джона для неизвестного музыкального сайта. Интеллигентнейший Сева Гаккель, организатор питерского концерта, говорит, что запланировал ланч в клубе Yellow Submarine. А мы битлотему не трогали — я не был знаком с Шоном и не был уверен, что это приведет его в восторг.

Шон, в затемненных очках и драной шинели из секонд-хенда, вышел в зону прилета пятясь спиной, чуть пошатываясь, будто навеселе. Один раз повернулся к протя-

нутым микрофонам, вежливо пробормотал что-то про первый-раз-в-Москве, прыгнул в машину и помчал в «Президент». По дороге мы договорились: пресс-конференция — в силе, вопросы — не ограничиваем, битломанов — по возможности, не надо, и где сегодня вечером можно хорошо, действительно хорошо, поесть?

Навеселе он не был, а был порядком замучен переездом, поэтому клевал носом к моменту, когда группа со зримым удовольствием нацепила клубные пиджаки и вечерние платья и мы выгрузились в «Пушкине».

В «Пушкине» мы сыграли с точностью до наоборот: было зарезервировано на фамилию Леннон, нас дожидался лучший столик в углу зала на возвышении. Шон уселся на кожаный диван, обвел довольным взглядом безупречный новодел и хитро спросил: «А это правда девятнадцатый век?» — первым из иностранных гостей на моей памяти. Его частная школа должна была бы им гордиться в эту минуту. Заказал, дождался оливье с икрой — и крепко уснул, отбросив голову на витую диванную спинку.

Проснулся к окончанию ужина, поинтересовался, где можно было бы купить икры. Да здравствует круглосуточный капитализм! Два часа ночи: в отель едем через «Елисеевский».

— Это что, маршрутное такси?! — просвиристела подруге недобрая москвичка, ожидая, пока мы наконец погрузимся в автобус и она сможет выехать следом.

Нам надо переехать через Пушки. Сзади грозно загудел черный «Фольксваген-жук». Пятнадцать секунд ожидания у ресторана — для московского бангалора возмутительный моветон. Леннон проснулся на секунду, удивленно обернулся назад: москвичка в мехах кипит от злобы, «жук» гудит, — мы хлопнули дверью и остановились через перекресток у «Елисеевского».

Ночной «Елисеевский» — непобедимый релаксant. Скусающие продавщицы в фартуках смиренно прочли лекцию о сроках сохранности икры, кассирша отложила журнал «Отдохни!» и без интереса прокатила золотую карту с фамилией Lennon, расфуфыренные девицы пригородно-блудной наружности споткнулись и упали перед нами на выходе из заведения «Этаж», дверь в дверь с «Елисеевским»,

нищенка потрясла пустой шапкой, и наездница на лошади выдала классическую коду: «Прокатиться не желаете?»

На следующий день впечатленный и, слава тебе, господи, выпавшийся артист дал пресс-конференцию. Не виданные в наших стенах доселе камеры центральных телеканалов хором попросили перевод с английского. Я подвизался переводить, наблюдая, как Олейников тщетно пытается отогнать от микрофона безумных дядечек — битломаны прорвались-таки в клуб. Шону не впервой: на вопрос «Какая папина песня у вас любимая?» — он отвечает всю жизнь. Что он ответил в Москве — не помню.

— В Москве, — замечает Шон, довольно потягивая таррагону за 70 долларов рюмка, — все были очень корректны, в Петербурге в этом смысле тяжелее оказалось. У них там целый фан-клуб Beatles — я час не мог от них сбежать. Кошмар. Хорошая штука, — это Шон бармену, — спасибо за рекомендацию.

Бармен гордо улыбается: Шон в этом баре в Ист-Виллидж завсегдатай, живет за углом. Мы с Ильей Тонармом, у которого я остановился в квартире возле Сентрал-парка — собственно, возле дома Дакота, откуда давным-давно съехал Шон, медленно-медленно тянем свою таррагону. На напитки по 70 долларов за рюмку не зарабатываем. Бобик в гостях у Барбоса.

Бедный Сева Гаккель — добрее и внимательнее промоутера нет: судя по всему, с битловской темой он перестарался.

— И потом, — добавляет Шон, — в Москве был этот замечательный художник, лучше него мою маму никто не рисовал.

Вспоминаю олейниковский шарж на Йоко Оно, срисованный тушью с промо фотографии. Я обязательно ему расскажу.

Мы прыгаем в такси, подъезжаем к замызганной двери в глухой стене — я знаю этот нью-йоркский фокус: за дверью, естественно, образуется гигантский темный лофт, забитый блондинками в черном. Мы с Тонармом сангвинически обнимаемся с редакторессами, стилистами, фотографами — мы сегодня вместе с Шоном и, по правилам

игры, с нами нужно обниматься. Тихо-тихо льется микс Simon and Garfunkel, Mamas and Papas и Нила Янга, Шон заговорщически протягивает косяк, блондинка (не та, что из Алабамы, а та, что из Кентукки, Илья, она тебе больше понравилась) натягивает на открытое платье неуместную черную кофту и совсем по-московски в нее закутывается. Расплываюсь в беззлобной улыбке: в настоящем Нью-Йорке, не провинциальном московском, временно неприступные модели родом из ниоткуда точно так же кутаются в кофту, когда чуть-чуть переберут. Правда, по-шведски девочка из Кентукки (или все-таки та, что из Алабамы?) говорит увереннее новомосквичек — работала в Стокгольме.

С Шоном мы потерялись в толпе. Я оставляю довольного обществом Илью с блондинками и подхожу к туалету. Что они там делают в подсвеченных изнутри кабинках? Очередь. Еле слышно играет «Strawberry Fields». Спина передо мной, в ладно скроенном полосатом пиджаке, оборачивается: Шон.

Маша Макарова любит парики. Я поэтому не всегда ее узнаю — да и не нужен я ей, чтобы просто так зайти в клуб.

Маша живет в соседнем с Курским доме — два окна рядом с зеленым граффити выходят на железнодорожные пути.

Когда сто миллионов лет назад она запустила макабрическую «Без тебя», мой мир, по закадровому тексту к «Властелину колец», — мир изменился. Когда вышел первый альбом, я заслушал его до дыр. Когда Найк Борзов звонил с репетиции в «Олимпийском» и делился: Машина группа распадается в эти минуты, — мы с коллегами держали пальцы крестом, и держали, очевидно, плохо. Когда Олег Нестеров с грустью рассказывал, как Маша, приглашенная Ниной Хаген выступать перед Ниной Хаген, не пошла в посольство за визой, он добавлял: шел снег. В снег ехать за визой не с руки.

В моем анамнезе ничего не изменилось бы, не возникни в нем, скажем, певицы Земфиры, которая не сказала

мне ничего нового за пять помпезных альбомов, — но без этого термоядерного плача Ярославны, на который способна Маша Макарова, я по-другому слышал бы сейчас музыку на русском языке. Я упираюсь каждый раз, когда «Машу и медведей» пытаются вычеркнуть из расписания, я знаю все про сборы и коммерческую прибыль, точнее, ее отсутствие. Знаю, что, когда бог целует в макушку, практической сметки он не дает и банковский счет не пополняет.

Сметка — каждому своя.

Как-то за полночь в «Китайском летчике» мы сидели с Юкими Нагано, вокалисткой Коор и Хосе Гонзалеса. Был сборный концерт, на сцену выпорхнула Пелагея, хихикнула, прощбетала а капелла «Рождественскую», схватила бокал и вернулась за свой столик.

— Oh, my! — только и сказала Юкими. — Почему она не едет в Европу?

Поля подсела к нам, была мила, смеялась на хорошем английском — и тщетно потом я пересылал ей запросы от европейских фестивалей, падавшие с легкой руки друзей Юкими, — Пелагея слушала маму, играла Кремль, юбилей Ельцина, театры и чуть-чуть клуб «Икра»: ей было не до того.

Юкими переехала к Гонзалесу, играла родной Гетеборг, двоюродные Токио и Нью-Йорк и благотворительные стадионные концерты вместе с Kent и Anastacia. Каждая, полагаю, была счастлива на своем маршруте.

Я надеюсь, что Маше по душе дореволюционный дом на Казакова у железнодорожной стрелки.

Она стоит в растрепанном парике, рядом — гуттаперчевая Гая Арутюнян из «Детей Пикассо» (они записали вместе несколько песен), девушки устремляются на сцену, хватают микрофоны и сметают все на своем пути. Радиостанциям, критикам, блогерам на это сотворчество глубоко наплевать: его надо слышать живьем, для того чтобы слышать живьем, надо оторвать задницу и приехать — но, позвольте, нельзя же приезжать к вам каждый раз, когда сегодня Electric Six, завтра Леннон, ну Макарову-то с Арутюнян мы успеем посмотреть. Городу некогда.

Однажды в модный журнал позвонила Наталья Медведева — попросила написать о своем концерте. Я вежливо отнекивался: по правде сказать, коллега два номера назад о Медведевой писала, нельзя же повторяться из номера в номер, давайте подождем следующего. Через месяц стало известно, что следующего не будет.

Маша и Гая кричат какую-то несусразицу: «Рок победит!» — от них искры летят и мурашки по коже бегут.

Второй менеджер Ира, вечный запасной у харизматичной Кати (аккуратный хвостик, бледное лицо, привычный кандидат на вызов скорой), стоит рядом со мной на ВИПе и плачет.

— Ты чего, чудо?

— Не могу уходить.

Менеджер Катя написала заявление по собственному желанию, уходит в новый клуб Магди и Сергеева, пришла сегодня в первый раз не на работу, красивая, счастливая, извозчицкий мат через слово — чисто можно. Тихая Ира написала заявление с подругой за компанию, устала от нашей 24-часовой соковыжималки, пойдет к Наташе в «Думу», там, дай бог, без скорой будет обходиться.

— Плачешь-то чего?

— Не могу я отсюда уходить. — Ира отворачивается, вытирает слезы и молча смотрит на сцену.

Маша зажмуривается до морщинок и с силой бросает микрофон о сцену. Кода.

Долго плакать Ире было некогда: первый мускулистый тип в обтягивающей майке появился на пороге задолго до полуночи — не успели Макарова с Арутюнян сойти со сцены.

Наш комбайн сработал безотказно. Концертная публика разбежалась через час после окончания, ночная стала подтягиваться к полуночи, ко времени водораздела между концертом и вечеринкой.

Речь перед охраной я держал минут десять. Не смотреть, не смеяться, всем «здравствуйте, спасибо, приходите еще» — как обычно. Женя Малыш вздохнул и сказал свое

«не подведем». Менеджер Ира взяла на себя барменов, официантов и уборщиц. Феминистка Оля в кассе не повела бровью.

Началось все так. Алексей Вишняков купил меня с потрохами, назначив встречу: просто так, с улицы, приехал, представился и без лишних предисловий сказал:

— Хочу делать у вас гей-вечеринки. День — суббота, на четверги и воскресенья не согласен. Как вы на это смотрите?

Задуматься я не успел, потому что мне позвонил хип-хоп-деятель Эдгар.

— Гриш, такая маза, Хамиль из «Касты» и диджей Хобот готовы играть в апреле. Мне с пацанами надо пошуршать, но срастется, чую. Что у тебя там с днями в апреле?

Я сказал Эдгару, что перезвоню, а Вишнякову сказал:

— Смотрим хорошо. Мы на всех, кто не зашорен, хорошо смотрим. Только субботу я вам не дам, и русского попса не должно быть ни в коем случае.

— Я Максим хочу пригласить на открытие, и в субботу обязательно. Что за вечеринка, если не в субботу? Вы Максим знаете? — посмотрел на меня исподлобья Вишняков.

Трубка вновь зазвенела.

— Гриша, трубы горят, захрипел заговорщически Эдгар, — пацанам понимать надо, какая датка может быть. А то передумают пацаны, будь друг, глянь в календарь.

— Эдгар, поставь крест на двадцать четвертое апреля и давай через час, пожалуйста, у меня переговоры, — сказал я Эдгару, а Вишнякову признался: — Максим я пытался слушать в Японии, но не случилось, по техническим причинам. А субботу, самый жирный день, с какой бы стати вам отдавать? Если зарулит наш обычный ночной посетитель, что будем делать?

Как что? Пускать, конечно, — удивленно посмотрел на меня Вишняков. — Если он не агрессивно настроен. По какой причине в субботу — барную выручку вы увидите сразу. Максим — очень важная для геев певица. А я вот хотел полюбопытствовать: для круизинга у вас есть подходящий зал? Круизинг — это когда геи ходят по залу и смотрят по сторонам, понимаете?

— Слушь, не годится пацанам двадцать четвертое, — Эдгар в трубке грустен и настойчив, как никогда. — Пацаны бы двадцать третьего махнули. Мож, того, махнем, посмотри, друг?

Я бормочу: «Перезвоню» — и выключаю телефон. Круизинг и пацаны из «Касты» в моей голове, вместе не умещаются.

Стрельнуть с гей-вечеринкой меж тем — блестящая репутационная вещь. Более печального зрелища, чем мрачные, забаррикадированные гей-клубы с их вечной гетто-борьбой за выживание, в этом городе нет. Но мы-то — западники. Публичное гей-мероприятие для репутации — джек пот. Насчет бара настойчивый Вишняков прав: его аудитория не в ЖЭКе работает и деньги тратит только на себя. Максим мы можем окружить приличными диджеями. Проследить, чтобы не скатились в междусобойчик и чтобы наша Лена на входе информировала и приглашала каждого, кто не бритоголовый спортсмен и не из РПЦ.

— Отца Косьму пускать, если вдруг приедет? — спросила ядовито Лена.

— Пускать. Тебе же Тибет говорил, он бедный монах. И у него есть клубная карта, — нашелся я.

На том мы с Вишняковым и разошлись. Демонстративно поставили вечеринку на 8 марта — никакого «Дня бухгалтерши», не наш жанр; и вот с лестницы у гримерки несется жеребячий гогот — переодеваются go-go's.

Вишняковские гости подъезжают поодиночке, парами, компаниями, в воздухе пахнет хорошим парфюмом, и двадцатикилограммовый Женя Малыш работает на подъеме. Смена охраны, только что проводившая гостей Маши Макаровой, — и бровью не ведет, любезнейшим образом про «колющее-режущее» спрашивает и желает каждому приятного вечера. Посетители шокированно переглядываются: так их в случайном месте еще не принимали. Погодите немного — место не случайное.

Да здравствует Театр Гоголя! Вишняков перерыл к вечеринке закрома декораторского цеха — выудил оттуда золоченые диваны, серебристые гардины и еще килотонну блестящих объектов. Юлин рекорд на вечеринке с Йохансоном побит.

На пороге — Соня. Оценивает ситуацию, хохочет, комически разводит руками: «Не была гей-дивой — ну, попробуем!» Отправляется за вертушки: мы договорились с Вишняковым, что играть сегодня будет она, чтобы не скатиться в ремиксы на Мадонну.

Лестница усыпана золотыми пайетками, дорогие ботинки топчут ее, снизу-вверх, сверху-вниз: там, похоже, как-то разобрались с круизингом. На барной стойке — веер чаевых, бармены над стойкой — летают, и больше бесед о толерантности с ними не потребуется никогда.

Когда Юля Юденич услышала о гей-вечеринке, она пришла в ужас. Заявила, что это аморально и безнравственно. Арт-директор «Шестнадцати тонн» Павел Камакин хмыкнул и сказал, что зайдет с бейсбольной битой. Модный журнал, ясно, пришел в восторг.

Меж тем без старших братьев этих башмаков — Юля, Камакин и модный журнал сидели бы без ремесла. С американских гей-клубов, как известно, началась музыка хаус, и напрасно английские клабберы кричали: «Выключите эту музыку для пидоров!» Чувство вечеринки здесь — в крови, каждое party — как последнее, и не только ради барной выручки стоило в эту авантюру ввязаться.

— Умоляю, проверь примерку, — набрасывается на меня Вишняков. — Сейчас приедет Максим!

Зову Иру. Ира от неожиданности перестала плакать и завороченно следит за происходящим. Идем в примерку — порядок, чистота, цветы на столе, за столом какой-то музыкант рассказывает анекдот рыжей подруге, та смеется. Ждем мифическую Максим.

— Когда артистка приедет? — просовываю голову.

— Она задерживается, всегда задерживается, — сетует рыжеволосая. — А вообще-то это я!

Сейчас наконец узнаю, что за чудо-продукт мы впаривали японскому ЕМІ.

Менеджеры в ужасе.

На концерт монгольской певицы Урны приехал владелец, редкий гость, надежда и опора. Олеся его с почестями провела на ВИП. Поесть человек заказал.

Урна поет а капелла — песни ковыля, тихие колыбельные, хороводы-ёхоры. Взялся человек за вилку, а Урна, того, петь бросила: «Шшш!» — палец к губам и головой покачала.

Оба расстроились.

Владелец, как человек вежливый, есть перестал. Олеся за голову схватила. Урна посидела секунду, сложив руки на коленях, и продолжила о своем.

— А вот в «Дягилеве»... — прошептала Олеся.

— Знаю я все про «Дягилев», — шепотом перебил я.

Снимать диджеев по 20 тысяч долларов из-за вертушек, потому как пищеварению не способствуют, — вот это по-московски. Какая артисту разница: деньги плочены.

А наш владелец любит прекрасное. Сидит слушает, прикрыв глаза. Новую порцию тигровых креветок ему после концерта сделают.

С «Ундервудом» познакомились так. Мы ехали с Нестеровым на встречу к Юрию Энтину. Энтин живет за городом, вверх по Дмитровке. Солнце било в глаза: долго ехали на север.

— Вот это наше секретное оружие, — заговорщически подмигнул из-за руля Нестеров и поставил обшарпанную кассету.

Пьяненький тенор выводил под расстроенную гитару:

— Жизнь была, была, да, Жизнь крылья спалила, Гагарин, я вас любила!

Кафешантан, записанный то ли на диктофон, то ли на фотоаппарат, обезоруживал самым нахальным образом.

Через месяц мы встретились с обладателем голоса Володей, обладателем гитары Максом и арбузом — точнее, первым в офис вплыл большой крымский арбуз, купленный группой «Ундервуд» по дороге в Москву. Нестеров, услышав демо, потребовал немедленной встречи — крымчане и приехали.

У Олега с «Ундервудом» сложилась история продюсирования, у нас же образовались приятельские отношения. В кухне на Тверской сентиментального Володю и живчика

Макса мы, к взаимной радости, наблюдали регулярно — и в минуты головокружения от успехов, и тогда, когда казалось, что дела группы не движутся. Инвесторы к дружественному кафешантану в очередь не строились, поэтому двигались дела действительно не всегда.

Год назад позвали на презентацию очередного альбома: вместе с импозантными белым и рыжим клоунами по сцене дефилировали испуганные сессионные музыканты в растянутых свитерах, задор у них был соответствующий, звуковик ленился, световик спал — в общем, было мне за друзей обидно.

В этом году — я набрался наглости и предложил Максу поработать с Танькой: она и нестеровскую школу прошла, и на ЕМІ жжет, и пишет, и журналистов всех нужных знает, и промоисторию придумает на раз. Пахать будет за семерых — в другом режиме хрупкая девочка из Строгино не работает. Препираться из-за концепции с артистами-работодателями станет обязательно — на это ведь мало кто из промодеятелей пойдет, и это для работодателей-артистов — самое ценное. Если она решится ввязаться, конечно.

Разумеется, Танька схватила за голову и затянула классическое: «А вдруг я их подведу?» Макс отправился совещаться с Вовой. В конечном итоге они там все-таки обнялись, с Танькой от зависти поссорилась половина коллег, а первый сингл загремел в чартах на первую строчку. Сингл и правда у Вовы с Максом вышел ударный: партайгеноссе Гарри Каспарова использовали его в своем рекламном ролике — денег оторопевшие «Ундервуды» с оппозиции так и не стрясли.

Мы сидим в оранжевом зале на Казакова глубоко за полночь. Вторник, три столика на весь зал: Миша Ковалев с красавицей Кариной, импозантная диджейская пара; Капа с Марой заехали поужинать; и опухшие мы с Танькой и «Ундервудом». Рубимся за премьеру программы: она через две недели, ничего, разумеется, не готово.

— Если будет видеоарт, — требует Володя, — то на этой песне необходимо «Последнее искушение Христа». Пусть виджей найдет фильм.

— Стоит ли нам в конце разрисовывать экран краской из баллончика? — сомневается Макс. — Может, его сохранить, пригодится еще?

Ну, Максик у нас хозяйственный, как же можно ценную вещь испачкать? — Володя сегодня колюч. — И «Кровавой Мэри» не будет.

— Володя, это вторая самая рабочая песня на альбоме, — умоляюще встречается Таня.

— Не будет «Кровавой Мэри»! И я не понял, мы в итоге в черном или в белом на сцене?

Звоню виджею Дэну. Час ночи, он как раз проснулся: весь день монтировал экраны. Первый трек, говорит, в светлых тонах выдержан.

— Значит, в черном, — миролюбиво подводит итог Макс. — Не надо «Кровавой Мэри», действительно. И если ты, Вов, не против, пусть с нами Корней стоит сразу перед первым экраном. Когда первый упадет — за ним будет видно всю группу.

Да здравствуют изменения в составе: Корней — лучшая замена растянутым свитерам.

Я взял на себя смелость предложить идею шоу: многочисленные полупрозрачные экраны, которые закрывают сцену вначале и будут падать по одному, открывая пространство. Видео — мини-ролики Дэна на каждую песню, с вкраплениями живых рисунков. Танька согласилась рисовать маркером в real-time перед камерой: сердечки и ракеты на «Гагарине», водку и томаты на «Кровавой Мэри», подписи «Владимир» и «Максим», стрелки налево и направо, к всамделишным Вове и Максy.

В процессе, разумеется, выяснилось, что пространства для экранов на сцене — впритык, Дэн гонит микс со скоростью, более уместной для транс-вечеринки, затормозить его — ох, как непросто, и, наконец, что прогонов, со световиком и звуковиком, нам нужно как минимум четыре. Одна только Танька невозмутимо отрисовывает перед камерой все, что нужно — будто всю жизнь этим занималась.

Худо-бедно сколотили сет-лист, завтра в девять утра первый прогон. Вова с Максом на низком старте: устали все.

— Секунду, — тихо просит Танька. — Извините, что в пятый раз, но вы хотите все-таки страницу на майспейсе делать? Я бы сделала. Что вы решили?

— Эм? — Макс переадресует вопрос почему-то мне.

— Макс, сделать, конечно. Пойдем у Мары спросим, у нее наверняка давно есть.

Три шага к соседнему столу.

— На майспейсе? — Мара отвлекается от салата. — Нет, нет у нас пока. Но мы над этим работаем. Я бы сделала.

Совет отечественных производителей состоялся. Возвращаемся, Макс трясет головой. Танька победила.

Больше всех ей надо, что ли?

— Андрей Вадимович, — Танька кокетливо улыбается Макаревичу. — Можно вас попросить — не могли бы вы нарисовать вот на этом листе ракету?

Премьера. Все по плану: видео — нужные куски, с нужной скоростью, Вова, Макс и Корней — в ударе. На ВИПе, кроме нас с камерой, — только Макаревич. В толпе ему некомфортно. Безропотно берет маркер. Рисует.

— Ну ты решительная, — я Таньке на ухо.

С нашей легкой руки сеансы рисования входят в привычку.

Турнтаблист (Олеся, я не ругаюсь, это значит — он вертушки крутит) — так вот, турнтаблист, которому, я надеюсь, сегодня все-таки принесут кофе (понимаю, что кофейная машина сломалась, а можно из другого зала, а?), — так вот, турнтаблист сидит сейчас в гримерке с маркером, рисует на ватманских листах русские буквы. И примеряет ватман к планшету.

Маленький, проворный Эрик Сен, он же Кид Коала, вчера в Хельсинки рисовал по-фински. Его общительная жена так же стояла в Хельсинки у входа в зал, продавала пластинки, майки и — внезапные прихватки для горячего в симпатичных маленьких роботах: трейдмарк. Над диджейским столом точно так же возвышалась камера:

главное, за что вчера брал деньги клуб в Хельсинки и за что берем сегодня мы, — это возможность увидеть, как талантливые пальцы Кида Коалы заставляют вертушки танцевать туда-сюда.

Сейчас на экране кольцо на правой руке — тонкие Сонины пальцы. С ее первой вечеринки в «Икре» прошел год, и доказывать больше никому не нужно: Соня — во всех нужных журналах и в расписании всех нужных клубов. Сегодня в честь заморского гостя играет мелодии и ритмы Ninja Tune. До его выхода — четверть часа.

На планшете у Кида Коалы — десяток листов, исчерченных безупречными русскими буквами.

— Привет!

— Меня зовут Кид Коала. Я из Канады.

— Пошумим?

— Черт побери, пошумим?

Вытаскиваем планшет на сцену.

Маленькая рука Коалы пожимает на экране над вертушками маленькую руку Сони.

Эрик ставит первую пластинку и под разгоняющийся гул, картинно выставив ногу вперед, откидывает первый лист, второй, третий — на «пошумим» толпа взрывается и волной накатывает на сцену. Прием с планшетом — безотказный.

Вспоминаю колдкатовский сувенир: «Простите, что я заблевал ваш пульт».

Что ни говори, культура шрифтографии в доминионах более развита, чем в метрополии. И не только шрифтографии. Крупные диджейские истории — священная корова. Без клубной публики — не той, что придет на Тибета, Брауна и «Кровосток», а той, что брала «Икру» штурмом перед Кидом Коалой, Амоном Тобином и Сашей Функе, клубом нам не быть. Быть концертной площадкой, как замечательные нью-йоркский Tonic, стокгольмский Debaser или берлинский Kesselhaus, — наверно, приятно, но драйв не тот. Не за тем же, в самом деле, я выскакивал из теплого корпоративного кресла, чтобы просто придумывать и делать концерты. Клуб — это когда весь день собираешься go out, а получается в результате — in. В клубе — лица,

которые здесь не только часового концерта ради. Если с клубом все хорошо — он живой и светится. Пока стекаются друзья друзей к Юле, Соне, Эдгару, Вишнякову — все будет хорошо.

Илья Рассказов пришел пару месяцев назад со списком имен: Jazzanova, Ame, Gilles Peterson. Концепцией не заморачивался — взрослая электронная музыка, отмеченная печатью интеллекта. Необходимости в концепции Илья поэтому не видел: тому, кому нужно, все объяснят имена.

Впервые мы встретились с Рассказовым, когда поутру, сбивая снег с ботинок, я привел в его квартиру на Студенческой двух шведских музыкантов — мы с Юкими Нагано и Кристоффером Бергом, саундпродюсером The Knife, ехали после московских концертов в аэропорт. Сонный Рассказов в халате протянул шведам древний аналоговый синтезатор: шведы ахнули от королевского подарка, долго трясли Илье руку и счастливые вынесли добычу — в машину и далее, в Гётеборг. Рассказов из любви к шведскому нюд-жазу так расщедрился. Нагано, Little Dragon, Кооп, Hird — из недели в неделю он играет все это левацкому «Культу» и буржуазному «Сюзи Вонг бару», вместе с любимыми японцами, которых лучше него в Москве никто не знает (Рассказов год студентом в Токио мариновался: японист по специальности). Разумеется, когда он приходит и про резиденцию спрашивает, ответить я могу только: «Welcome!»

Первая же вечеринка — с тяжелой артиллерией. Диджей Краш, бескомпромиссный хип-хоп-самурай на сцене и милейший дед двухлетней внучки за сценой. Илья везде: стрекочет по-японски в гримерке и показывает мне фото краш-внучки на краш-телефоне, прикладывает руку к груди и по инерции кланяется знакомым на входе («Извини, не могу в список, и билеты все проданы!»), встает за вертушки в ожидании опаздывающего коллеги: волнуется, но все уже понятно — оглушительный успех с тремя нолями. Нового промютера, как водится, приходят попробовать на зуб все остальные — замечаю у бара Юлю, Соню, Рому Парамонова: проверку Рассказов, можно не сомневаться, прошел.

Не дожидаясь начала сета, захожу в кассу.

— Не высовывайся только, — басит кассир Оля. — И свет не включай: окошко разобьют. Я прячусь тут.

В темноте запускаем на компьютере билетную программу. Смотрим в строку «итого». Я ужасно за Рассказова рад. Без поправок на первый блин комом, без игры в «этот город ничего не понимает», без большого промоутерского опыта — все у него получилось.

Олеся возвращается из гримерки и молча поднимает вверх большой палец. За артиста я сегодня и не волновался, Леся.

С Flëur ерунда какая-то получается.

Мы сделали им еще один концерт, совместный — с дивными трип-хоповыми финнами Husky Rescue, с кушачим бюджетом, за наш, разумеется, счет. Вовлекли в историю дружественных журналистов — Лено-Олина фотография с аэродром размером — в модном журнале первым материалом. Хуже горькой редьки надоели редакторам «Нашего радио» — песня про шелкопряда заиграла в тестовом режиме.

Ни клуб «Икра», ни Олейников, ни я на этом ничего не зарабатываем. Бывает так: чувствуешь, что можешь подставить плечо. Никакого героизма. Просто мы в нужное время оказались в нужном месте. И было чем помочь.

Когда Flëur в первый раз играли в другом большом клубе, я обрадовался. Когда собрали аншлаг в камерном зале, гордился. Когда в третий и в четвертый, вежливый директор предлагал подождать, потому как у группы другие концерты, начал чесать в затылке.

Артистов, собирающих полный зал, в огромной стране совсем немного (Flëur, к слову, из страны соседней). За артистов клубы и промоутеры постоянно дерутся. Артистам, собирающим полный зал, частить с концертами, да еще и на одной площадке, — опасно: так фанат и пресытиться может. Все это не открытие. Мы по полгода стоим в листе ожидания у дружественных «Аукциона» и Пелагеи, мы сознательно не зовем каждый месяц любимую «Текилуджаззз», выдерживаем паузу, ждем, пока паузу выдержит артист.

С Flëur, впрочем, знак паузы на глазах превращается в знак бесконечности. Я бы понял, если бы им был мал зал (как Киммо Похйонену, который не смог здесь играть видеоарт-программу), или если бы у них кремлевские концерты на носу (как у «Аквариума») или если бы сидели в студии безвылазно и писали альбом. Я не удивился бы разговору о повышении гонорара — каждый месяц препираюсь с финдиректором: не бывает гонораров больших и маленьких, бывают справедливые и безосновательно заданные. Нельзя артисту за семьсот человек в зале платить так же, как за двести.

Но не о том речь — каждый мой звонок вежливому директору превращается в корректное «перезвоню» и каждое письмо ждет ответа несколько дней. За это время мы не один раз поднимали бокал в «Икре» с Олей и Леной, но не атаковать же мне артиста вопросами о концертном графике. Артист, который помнит, когда и где у него концерт, — несчастный человек. Это работа — директора. А с директором получается разговор слепого с глухим.

На сайте дружественного клуба написано: «Убедительная просьба не присылать демозаписи. Клуб не занимается продюсированием». Понятно и практически разумно: клуб покупает артиста и продает концерт. Все. Без нашего вечно-го «драмкружок, кружок по фото». Что получается: не махали бы мы шашкой, не поднимали бы шум, привирали бы коллегам: так себе, мол, барышни зал собрали, — сохранили бы в результате доступ к телу? Меломанство сгубило? М-м-м, едва ли — не слушаем мы группу Flëur днями напролет.

Сгубила инициатива — всегда наказуема.

— В России любят все золотое и блестящее, поэтому мы постарались дать здесь как можно больше золота: получился такой бордель из «Твин Пикса», если помните.

Этот текст на всех известных мне языках я могу воспроизвести в любое время суток, хоть ночью разбуди. «В России» — как правило, я говорю у пожарного крана, задрапированного золотом и стразами; «из “Твин Пикса”» — на втором повороте, после китайского шелка, золоченого дивана и перед массивной меховой картиной.

Иностранным делегациям дополнительных объяснений не требуется: самоварное золото — отрада русскому глазу, что тут объяснять. У нас after-party гигантского летнего фестиваля. Я тяну за собой наверх по лестнице толстяков Dälek, прошу расторопного нового ассистента Анечку присмотреть за набравшимися тинейджерами Someone Still Loves You Boris Yeltsin (они из Спрингфилда, Спрингфилд — родина Симпсонов, а за Симпсонами — глаз да глаз), краем глаза замечаю в оранжевом зале затрапезного вида компанию с сосредоточенными лицами и прошу Ксению предупредить исландцев Múm: у нас в гостях наркоконтроль, очень-очень инкогнито, поэтому убедись, пожалуйста, что артист не решит вдруг покурить.

В клубе — сильно за тысячу человек. Это значит — по лестнице не подняться. По стенам бежит конденсат. Окруженные батареей водочных бутылок HushPuppies, достойный французский ответ Franz Ferdinand, сидят с пальяником в примерке: чинят синтезатор. Решили после удачного фестивального концерта сыграть еще на after-party, к нашей бурной радости и тихому ужасу звукорежиссера.

Благообразный бородач Мэтт Дидемус из Junior Boys настигает меня на ВИПе. В одной руке у Мэтта канане с икрой, в другой — блондинка. Блондинка сильно пьяна и хочет в отель.

— А кроме алкоголя, — интересуется Мэтт, — у вас можно чем-нибудь поживиться?

— Мэтт, у тебя такая девушка красивая! — Блондинка, прикрыв глаза, икает. — У нас там переодетые копы сидят, вот честно, некстати про «чем-нибудь».

— Дай посмотрю на копов! — Мэтт кладет блондинку в кресло и продирается со мной через толпу в оранжевый.

Неприметная компания — коротко стрижены, в аккуратных линялых кофтах и жуткой декольтированной синтетике в розочках (дама) — поднимает тост: «Чтобы все!» Героически терпят ради службы разнузданный микс из New Young Pony Club и Dune. Девочки и мальчики в цветастом Divided морщатся и отходят от странного столика. Гунни и Самули из Múm выплясывают перед наркоконтролем на ковре какую-то несусветную джигу: водка из стопок летит

во все стороны — пока Самули, устав, не валится с хохотом на диван.

— Копы — да, понятно. — Мэтт первый раз в России, но ему понятно: чудеса маскировки провалились. — Слушай, там французы сейчас играют, давай мы у вас вечеринку сделаем в следующий раз. Я как раз в Берлин переезжаю, тебе не нужно будет, как сейчас, из Монреаля в Торонто паспорта с визами присылать, и перелет дешевле. Напиши нашему менеджеру, Лейле Хебден, — она страшно расторопная. Все организует. Хороший клуб, я с удовольствием, если что.

На нас сзади падает нетрезвая блондинка (она нашла-таки Мэтта в этой толчее), и мы все вместе обрушиваемся на колени Самули Косминену из Múm. Остатки водки из бутылки льются на ковер.

— Самули, — говорю я, — на этом диване твой друг Киммо Похйонен кормил нас винегретом. Жизнь прекрасна. Познакомьтесь, это Мэтт из Junior Boys. Мэтт, на этом диване мама Лейлы Хебден и Киерана Хебдена вспоминала группу Junior Boys. С копами знакомиться не будем — они сегодня инкогнито.

Анечка и Ксения, святые девушки, суют мне под нос график отбытия в гостиницу. Эвакуировать полсотни довольных, растерявшихся по клубу, обросших девицами, бутылками, непрошенными email'ами музыкантов — жуткое дело. Поднимаюсь с дивана, оставляю подопечных артистов на поруки Анечке и Ксении, выхожу в тишину на Казакова. Отмахиваюсь от таксистов. Встаю на железнодорожный мост и смотрю, как первая электричка на Серпухов в темноте подползает к вокзальному перрону. В каком странном, черт побери, месте мы всех собрали.

Третье сафари за два дня подразумевает хотя бы одного заваливающего слона.

Слонов на мозамбикской границе — возмутительный дефицит. Покачавшись несколько часов в джипе, довольствуемся львиным прайдом, лениво глодающим антилопу, и стайками жирафов — их здесь за людей не считают. А мне эти бродячие флаштоки очень даже в радость.

Долговязый, породистый рейнджер Стив родом из Зимбабве, родители вывезли его оттуда в ЮАР мальчиком. Хозяйка дома, пышка Николь, — из центральных кварталов Претории; значит, моложавой Николь точно за 30, белые в центре Претории давно не селятся. Стив и Николь — африканские Тарзан и Джейн, образцовая пара для голливудского фильма. Купили виллу в саванне год назад. Гости-примимны донельзя: это Южная Африка до начала смутных времен. Я разглядываю в их древний телескоп непривычную дислокацию звезд, потягиваю Jameson on the Rocks, который вопреки всякой коммерческой логике принес мне вместе с пледом Стив. Я вижу их в дверном проеме — рейнджер заключает хозяйку в объятия, она запрокидывает голову; о, где ты, англо-бурский Голливуд!

Когда я спросил про интернет, Стив неодобрительно покачал головой. Нехорошо на сафари работать. Интернет — под чучельной головой зебры, напротив телескопа. Следи только, чтобы обезьяны в дом не забежали: их потом, кроме стрельбы, ничем не выгонишь.

У Стива в южном полушарии начинается сезон: с сентября туристы повалят валом. Начинается сезон и у меня. Я проверяю почту:

— Дима Японец согласен на собственную резиденцию в оранжевом зале (Японец — едва ли не единственный приятный светский персонаж в городе, ура!);

— шведское посольство согласно пригласить Йенса Лекмана в связи с премьерой фильма Роя Андерсона в Москве (слава богу, так мы когда-нибудь и Хосе Гонзалеса осилим);

— рулевой Nurse With Wound и друг Тибета Стивен Стейптон полетит не из Дублина, а из Шеннона, ближе к которому он живет (Дэвид, умоляю, не волнуйся, помением рейс);

— звукозаписывающая компания клянется поддержать наш концерт Mattafix (вам удалось пробить на радио хотя бы один сингл после «Big City Life»?);

— финские электронные деятели Luomo и Сами Койвикко с удовольствием вернутся к нам по осени (пришли-те, пожалуйста, Олейникову свои пресс-фото посвежее);

— Ройшн Мерфи принимает приглашение играть на Хеллоуине (бюджет жуткий, на мой вкус, но за эту женщину москвичи и гости столицы последнее отдадут);

— Laibach недоволен маленькой сценой, просят достроить в глубину (достроим, не впервой);

— японский оркестр Shibusashirazu доволен большой сценой, просят ничего не менять (конечно, не будем).

В эти письма я ткнулся наугад, поверив теме письма или опознав цепочку с интересной перепиской. Экран налит жирным болдом — сколько еще за ним прячется хороших новостей? Никаких сомнений, это самый интересный клуб в городе, в стране, от Калининграда до Владивостока, между Берлином и Токио — тут я вспоминаю школьную директрису, брякнувшую 1 сентября на линейке: «Наша школа лучшая не только в городе, но, возможно, и во всем космосе», — так что родители переглянулись: а не забрать ли ребенка отсюда прямо сейчас?

Если удастся начать строить клубную сеть в этом году — открыться в Нижнем Новгороде, потом в Питере, как мечтает Игорь, — нам будет чем заняться на много лет вперед. Даже японский оркестр Shibusashirazu был в Нижнем Новгороде, а я до сих пор понятия не имею, что там находится между Рязанью и аэропортом Нарита.

Вот начнется осень, и всем в ней хватит места. Бесприютному многотысячному «Б1», что начал наконец, сообразно размаху, приглашать гигантов вроде Мэрилина Мэнсона и Шинед о'Коннор и перестал наступать на наши культуртрегерские пятки. Новой «Солянке» Магди и Сергеева в уютной анфиладе благородного особняка, с разнокалиберной мебелью, собранной именно так, как предлагали когда-то Игорю мы с Хомяком (не отстояли идею, жаль). И за наше место нет у меня оснований переживать, почтовый ящик тому порукой. Деньги в Москве-2007 найдутся на все.

Кто хрюкнул?

До рассветного сафари три часа. Вилла полупустая, рейнджеры седьмой сон видят. Кто хрюкнул, спрашиваю.

За стеклянной дверью — пара кабанов у подсвеченного бассейна. Пришли на водопой.

Хрю. Хрю-хрю-хрю. Мы твоя совесть.

Ложусь-ложусь. Разлогинился. Хотя бы одного слона утром покажите, а?

Мое поздравительное СМС Игорю летит из Шереметьево.

СМС от Магди ловит меня в Стокгольме: «Мы отменили сет — у Игоря день рождения, у меня музыка не в формате».

М-м-м, я приглашал Магди играть два месяца подряд — у него дел по горло в «Солянке» после открытия, — насилу договорились. Теперь он доехал до «Икры» с сумкой пластинок, как договаривались, поздравил Игоря, посмотрел на застолье и, получается, развернулся. Неловко.

Два приятнейших в городе человека — совпадения форматов это еще вовсе не предполагает. Почему, черт возьми? Я слишком всеяден? Слишком наивен?

Почему я забраковал название резиденции — «Японец поклоняется гипнотической жабе»?

Бонвиван Дима, музыкант, диджей, мечта светских школьников, — сник, и сник еще больше, увидев, как на его первый сет пришло от силы человек двадцать. Сет в воскресенье, день не клубный, это понятно. Но чудаковатых, смешно стриженных мальчиков и девочек, которые хвостом перемещаются за Японцем из студенческого «Культа» в студенческий же «Кризис жанра», — Японец в «Икре» не убедил. Почему?

Пойду подумаю над этим в Allmänna Galleriet. Там красный бархат на белом кафеле, там студенты в арафатках, медиапиджаки от J.Lindeberg и маргинальные пиджаки от J.Lindeberg-плюс-арафатки мирно надираются вместе под The Knife. Почему у них тут все совпадает?

Слева направо на ВИПе: съемочная группа завораживающего фильма «Ты, живущий!» (жаль, Рой Андерсон не в Москве), советник по культуре Лена, кинодеятель Сэм и три уважаемые бороды: Стивен Стейплтон, Дэвид

Тибет и отец Косьма. Бороды едят борщ. Шведы пьют шампанское.

Скромник Йенс Лекман, в пиджаке с чужого плеча, окружен оркестриком из красавиц шведок. В джазе только девушки, понятно и убедительно. Когда они закончат тур с Йенсом — если он когда-нибудь закончится, пластинка-то продается на ура, — они продолжают с Фридой Хювёнен. Спрос на белокурых шведских барабанщиц-басисток будет вечным, простите за трюизм. Впрочем, это ведь не я, а вот он, что на сцене, заметил:

*When people think of Sweden
I think they have the wrong idea,
Like Cliff Richards who thought
It was just porn and gonorrhea.*

Сегодня Швеция — вот это облако в штанах, мягкотелые рулады, инфантильное крунерство. Спасибо сонному гётеборгскому пригороду за этого парня. И посольству спасибо, конечно: без них мы и половины шведского десанта не осилили бы. Кристоффер, саундпродюсер The Knife, замечает за соседним столиком отца Косьму. Одобрительно трясет головой: молоток святой отец. Святому отцу и его английским спутникам меж тем шведская патока к борщу не очень — но этикет обязывает: слушают.

— Скажи, — перекрикивает Лекмана Тибет, — как Laibach у вас на прошлой неделе прошел?

Ну, как прошел. Покладистый Яни Новак увидел сцену и прикрыл глаза рукой: страшная теснота, барабанщиц пришлось ставить на сабвуферы. Солист Милан Фрас накричал после концерта на девочку тур-менеджера: она его ужинать за общий стол с группой пригласила, как менеджер группы велел, — а он один в примерке хотел. Девочка — в слезы, группа — «Хотим гулять», она им: «Сегодня воскресенье, только China Town в «Пробке» на весь город», они ей: «У нас только одному человеку это может быть интересно, и, раз все так плохо, почему у нас в гостинице в каждом номере по фото вашего патриарха?» Почему-почему, потому что гостиница московской патриархии. Девочка, что ли, виновата, что в десятиmillionной столице гостиниц — как в затрапезной американской дыре, и все они забронированы на месяцы вперед?

Программа тяжелая: Laibach национальные гимны перепевает — на второй концерт никто из фанов, посетивших первый, не вернулся. Группа еще и на концерте в Питере настояла, а проще взять пачку наличных и смыть в унитаз, чем пытаться отбить вложенное в Питере. Баварская агентесса проговорила, что Милан подумывает уйти из группы: похоже, новое словенское искусство мы поймали в не лучшую для него минуту. И денег потеряли (отдельное спасибо Петербургу) — столько, что на нескольких Лекманов хватило бы. Времена, когда Игорь заслуженно гордился очередями на Laibach в «Горбушке», к сожалению, прошли.

Как-то так. Пытаюсь опускать деликатные подробности, пересказываю Тибету сухой остаток: ну, прошел. Тибет понимающе кивает и теребит подбородок. Он хорошо читает между строк. С Nurse With Wound, которых мы получили с его легкой руки и с которыми он вызвался выйти на сцену предводителем, все, конечно, будет по-другому. За полгода Тибет представил нас со Стефеном О'Малли из Sunn O))), порекомендовал вечно занятым Matmos, стал нашей доброй феей — и я стараюсь не дергать его по пустякам, но в конце концов нет-нет да и набираю в ночи, когда не удастся достучаться до Марка Алмонда, и тогда Дэвид отвечает: «Извини, я сейчас вытаскиваю друга из полицейского участка, сильно занят, но я обязательно позвоню завтра Марку или спрошу у Энди Белла из Erasure, он как раз рядом с нами купил дом». И после этого, между борщом и бефстрогановом, он теперь интересуется, не должен ли нам денег за клубную карту, которую попросил сделать для отца Косьмы. Я теряю контроль и возмущенно прикрикиваю: «Дэвид, да как тебе это в голову могло прийти!» Мы верим друг другу, а публика верит аббревиатуре NWW: зал почти распродан до концерта.

— *If I am your psychologist,*

Who would be the psychologist's psychologist? —

нежно вопрошает со сцены Лекман.

Психолог мне бы на этой неделе не помешал. Но не Дэвиду же, не советнику по культуре Лене и не операторам Роя Андерсона рассказывать, как вчера я протянул

бутылку водки японскому саксофонисту, а у него на глазах выступили слезы.

Саксофонист, чьего имени мы так никогда и не узнали, прилетел в Москву с безумным японским оркестром Shibusashirazu. В оркестре — под тридцать человек, включая танцоров будто, художников, бэк-вокалисток и убеленного сединами продюсера Теруто-сана. Теруто-сан водил меня когда-то в токийский Pit Inn на лютый фри-джаз, показывал подпольные музыкальные магазины на Шиндзюку, где пирсингованные продавцы кланялись ему в пол, и, невзирая на годы и статус, лихо выпивал с нами sake. В зеленом театре парка Уено, громаде на берегу извилистого пруда, Теруто-сан показал мне Shibusashirazu, всамделишную, заблудившуюся во времени курехинщину, ради одной которой стоило долететь до Токио.

В Россию, что неудивительно, их начал возить высоколбый центр «Дом». У него мы ничтоже сумняшеся и приняли эстафету. Японцы, организованные, как солдаты, оккупировали клуб с самого утра, муравейником окружили сцену и радостно приветствовали подельников, летевших в Москву другими рейсами и добравшихся в клуб поодиночке. Саксофониста никто не заметил: он прилетел из Парижа, понял, что до саундчека еще долго, и отправился по окрестностям — мимо богемного «Газгольдера», мимо пункта приема бездомных, мимо турецкого дайнера с пахучей шаурмой и шеренгой нищих — в не менее пахучую трубу подземного перехода. Там-то ему коротко стриженные молодые люди по голове и дали.

Все это загудевший муравейник впопыхах поведал нам на ломаном английском. Голова в крови, губу незадачливому туристу разбили, но, к счастью, не порвали — он даже умудрился выйти с саксофоном на сцену. Я попросил верного Женю Малыша из клуба музыкантов одних не выпускать: «плиз, вейт э секунд» — и звать кого-нибудь из нас. Да оркестранты и не стремились после этого на улицу.

Я просто поймал его после концерта по дороге в автобус и, пробормотав что-то про хороших-людей-все-равно-больше, протянул бутылку водки. Ничего лучше мне

в голову не пришло. А он недоверчиво взял бутылку и заплакал. Молча.

Нет, проговорился я сегодня Лекману и Лекмановым девушкам за завтраком в ГУМе — не будь у вас все блондинами, я внимательнее смотрел бы по сторонам. Неблондинам, небледнолицым, всем прочим «не-» в городе стоит быть внимательными. Здесь совсем немножко бьют ногами на улицах, если не повезет. Здесь совсем слегка висят портреты патриарха в гостиницах и на дорожных щитах. Здесь совсем чуть-чуть никогда и никому не бывает стыдно. Поэтому не будем портить настроение — капучино, американский или черный, девушки?

— Я хотел бы получить такую экскурсию где-нибудь в Кливленде, — сказал задумчиво Йенс.

Йенс, как и положено жителю шведского пригорода, бредит Америкой. Он проехал ее вдоль и поперек. Когда сегодня, въезжая в клуб с заднего двора, мы распугали у мусорных баков стаю помоечных кошек и я приготовился шутить шутки, Йенс обрадованно воскликнул:

— Да у вас тут Нью-Йорк?

— Эль-Баррио, куда уж там.

— Это где, в Нью-Йорке? Я там не был.

— Ты ничего не потерял, Йенс.

Вчера, оттабанив «Big City Life» в полупустом зале (никогда не верьте радиочартам), Mattafix просидели в этом дворе четверть часа. Сидели в автобусе с забаррикадированными окнами: пахло из контейнеров совсем не розами. Волшебная Анечка юлой носилась по клубу в поисках потерянного ключа от ворот. Поднимала всю охрану на уши, притопывала на бессовестных кошек, выводила за ухо из автобуса непрошенных журналистов, лучезарно улыбалась возмущенной группе и считала минуты до отправления питерского поезда.

На поезд герои радиочартов каким-то чудом успели, а Анечка в очередной раз заявила, что работать в клубе «Икра» хелпером ей в разы интереснее, чем двадцать восьмым ассистентом бизнесмена Дерипаски. Она тайком ксерокопирует и приносит мне записки управляющего, Андрея Геннадьевича, адресованные завскладом Нине Андреевне.

«Нина, нужно срочно найти костный мозг!» — этот факт вмешательства в чужую личную переписку с Аниной легкой руки висит у меня на стене. В рамочке, рядом с дружеским росчерком на объявлении: «Amon Tobin. Sold out».

С Дерипаской у Ани, по-моему, все равно бы не сложилось, а мы нашли друг друга — у Курского вокзала, расшутивая кошек и знакомя Йенса Лекмана со Стивеном Стейплтоном.

Борщ у Nurse With Wound кончился. Стейплтон и Тибет рассматривают гостиничные карточки: не пора ли нам пора — завтра полдня собирать сцену. Размах нешуточный: у Стейплтона в райдере детский велосипед с резиновым гудком в диаметре не меньше 5 сантиметров. Что он с ним будет делать? Что будет делать Тибет, не выступавший с NWW бог знает сколько лет? Мы с головой в завтрашнем дне.

Лекмановы девушки меж тем пробегают последние арпеджио на «Tram №7 to Heaven». Зал затянут первосортной инди-патокой, как сладкой ватой. Я буду удивлен, если никто из этих людей внизу, под ВИП-балконом, сегодня не надумал пожениться.

— Аня отвезет вас в гостиницу, — начинаю прощаться с бородатым столиком. Прощаться-то ненадолго.

— Как вам соотечественник? — это шведскому кино-столику. Киношведы счастливы.

Мне по душе эти странные пересечения. Я больше не волнуюсь, как год назад, когда с Current 93 и Six Organs of Admittance в клубе одновременно оказались Prodigy, а отец Косьма бегал по Красной площади в поисках потерявшегося барабанщика C93. Барабанщики найдутся, саксофонистов утешим, на Laibach пожалуемся, саундпродюсера The Knife Криса с Nurse With Wound сейчас познакомим — мы за неделю пережили в этой ветшающей пристройке к депо без малого пять гениальных групп. Шестая — завтра. Каждой хватило бы как саундтрека к моему персональному комнатному счастью.

И Лекман в своей смешной пиджачной паре — наш с Анечкой кумир на сегодня. А потом будет завтра.

«Завтра» начнется через час. Крис достает оранжевые наушники и отправляется играть диджей-сет, Аня уезжает

в гостиницу (с кем из групп и в какую — убей, не вспомню), я морщусь от гнилого душка, влетающего в окно со двора, и быстро проверяю почту в офисе.

В почте — не завтра и не послезавтра, ох, как тут все интересно. Похоже, в нашем Эль-Баррио все правильно работает:

*From
To
Date
Subject*

*Faust
ikraclub@gmail.com
29 September 2007 23:37
faust in moscow*

Здравствуйте,

я — Жан-Эрве Перон из группы Faust.

Я узнал, что завтра у вас играют Nurse With Wound.

Хотел поинтересоваться, не будет ли вам интересно сделать в клубе «Икра» концерт группы Faust. Возможно, вы слышали о такой.

*С уважением,
Жан-Эрве Перон*

— Григорий, а вы не могли бы подойти к Оксаночке и сказать ей, что, когда я на пальцах показываю вот так — Ленина ладошка висит в воздухе горизонтально, — это значит, не пускаем, когда вот так — Лена поднимает ладонь пальцами вверх, — пускаем. Что-то она меня не понимает, уж и не знаю, как ей объяснить.

Охранник Оксаночка, кандидат в мастера по дзюдо, — пунцует. Похоже, с удовольствием применила бы к Лене какой-нибудь прием.

Город уверен, что фейсконтрольщик, простите за слово-гримасу, — почетная творческая миссия. На самом же деле фейсконтроль, в том чванно-вахтерском виде, в каком он прижился в городе, больше соответствует работе ассенизатора-копрофага. Фейсконтрольщика в строгом понимании слова, незаметного человечка, что болтается где-то

сбоку массивных охранников, — у нас нет. У нас и массивных охранников — только Женя Малыш. Девушки-охранники на входе смотрятся куда как лучше. Мужчины-охранники их на экране из соседней комнаты наблюдают: туда приходит картинка со всех клубных камер. Не хочу получить на входе закомплексованного юнца, который вместо «здрас-те» будет отплеываться: «Я здесь ничего не решаю». Охраняемых складов Moët Chandon с супермоделями из Астрахани и «Землей в иллюминаторе» в ремиксе — к счастью, хватает без нас. Подвалов с нервными ночными жителями на взводе — не дай бог, чужой! — тоже достаточно. Никогда не стремились разбавить компанию.

Но русская красавица Лена — глаза-блюдца, пышная русая шевелюра — ночью, после концерта, садится на барный стул у кассы и нежнейшим образом предлагает гражданам пройти в кафе вместо танцпола, вернуться завтра, не расстраиваться из-за того, что клуб закрыт на частную вечеринку. Врет напропалую в интересах партии и правительства. От силы процентам пяти населения. Лицо клуба.

Красавица Лена не фейсконтрольщик. Красавица Лена — ночной санитар леса. Тормозит сограждан, если уверена: девочки встанут кружком, поставят сумочки в центр, а мальчики станут присвистывать и кричать: «Опа-опа-опа-па!» Тормозит, если видит разворачивающиеся веером пальцы: «Да ты знаешь, кто я?» — в обязательном порядке, по моей скромной просьбе, без деления на надравшихся милиционеров в штатском и примелькавшихся клубных деятелей.

И ничего более. Мы два раза сходили в соседний пивбар «Кружка». Дефилировали медленно между столиков, облюбованных студентами технологического колледжа, щебетали о природе о погоде, вертели головой по сторонам. Лена — отличница на своем юрфаке — успокаивающе сказала: «Я все поняла! Такого не будет». Поняла действительно. Перевоспитание технологического колледжа даже нам, демократам, не под силу: пока будем перевоспитывать, распугаем привычные МГУ и МГИМО. Мы не республика ШКИД.

Лена — талант, у нас после Светочки и Анечки другие на входе и не работали. Юный ветеран, провела на представительском барном стуле год.

И что получилось? Технологический колледж Лену медленно, но верно побеждает.

— Проходим, молодые люди.

— На шаг назад отходим!

— Сдачу готовьте: в кассе сдачи нет!

— Григорий, а не могли бы вы подойти к Оксаночке и сказать ей?..

Почему года оказывается достаточно, чтобы превратить обаятельную девочку в вахтенного, а двух девочек — в клубок целующихся змей?

— Слушай, поднимись наверх: она закрыла лицо руками и убежала со сцены — что-то не так.

Если посреди концерта в трубке можно расслышать звукорежиссера, значит, точно что-то не так: в зале тишина. Клавишник Эдди, добавляет звукореж, сказал в микрофон, что группа скоро вернется. С чего бы молчун Эдди слово взял?

Только бы она убежала переодеваться. Или разозлилась на нахального фотографа — вывели бы на раз. Или звуковой сигнал со сцены потерялся — неприятно, но восполнимо. В зале семьсот человек, все билеты проданы бог знает когда и бог знает за какие деньги, список обиженных звонивших друзей и знакомых мог бы стать гостевым, но гостевого списка нет и не будет, все билеты проданы. Ее концерт стоит слишком дорого.

А она лежит на полу в примерке, застеленной в честь ее приезда ковром. И я не вижу, как она там лежит.

— Она не может продолжать, — качает головой менеджер Грэхэм. Он мрачнее ночи.

Не надо прикрывать от меня дверь в примерку, нет у меня привычки ломиться, куда не приглашали.

— Зал будет ждать столько, сколько понадобится. Если нужно, мы немедленно вызовем врача. Что случилось?

— Похоже, у нее разбита надбровная кость.

— Как?

— Ударилась головой о стул.

— О господи! (Как можно удариться головой о стул?)

— Врача, пожалуйста, вызывайте срочно. Залу ждать нечего.

— Анечка, 03, пожалуйста, только не с мобильного, так не дозвонишься, с городского! У нас травма головы. (Как можно удариться головой о стул?!) Извините, как можно удариться головой о стул?

— Она в следующей песне сидит на стуле, — мрачно басит Грэхэм. — Техник его поставил.

— Притуши свет на сцене, — прошу по телефону световика.

— Группу от сцены в гримерку сопроводите, им то же самое скажите: ждать нечего! — менеджер Грэхэм по-прежнему прикрывает гримерку дверью.

— Знаешь что, давай мы подождем врача. Выйдем с тобой на сцену и объясним, что произошло, — пальцы не попадают в кнопки. — Сергей! Дай фоновую музыку, пожалуйста, тянем время. Ничего не понятно пока. Нет, я ее не видел. Похоже, плохо. Секунду, у меня вторая линия. Да, Игорь! Форс-мажор, похоже на отмену. Травма головы. О стул ударились. Я за ней, что ли, со стулом бегал, откуда я знаю? Ее же техник к следующему номеру стул поставил. Лежит на полу, с ней девушка-ассистент. Нет, внутрь не заходил. Я застал начало концерта полчаса назад, отлучился на вход. Да, полчаса где-то отыграла. Если бы полконцерта, у меня сет-лист перед глазами, у нее еще час впереди, все хиты остались. Если ты не против, мы время потянем, чтобы сообщить залу уже после приезда скорой.

— Сюда, пожалуйста, — Анечка умудрилась вызвонить скорую в спринтерские сроки, не прошло и десяти минут.

— И вот я тебе, Марина, говорю, для похудания моя свекровь этот чай пила-пила, и хоть бы на чуточку для похудания этот чай ей, а так-то что, Марин... — Женщины в синей униформе топают по лестнице в гримерку; их вели через кухню, через зал не пробиться, и там свистят, продолжения требуют, беспокойно в зале. — Где больная?

Переведи нам, — Грэхэм распахивает дверь.

Ройшн Мерфи лежит на полу без движения.

Как и предупреждали.

Глаз залит кровью, бровь рассечена.

Марина и вторая, про чай для похудения, невозможно достают спирт и скручивают тампон.

Ройшн молчит.

— Бумажные швы, — в присутствии Ройшн Грэхэм начинает волноваться. — Спроси у них, могут ли они наложить бумажные швы, такие, которые потом рассасываются без следа?

Ройшн молчит.

Голос, раз и навсегда вошедший в историю с «Sing it Back», голос, вдохновивший великого и ужасного Мэтью Херберта на запись целой пластинки, голос, только что нагора выдавший пять (или все-таки четыре?) безупречных диско-боевиков, молчит.

Ройшн Мерфи, самая дорогая артистка в истории клуба «Икра», только что разбила на его сцене надбровную кость. Если бы это случилось за сценой и не на глазах у всех, нам бы сейчас переломали все кости. Впрочем, похоже, это и так впереди.

— Марин, посмотри, — женщина в синем спокойна как удав: до реанимации тут далеко. — Ничего она не разбила. Ушиб сильный, сосудов здесь много. Шрам будет на брови, волосы на этом месте не будут расти, а так — с костью все хорошо. Пять сантиметров ниже — потеряла бы глаз. А так — ушиб сильный.

Ройшн Мерфи или посудомойка с кухни — шрам на лице у девочки, как об этом можно подумать! Это Гудзь бы не заметил и пошел играть дальше.

— Бу-маж-ны-е швы! — Грэхэм беспомощно повторяет по слогам. Ему кажется, что я его не понимаю и не перевожу.

— Ну какие еще бумажные, — скорая помощь в полном адеквате. — Если она хочет, чтобы шрама не было, нечего тратить время, надо ехать в больницу. А то часа через три все начнет стягиваться. Вот Боткинская шьет более-менее, они иностранцев принимают. Если дадут туда место, — Марина начинает звонить.

— Грэхэм, ты готов сейчас выйти на сцену? Они еще минуту будут звонить в больницу.

— Быстро только.

— Сережа, — говорю в трубку, — выключи музыку, махни световику, если успеешь, мы поднимаемся по лестнице, менеджер объявит об отмене концерта.

— Dear friends! As a manager of artist I'm sorry to tell you that Roisin Murphy seriously hurt herself and can't continue with the performance. Right now she's being transported to the hospital. We hope that she'll get well soon and we can get back and perform.

— Дорогие друзья! Менеджер артистки с сожалением сообщает, что Ройшин Мерфи получила серьезную травму и не сможет продолжить концерт. В эти минуты она отправляется в больницу. Мы надеемся, что она скоро поправится и сможет вернуться к нам.

Свист, вой, улюлюканье.

— В дурку ее! — кричит галерка.

— They wish her best of health! — перевожу.

— Thank you! — кивает Грэхэм.

Сцена гаснет. Тек-хаус заглушает растерянный гул: что дальше-то делать на концерте, которого не будет?

— Тут уже двое на входе кричат, что это не их проблема и если артист на ногах не стоит, то деньги назад, звонит Лена. — Здесь действительно все плохо, мы пытались с ними говорить, но в итоге пришлось спрятаться к охране.

Игорь отправляется воевать на вход.

Ройшин встает сама, молча натягивает на голову капюшон, знакомым маршрутом, через кухню, расшутивая испуганных официанток, мы с Грэхэмом выводим ее к карете скорой. Капюшон на голове — защита надежнее самого мощного секьюрити. Оживленный муравейник на входе на нашу скучную процессию — два мужика и кто-то мелкий между ними — ноль внимания. Только когда Марина и вторая, про чай для похудения, открывают перед нами дверь скорой, нас замечают и из толпы летит робкое:

— Пусть поправляется!

Спасибо, что не надо мухлевать с переводом.

В карете скорой темно. Мы с Грэхэмом, не сговариваясь, роемся в интернете в расписании рейсов на Лондон. «Аэрофлот», «Трансаэро», British — ей немедленно нужен

пластический хирург, о шраме не может быть и речи. Грэхэм диктует трэвел-агенту номер банковской карты.

— Нет, Марина, — тихо-тихо доносится с переднего сидения. — Никакого толку от этого чая для похудания.

Ройшн лежит без движения.

— Здравствуйте, — раздается в трубке. — Я консул Ирландии. Я хотел бы узнать, в каком она состоянии? Могу ли я чем-то помочь?

Времени два часа ночи вообще-то.

Консула Ирландии я понимаю. Когда много лет назад я летел в Лондон делать интервью с ее группой Moloko, плюгавый человечек на паспортном контроле спросил: «Цель визита?» — и, почесав волосатое ухо, сказал: «А, та самая ирландская девочка!» Ройшн, сколько бы ни прожила в Лондоне, для Ирландии не просто так девочка.

Пока я пересказываю консулу про стул, бумажные швы и рейс «Аэрофлота» через шесть часов, машина тормозит, пара санитаров хватает каталку Ройшн, ввозит в приемный покой Боткинской и паркует рядом с каталкой старушки в цветастом халате.

— Господя! — причитает старушка.

Ловлю взгляд Грэхэма: он хотел сказать то же самое.

Обещаю консулу перезвонить. Две минуты, пять, десять: «Ожидайте», — повторяет женщина-робот в приемном покое. «Господя!» — тихо скрипит старушка.

У врача лицо Бориса Карлова. Наклоняется над Ройшн, и это лицо быстро приводит ее в сознание: от неожиданности Ройшн садится на каталке.

— Сошьем, но за результат не поручусь. У вас есть еще несколько часов, пока рана не стянется. Хотите — отвезите в Американский центр, все иностранцы от нас туда уезжают.

И переключается на старушку.

Вызываю машину из Американского центра и свободной рукой подписываю отказ от госпитализации, распишусь: «Roisin Murphy» — и пытаюсь улыбнуться пришедшей в сознание Ройшн:

— Машина вот-вот будет. Там хорошая клиника. Самолет через пять часов, Грэхэм договаривается о времени у врача завтра в Лондоне. Я страшно сожалею, что так получилось. И что так получилось в Москве.

— Дай сигарету, — протягивает руку Ройшн.

Отъезжаем всей компанией с каталкой на пять метров, на улицу. Ройшн затягивается.

— Да это где угодно могло произойти, при чем здесь Москва. Публика здесь хорошая. Только чтобы шрама не было — нельзя, чтобы шрам остался, зараза. Это наша машина подъезжает?

Грэхэм отрывается от телефона и распахивает перед Ройшн дверь.

В Американском центре (небо и земля!), пока я пытаюсь сварить для Ройшн кофе, уверенный доктор Алексеев (привет Василию Шумову) рассуждает на хорошем английском:

— Кто вам сказал, что завтра будет поздно сшивать? Глупости. Рана неглубокая, сейчас мы ее обработаем, зафиксируем, а завтра — уже сегодня — встретитесь со своим пластическим хирургом.

— У меня никогда не было пластического хирурга, — слышу я смущенную Ройшн.

— Вы, главное, не волнуйтесь — мы все, что нужно, сейчас сделаем и для страховки вам документ напишем. Пойдемте потихоньку в кабинет, а кофе ваш друг вам туда, надеюсь, принесет.

— Только чтобы шрама не было, я артист, мне никак нельзя, чтобы шрам остался, — покорно кивает за ним Ройшн.

Девочка. Девочка.

С утра она запустила мне пальцы в волосы и, мурлыкая на мотив «Теперь я Чебурашка», поинтересовалась: «А где Моёт Chandon? В клубе? А можно, пожалуйста, найти еще бутылку до приезда в клуб?» Носилась за клавишником Эдди вокруг Сашиного автобуса: в салки они, что ли, играли. Случись обычный концерт, расстались бы друзьями и не скучали друг о друге до следующего.

— Ну вот и все, — бодро вещает доктор Алексеев; вся компания возвращается из кабинета через десять минут, на брови у Ройшн пластырь. — Вы не могли бы задержаться на полчаса, пока ваша знакомая будет отдыхать в гостинице? Здесь помощь с переводом для оформления страховки понадобится, — это он мне.

Ройшн с Грэхэмом курят по последней сигарете и уезжают в «Президент».

— Чай? Кофе? Точно не хотите? — доктор проводит меня пустынным коридором, время — полчетвертого ночи; включает компьютер и картинно заносит руки над клавиатурой. — Итак! Во время выступления, верно? During the act of performance Roisin Murphy — какие у нее паспортные данные, подскажите, пожалуйста? — occasionally struck herself — или можно без «herself», а впрочем, нет, нормально — struck her head, вот, against the chair...

Я забираю бумагу с двумя печатями жутко официального вида, жму руку доктору Алексееву и прошу водителя остановиться у ближайшего цветочного ларька на Садовом. Глупость, наверно, но я хочу купить ей букет цветов — и у меня есть еще полчаса до выезда в аэропорт, пока она лежит в своем мрачном съюте в «Президенте».

— Да, господин консул. Спасибо, что звоните, уже лучше. Летит утренним «Аэрофлотом» через три часа. Менеджмент договорился о приеме у пластического хирурга сегодня после обеда. Большое спасибо вам и доброй ночи.

— Да, вот такие розы, как под лампочкой, хорошо, — переключаюсь на заспанную продавщицу в ларьке. — Пятнадцать, пожалуйста.

Владелец вызвал Игоря: что у вас там творится, один концерт дороже другого. Игорь ему: как иначе ты думал растить клуб? Вот откроем сейчас Нижний, потом Питер, будем первой клубной сетью в стране, прибыль с лихвой покроет издержки. А владелец свое — никакой сети, Москву сначала в порядок приведите, то Laibach у вас убыточный, то дорогушая артистка головой об стул бьется, и вообще, не много ли экспериментов? Игорь опять: Москва работает на пределе возможностей, в этих стенах ресурс скоро выработаем, пора на более крупную площадку переезжать. Давно пора. Владелец в ответ: не вижу смысла. А Игорь: ну раз так, я пошел. На что владелец: не смею задерживать.

— Поговорили о бабах и разошлись, — подытоживает Игорь и допивает капучино. — В общем, я через месяц

начинаю заниматься собственным проектом. Сеть будем строить сами. Если хочешь — присоединяйся.

Я в прострации лезу в сумку за ежегодником — у нас дальше Амон Тобин, Faust, Broken Social Scene: их, похоже, я буду доделывать один. Доделаю и повторяю, не в этом проблема. Но планы на захватывающее будущее, похоже, сворачиваются до стабильного настоящего.

Что еще за тряпки у меня в сумке. Вот черт. Окровавленное полотенце — ремайндер о вчерашнем концерте. Тоже мне туринская плащаница.

С Mono нас свел звукорежиссер Psychic TV, голландец Матски. Эпическая гитарная тянучка, которая десять лет назад называлась бы построком: на такое всегда находятся охотники, да и, справедливости ради, тянучка у Mono — первосортная.

Матски десять раз предупредил, что группа — милейшая в обращении, только обычный ритуал — прилет-встреча-чек-концерт-ужин-проводы-вылет — должен происходить минута в минуту. Проходили: Япония.

Прилет-встречу-чек-концерт-ужин волшебная Анечка сдирижировала секунда в секунду, водитель Саша из Херсона в ее руках — сама пунктуальность. Я поклонился в пояс гитаристу Така-сану, пообщался о природе и погоде, отсмотрел полчаса концерта и вернулся в почтовый ящик воевать с группой Faust, они требуют на сцене всамделишного сварщика — не бывать этому, сгорим так к бабушке.

Концерт кончился час или полтора часа назад.

— У нас проблемы, — просовывает голову в дверь Анечка. — Машины нет: Саша уехал и вернется только минут через сорок.

И тут Аня прыскает.

— А что смешного-то? И чего ему вздумалось уезжать, если ты расписание дала?

— Смотри, он стоял на улице, все по плану. Ему стучат, он открывает — там три пьяных финна, на концерте у нас были, очевидно. Ну, он от нас все время финнов навеселе возит, так и тут решил, что это тоже музыканты,

и спросил: «В гостиницу?» Они и сказали — да, в гостиницу. И уехали с ним куда-то. Он решил, что на этом поездка закончена, и поехал дальше домой в Королев. Японцы там сидят в примерке в прострации — я попыталась им объяснить, но у них от этого, кажется, совсем в головах процессоры зависли.

Аня не выдерживает и начинает хохотать. Я за ней — простите, Така-сан. Пальцы не попадают в кнопки на новом айфоне.

— Саша! — нежно говорю я телефонной трубке. Сколько раз, екарный бабай, мы будем это проходить?

— Да знаю я уже, — бурчит трубка. — Мне девушка твоя пять раз позвонила. Откуда мне догадаться, что эти финны — не для перевозки. Сказали, в отель. Что я, по-фински, что ли, не понимаю?!

Когда Юля Юденич показала мне эти фотографии, я поежился. Линолеум драный, мебель какая-то тридцатых годов, стены выкрашены в цвет детской неожиданности. Не знаю, кто ей этот детский дом в Тульской области присоветовал, — но она туда съездила раз, другой, потом подхватила свободный четверг в расписании, обзвонила, кажется, всех диджеев в городе, от олдскульного Фиша до домашнего Тима Сводника, собрала расписание на двенадцать часов и на три зала — такого лайн-апа я не видел никогда, и не только я. Благотворительная вечеринка, все деньги — в помощь детскому дому в селе Обидимо. Ругались до посинения из-за рекламной кампании: Юля, рассудив, что пиариться на благотворительности некрасиво, решила указывать в рекламе только адрес клуба, не называя его имени, — я шумел, что так никто нас сто лет не найдет, не победил, махнул рукой. Все равно Юля правильное дело делает.

Я на вечеринку не остался, спешил на самолет. Юля вызвонила меня по возвращении — еще у трапа.

— Ты знаешь, что половину куба с деньгами выгребли охранники? Я просто в шоке.

— Погоди, ты уверена, что это охранники?

— А кто еще? Он около их поста стоит, взломать замок так, чтобы охрана не заметила, невозможно.

Хм, логично.

— Я в шоке, в шоке, в шоке, слышишь меня?!

— Юль, я из самолета ничем не смогу помочь, приеду — займусь, правда!

Захожу в клуб — действительно. В прозрачном кубе — все больше десятки, пятидесятки, сотенные. Бирюзы тысячных и болотной тины долларов всего-то ничего, а я именно по этим цветам Юлин куб запомнил.

— Да уж, поменялась цветовая гамма, — возмущенно хмыкает кассир Оля.

Куб рядом с кассой стоит, она его каждый день через окошко видит.

Сергеи Ивановичи обещают разобраться: служба собственной безопасности всегда к нашим услугам.

Я только одного не могу взять в толк. Пусть затея с детским домом не моя, Юлина, от начала и до конца, пусть я не мать Тереза — но у меня от этой истории волосы дыбом встают. Где и когда, в какой стране и кому придет в голову воровать у сиротского приюта? До какой степени одичания нужно дойти, чтобы осторожно взломать в ночи замок, прихватить оттуда купюры покрупнее и поставить его назад как ни в чем не бывало? Ошибиться, не понять, для чего куб предназначен, невозможно: большими буквами на нем написано. Мы каждый день здороваемся с тем, кто мог это сделать. Я не был в диких племенах, не знаю — может быть, случай не уникален и я зря развожу руками. Я знаю одну-единственную страну, где воровать у нищих детей — пустяки, дело житейское.

От нее пахнет.

Сергеи Ивановичи сделали свое дело: чудесным образом охрана нашла деньги, вывалившиеся из запаянного куба. За занавеску закатились.

Приказ по клубу «Икра» № 17/28

Гл. инженеру Старикову А.М. обеспечить выполнение сварочных работ в большом зале во время концерта группы Faust.

Арт-директору Гольденцвайгу Г.Д. обеспечить надлежащий контроль за своевременным принятием противопожарных мер во время концерта группы Faust.

*Арт-директор
Гольденцвайг Г.Д.*

6 декабря 2007 года

Приказ — новый для меня жанр. Возник по требованию седенького главного инженера. Александр Михайлович, в отличие от нас, сумасшедших, не хочет отвечать за прыгнувшую под сцену искру и последующий пожар. Без приказа — ни в какую.

Александра Михайловича я искушал неделю — где еще мне найти ответственного сварщика? Без местных сварщиков и скульптора группа выступать отказывается. Со скульптором было проще. Художник Олейников позвал приятеля мы водрузили его вместе с незавершенной каменной головой на подиум в центре зала: скульптор готов к работе Бетономешалку с меня ростом и три листа гофрированного железа звукорежиссеры выпросили на какой-то стройке. Не отмывая и не сметая бетонную пыль, отправили трофеи на сцену.

К приему артиста готовы.

Чего еще ожидать от группы, которая способна называть альбом «Фауст будит Носферату»? Седина в бороду, бей в ребро. Неугомонные немецкие экспериментаторы — это для их технократичных проказ сложили слово «краут-рок» — собрались в тур. В оранжевом зале сидят взлохмаченный похожий на гнома басист Жан-Эрве Перон и дородный ударник Заппи Дирмайер.

— Ты за сварку не волнуйся. — Заппи мизинцем открывает пивную банку. — Мы тридцать лет уже свариваем, ни одного пожара.

Интересно, сколько промоутеров за тридцать лет, узнав про сварку, отменили концерты Faust — как на прошлой неделе мой испугавшийся коллега из Стокгольма.

— С чего бы мне волноваться? — говорю я вслух.

— Вот это правильно! Объявление на русском перед концертом, — Жан-Эрве жует жареную картошку, — должно быть пугающим. В меру, так, чтобы люди не ушли. Предупреждаем о рисках, которые вы принимаете, посещая концерт Faust. Напоминаем, что смотреть на сварочные работы опасно для здоровья. Напоминаем, что находиться вблизи от рабочего места скульптора опасно для лиц, страдающих астмой.

Больше всех испуган пока главный инженер Александр Михайлович. Он обложил весь зал по периметру мокрыми тряпками — со сварщиком, скульптором и пыльной бетономешалкой тряпки сочетаются прекрасно.

Сотрудники немецкого Гёте-центра (спасибо, Нико, ты положил начало нашей дружбе!) бродят между столом скульптора, бетономешалкой и тряпками, одобрительно качают головами. Убедительная инсталляция получилась у главного инженера и отцов краут-рока.

Перон взлохмачивает волосы (так на моей памяти делала Алла Пугачева, с той разницей, что у нее не было бороды) и показывает из-за сцены указательный палец: минутная готовность.

Объявление.

— Дамы и господа! Предупреждаем о рисках, которые вы принимаете, посещая концерт Faust...

Грузный Заппи забирается на подиум, усаживается за барабанную установку. Приглашенная звезда Джеральдин Суэйн, украшение группы Gallon Drunk, выдувает на дудочке нежное в ля-миноре. Перон-Пугачева вылетает на сцену с твердым намерением что-нибудь порушить. Раскручивает бетономешалку — та продолжает по инерции крутиться с макабрическим грохотом. Шарахает о железный лист — у меня закладывает уши. Толкает с разбегу Джеральдин. Хватает гитару, пробегает несколько минут мрачайших пассажей — я силюсь заглянуть в сет-лист и ничего не вижу: сцену заволокла пыль из бетономешалки.

Безумный профессор — беспроегрышное амплуа. По убедительности идет где-то после роковой блондинки, соседа по лестничной клетке и детсадовца-засранца. Когда я пережил интервью с Kraftwerk, надолго впечаталось в память ощущение от разговора со стиральной машиной:

«Я стиральная машина. Я стираю. Выберите программу. Извините, вопрос не понят». Отцы были полностью погружены в свой мир, и у меня так и не хватило наглости поинтересоваться, что они там полтора часа смотрят на ноутбуке во время шоу: биржевые сводки? фото японских школьников? У Перона одержимость иного свойства — он влюблен в свою атрибутику, он, бесспорно, безумен — но, в отличие от Kraftwerk, прекрасно о своем безумии осведомлен: его и продает в неизменных толстых очках и красном пиджаке.

Я показал ему в офисе детский велосипед с гудком, оставшийся от Nurse With Wound (надо наконец отправить его в детдом), Перон посмотрел внимательно, но интереса не выказал, не его фетиш. Вот бетономешалка — это да, из нашего детства вещь, давай-ка завтра с утра съездим на эту вашу русскую стройку, посмотрим, что еще там у них есть! Съездим, конечно, Жан-Эрве, если не сгорим.

Перон хлопает в ладоши. Это значит — выход главного инженера со сварочным аппаратом. Инженер Михалыч, в маске, невозмутим, как Чикатило, вытаскивает из-под сцены железный стол. Прикладывает друг к другу две железяки.

Бж-ж-жззз!

Искры летят в толпу, в грудь первому ряду.

Первый ряд не верит. Назад отступает медленно, в прострации, толкая второй ряд. Третьему и четвертому интересно — что там. Их охотно пропускают вперед. Получив свой ворох искр, они тоже начинают отступать. Вокруг сварщика медленно ширится полоса отчуждения. Охранники ревниво стряхивают искры с пиджаков.

На лицах у всех одно: этого не может быть, потому что не может быть никогда.

Ловлю под кустистой бородой Жана-Эрве довольную улыбку.

Я едва ли запомню, о чем был этот концерт. Для меня концерт был о том, что мой стокгольмский коллега-промоутер назавтра был бы кандидатом в тюрьму. А мы завтра поедем гулять на стройку.

— Олеся, все кончилось, спокойно! Садись в вот сюда и пей этот стакан залпом.

Валерьянки я ей в спешке полпузырька туда влил.

Олеся влетела в офис в пятом часу утра, глаза навывкате, дышит как скаковая лошадь, слезы по щекам — безмолвно. Пока Алек Эмпайр уходил со сцены и махал рукой населению, накачавшийся товарищ на ВИП-балконе встал на перила и с шести метров приготовился сигануть в толпу. Это чудо, что Олеся мимо за заказом бежала. Схватила его за куртку со всей силы и дернула назад. Эмпайр на сцене ничего и не заметил.

Интересно, почему охрана заметила, уже когда клиент на балконе лежал?

Ну ничего, спокойно, ты посиди десять минут, приди в себя.

Я не я буду, если она завтра же премию не получит. Реанимация была бы с гарантией, если не хуже.

А на прошлой неделе, рассказывал Женя Малыш, на гей-вечеринке поссорились трансвестит Карина и официант Кристина. Трансвестит разбил(а) бутылку и пытал(ась) атаковать официанта розочкой. Хорошо, официант(ка) убежал(а). Или стоп: это официант у нас — Карина, а трансвестит, выходит, Кристина. Не знаешь, куда бежать из этого клуба — то ли в Склиф, то ли в Кашенко.

— Ладно, не первый — не последний. — Олеся тяжело вздыхает и уползает работать.

Никуда не бежать, все как обычно.

На чем я там остановился в почте:

— ...В ответ на ваше письмо с радостью сообщаю, что мы будем готовы оказать посильную помощь солисту группы Arctic Monkeys для съемок клипа его новой группы в Москве. Мой контактный телефон — ниже.

Новый менеджер Лика — звезда. Крупные черты лица, фигуристая, мягкий крымский говор ей идет. Перед Юлиной вечеринкой она элегантно эвакуирует набравшихся любителей Billy's Band в другой зал, так что те и не догадываются о зачистке. Лика почему-то замечает, что свечки на столах не горят, бармен, стоило отвернуться, запустил

вместо MP3-плеера свой любимый транс-диск, а вентиляция опять отключилась, — замечает какие-то скучные и банальные вещи, которых до нее не замечали ни Катя, ни Ира, ни один другой менеджер. Не в том же дело, что Лика работала в «Шестнадцати тоннах» и не раз ходила в «Шанти», не в Les Bains Douche ведь и не в Les Trois Garçons. Не менеджер — находка. Бармены и официанты ее, естественно, терпеть не могут: больше всех ей надо.

Поэтому, когда приходит СМС: «Grisha, rodnen'kii, perezvoni strochno — ochen vazhno», не улыбаюсь и перезваниваю сразу.

У Налича температура тридцать девять. Ну Алексей-то Казаков нам позвонил, пока ты в Финляндии, так и так, сказал, что не знает, будет ли концерт, а концерт завтра: все билеты, ты ведь знаешь, две недели как проданы. Что же делать, Гриша, родненький?

Информативно, несмотря на уменьшительно-ласкательные.

Алексей Казаков, звонивший Лике, — коллега. Мудрее и успешнее меня. Возник в эфире пару месяцев назад, огорошил сразу двумя новостями: во-первых, не редактор он более им же возрожденному «Большому городу», во-вторых, Петр Налич готов сыграть концерт у нас, потому как в подпольный «Апшу» он второй раз никак не влезет. Казаков — человек увлекающийся, но это, пожалуй, слишком. На мое «какой такой Налич» Казаков сначала опешил, потом обиделся и спросил, где я был последние три месяца. Выяснилось, что Налич — это тот самый хулиганский клип, снятый в древней «копейке», где поют про «гитар-гитар-джамп-ин-май-ягуар». Так бы и сказал, Леша. У клипа — несколько сотен тысяч просмотров в интернете. А Налич, оказывается, архитектор, и у него еще песен — куча.

Расписание было забито под завязку, мы с трудом нашли какое-то надцатое число после новогодних каникул. Гнилое время — впрочем, если артист кому-то нужен, значит, соберет своих двести почитателей, которые не влезли в домашний «Апшу».

Налич приехал вместе с Казаковым смотреть зал. Оказался вежливым молодым человеком. Все их устроило, дату забили — и забыли.

Меж тем концерт у Налича завтра, а билеты распродали неделю назад. В Новый год, в Рождество, в праздничную неделю, когда население по логике не должно интересоваться ничем, кроме соленого огурца, люди шли за билетами на Налича — как в Мавзолей.

И вот пришли.

— Посмотрим, как завтра будет, — продюсер Казаков в трубке не на шутку взволнован. — Петя настроен играть — и будет играть, если у него будет хотя бы тридцать восемь. Но если будет сорок — сам понимаешь.

Понимаю.

Лечу в клуб сразу из аэропорта, в объезд, через химкинские буераки, снежные заносы и гниющие на обочинах январские елки. Последнее казаковский СМС обнадежило: тридцать восемь, концерт играем. Лике я его честно переслал, с двумя смайликами. Получил четыре взамен. Чат-1998, честное слово.

Открываю у клуба дверцу машины — в дверь просовывается голова:

— За тысячу отдадите билет?

Билет стоит 400 рублей.

— Какой билет, бог с вами, — отмахиваюсь и бочком-бочком пробираюсь через толпу.

Надо же, научился за два года проникать в клуб перед аншлаговым концертом без помощи охраны. Прогресс.

Казаков — нарядная рубашка в индийских огурцах — и Налич в теплом черном свитере (тихонько кашляет) вместе с «привет» протягивают гостевой список. В нем человек сто. Это за пределами разумного, зал всех не вместит, и в мирное время я бы с ними препирался — но какое тут мирное время! Безо всякой рекламы, в голодное время года на концерт артиста, о котором, кроме одной песни-анекдота, ничего не известно, проданы все билеты. И артист здесь же, с температурой тридцать восемь, мученически улыбается. У него только температура — на связках вроде бы не сказалось.

Здесь же, в примерке, договариваемся с Казаковым о следующем концерте — ровно через месяц. Разблокирую айфон немедленно:

— Коля, распечатай, пожалуйста, десяток объявлений: «А ты купил билет на концерт Налича 15 февраля?» — и на все ключевые точки в фойе срочно.

— Оля, начинай продажи на Налича на 15 февраля с этой минуты!

— Лена, когда тебе будут совать тысячные купюры, отправляй с ними в кассу — мы начинаем продавать билеты на следующий концерт 15 февраля, немедленно.

— Григорий, секунду, вы всегда так быстро трубку бросаете. Здесь Игорь Матвиенко приехал, но по общей лестнице он до ВИПа никогда не дойдет: там тьма народа. Можно я его через кухню провожу?

Отправляюсь на вход и провожу обескураженного продюсера сам: лестница вверх, лестница вниз, поворот-поворот, осторожно, поднос со стаканами, но лучше так, чем через толпу; вы мне сами про концерты «Иванушек International» рассказывали, ну вот, у нас сегодня, похоже, в том же духе.

Слава богу, на ВИПе придержали место. Место ровно над сценой: звук Матвиенко с Наличем будут слышать один и тот же, из мониторов.

Оборачиваюсь по сторонам — ВИП напоминает разворот со светской хроникой в журнале «Отдохни!». Я узнаю здесь только Собчак, но официантки в курилке что-то пересказывают друг другу вполголоса про «Фабрику звезд». Хороший вкус у «Фабрики звезд», значит.

Я опасался, по правде говоря. Опасался, что все превратится в шутку, а песня у Налича в запасе одна и исполнена будет трижды, что иных никто и не вспомнит завтра. Артист одной песни — сколько их в мире. Опасался зря.

Налич — ни следа болезни на лице — начал «Вернись в Сорренто». Чистым, поставленным, оперным голосом обезоружил женскую половину зала в момент и мужскую — поэтапно. Бенд сыгран на совесть: не ради одной песни собирались. Согбенный Налич за клавишами — добрый волшебник. Без претензий на откровение, теплое, ладное сингер-сонграйтерство.

Спускаюсь на вход. Лена сегодня в ударе.

— А на сегодня, — ее взяла в кольцо стайка юных барышень, — совсем-совсем никак билетов нельзя сделать?

— Девушки, — ласково вещает Лена, — вот через месяц концерт, билеты есть, я вас уверяю, что если вы сейчас их возьмете, то через две недели, когда они кончатся, не пожалеете.

— А на сегодня?

— На сегодня — вы даже в зал войти не сможете, такое там творится.

В зал не смогут — это точно. Потому что в зале уже второй припев «Гитар», и Налича я не слышу, слышу семьсот совершенно счастливых голосов.

Терпеливо дожидаясь конца концерта, конца скандирования: «Налич! Налич!», конца объятий в гримерке, отправляю продюсера Казакова к Лике за расчетом и, улучив момент, интересуюсь у героя: альбом-то когда?

— Альбом пишем понемногу, — утирает пот со лба Налич. — Спешить некуда.

В самом деле некуда спешить: без единого цента на раскрутку, без заскорузлой схемы «альбом-презентация-концерты», интеллект и хороший вкус победили. Ура вирусному маркетингу. Я с Леной согласен — это точно не последний аншлаги.

Захожу в офис — Лика растерянно показывает кассовый отчет. Продюсер Казаков на радостях уехал, не забрав всего гонорара. Набираю его:

— Леша, вам же не только с клубной кассы, но и от продаж в городе причитается. Приезжай за второй половиной.

Их, честное слово, так надуют где-нибудь.

Снимаем ролик-приглашение на второй день рождения клуба: не открытки же в 2008 году рассылать.

Поставили на стол, где обычно продают майки и пластинки, бутылку спонсорской водки: демонстративный продакт-плейсмент. Цветы положили. Завскладом Нине Андреевне дали в руки офисную кошку Люсю. У кошки в офисе — трое котят, кошка жалобно мурлычет и требует воссоединения с семьей. Простите, мамаша, десять минут для искусства. Нина Андреевна — в чем-то тигровом и с фирменным пучком. Женя Малыш — по уставу: пиджак-галстук. Невидимая Анечка вместо суфлера — завскладом

и начальник охраны читают с листа. Сергей-звукорежиссер застыл с древним фотоаппаратом: чудеса операторской техники. Ну почему у нас все на коленке и в последний момент.

— Дамы и господа! — в правой руке у Жени детская вертушка. В коридоре сквозняк — вертушка крутится.

— Девочки и мальчики и уважаемые товарищи взрослые! — с радушной тети-Валиной интонацией вступает Нина Андреевна.

— Радостью наполнены наши сердца: у клуба «Икра» — день рождения.

— Вам, наверно, казалось, что этот клуб был всегда, — кошка пытается выбраться из объятий Нины Андреевны, телеведущая крепко держит ее за лапы. Кошка кусается.

— ...Но появился он два года назад! — Нина Андреевна натужно улыбается: кошка кусается больно.

— Да и как иначе, Нина Андреевна, могло бы быть? — разводит руками Женья. — Сколько замечательных артистов выступило за два года на этой сцене: Амон Тобин, Шон Оно Леннон, особенно любимый сотрудниками нашей службы безопасности японский оркестр «Ши-бу-са-ши-ра-зу»!

— Сколько высококачественных продуктов было куплено! — Нина Андреевна применила под столом к нижней части кошки какой-то прием. Завскладом снова бодр.

— Сколько сотрудников охраны провели здесь десятки бессонных ночей! — начальник охраны бесподобен.

— И вот наконец приходит день рожденья — с песнями, танцами, веселыми шутками и озорными розыгрышами! — кокетливо продолжает завскладом. — А чего, вы, Женья, ждете от дня рождения «Икры»?

— Конечно же, открытых улыбок, хорошего настроения и новых музыкальных открытий! Героями вечера станут наши друзья из солнечной Франции, вокально-инструментальный ансамбль «Хаш Паппиз», — Женья ударяет на последний слог: неправильно, но переписывать не будем, читает вдохновенно, с расстановкой: луганский Левитан.

— От всей души, — Нина Андреевна поднимается на затянутую черным бархатом сцену, кошка сжата в смертельном объятии, — от имени уборщиц, грузчиков, арт-дирекции, работников охраны и склада, бухгалтерии, от лица нашего спонсора, водки «Русский стандарт», и лично

от нашей милой кошки Люси... — Кошка очень вовремя орет дурным голосом — за что, интересно, Нина Андреевна там ее ущипнула? — Мы приглашаем вас на наш веселый, зажигательный праздник, — течет контральто завскладом, и начальник охраны с детской вертушкой подхватывает, хором с коллегой:

- На день...
- Рождения...
- Клуба...
- «Икра»!

Включаю стробоскопы над пустой сценой — в этот момент на экран будет выплывать логотип.

Нина Андреевна ослабила хватку: кошка упирается задними лапами в бедро завскладом и антилопой вылетает из кадра.

— Все, — без паузы частит Нина Андреевна, — кошка убежала, она меня всю издрямзила!

Браво! Отрезать этот незапланированный финал у меня рука не поднимется.

Срочно монтировать и рассылать приглашенным, до дня рождения — двое суток, как всегда, все в последний момент.

Нине Андреевне позвонили ночью из Донецка. Дочь сказала: «Мама, ты что позоришься! Весь Донецк тебя видел на YouTube.

Нина Андреевна не поняла, что такое YouTube, но поняла, что сплеховала. Теперь отказывается вести концерт. Сидим втроем с Анечкой, ведем переговоры:

— Вот пусть Аня ведет, — отбрыкивается Нина Андреевна, с прической и в кружевах. — Она молодая, красивая. Не буду я.

— Ниночка Андреевна! — умоляюще складывает руки Аня. — Куда же мне по сравнению с вашей харизмой!

— Нина Андреевна, — вступаю строго, — я очень уважаю Аню, но, прости, Аня, на сцене нужна уверенная в себе, взрослая, серьезная ведущая. Вспомните «Песню года» — разве можно заменить Ангелину Вовк обаятельной девочкой?

— Я не буду, — завскладом непреклонна.

— Хорошо, — делаю первый шаг назад, — давайте мы кошку уберем, я понимаю, что кошка требует повышенного внимания, возможно, вам с ней неудобно? Так уберем из сценария!

— К Куклачеву, — тихо вырывается у Ани, и я очень-очень строго на нее смотрю. Куклачевым Нина Андреевна в данный исторический момент точно быть не хочет.

— При чем здесь кошка, — сопротивляется завскладом. — Я и с Евгением не хочу вместе вести.

— Нина Андреевна, это же наш лучший сотрудник охраны, — умоляюще тянет Аня. — Человек текст выучил и новый галстук купил, представляете, как ему будет обидно!

— Вот пусть и ведет один, на здоровычко, а кошку я ему отдам!

— Ну как же он будет один на сцене, о'кей, не один, с кошкой, она все равно молчит, — говорящая голова получится, — просительно заглядываю завскладом в глаза.

Пожалуйста, давайте мы сейчас откроем сценарий и все, что вам не нравится, оттуда вырежем или Евгению ваши реплики передадим, а вы будете просто украшать собой сцену. Вот вы говорите — Аня, а где сейчас Аня такие кружева, как у вас, за три часа до начала найдет?

— Я не хочу никакие реплики, — Нина Андреевна пошла на попятную. — Я не хочу никаких японских музыкантов, и вообще никаких музыкантов объявлять не буду. Я не буду у Евгения спрашивать, какие у него там эстетические впечатления за год. А он чтобы у меня ничего не спрашивал про закупку кур.

— Нина Андреевна, дорогая, — кажется, у меня отлегло, — конечно, все, что вы сочтете неуместным, мы удалим. А диалог про закупку кур можно переписать монологом: нам же нужно донести мысль о том, что у нас самые высококачественные продукты. Может быть, нам раскрыть маленький секрет и рассказать, на каких базах и сколько килограммов за год было закуплено не только кур, но, например, помидоров, грибов, свинины?

— Да можно, конечно, только кому ж оно интересно? — Нина Андреевна начала сотрудничать со следствием.

— Ниночка Андреевна! — подхватывает Аня. — Ну как же не интересно, когда во всем мире сейчас культ здоровой еды! Вот вы и сделаете небольшое сообщение в удобной вам форме, между Дашей Панфиловой и «Стекловатай».

— Ну не знаю, не знаю, я подумаю еще, как там лучше сделать. И предупреждаю — спросит Евгений про курятину или там про японских музыкантов, так уйду со сцены, — примадонна сдалась, мы победили.

Анечка летит переписывать сценарий.

В сценарии — три выхода. Дашу Панфилову мы нашли в интернете, она перепела Наличеву «Гитар», сидя за рулем собственной машины, и в отсутствие самого Налича (у него сегодня концерт) это, без тени иронии, очень соответствующая нашему празднику самодеятельность. Просмотров ее творчества в интернете — за сто тысяч. Вот бы Нине Андреевне с Женей такой рейтинг обеспечить.

Группу «Стекловата» тоже из интернета выудили. Повзрослевшие младшие братья «Ласкового мая» купили нас с потрохами припевом:

— Ты сама виновата во всем, / То, что с виду тиха и нежна, / Что любовь наша кончилась злом, / Ты сама виновата, / Ты по жизни стекловата, стекловата!

Невероятная экономия на дури.

Половина дуэта работает в Москве курьером, вторая половина живет в Оренбурге. Нашли, сделав один звонок коллегам на НТВ. Сразу и договорились о премьерном концерте в Москве: первым номером — «Стекловата», последним — «Белые розы». Вечеринка имени YouTube получается. Но не лекцию же читать «Есть ли жизнь на Марсе?». Утонченные журналистки под «Белые розы» взлетят на столы и пустятся в пляс первыми — пока их не видят коллеги.

У нас, в конце концов, праздник с салатом оливье, а не суши-вечеринка. И не оливье единым. От серьезного жанра — тонкий и умный Андрей Панин, взрывные французы HushPuppies («Шах ПаппИз», по Жене Малышу), которые не хуже Franz Ferdinand, — welcome back. Мы давно не в той весовой категории, чтобы волноваться, кто о чем подумает и не выйдет ли глупо. Тряпки жжем — смеемся; что там напишут в «Живом журнале» и модном журнале, что снимут телекамеры — мне все равно.

Я собираюсь напиться.

Рассказов собирается принести банку икры.

Умка собирается прийти, как только закончится «Ласковый май».

Нина Андреевна собирается потанцевать с подругами из дружественного совхоза-поставщика.

Игорь собирается посмотреть, будет ли на HushPuppies биток, как в прошлый раз.

Виктория из посольства Франции, в трудную минуту обеспечившая HushPuppies визами, собирается прыгать со сцены в толпу.

Мы друг друга обо всем предупредили, третий год отмечаем, бог любит троицу — я больше ни о чем не волнуюсь и не буду писать о дне рождения больше ничего. Я уверен, все будет как надо. Сколько можно сдавать экзамены самому себе.

— Аня, ты проверила, Нина Андреевна знает, когда ее выход?

Отставить! Прекратить проверки на дорогах. Напиться.

Позвонила квартирная хозяйка:

— Слушай, видела тебя тут по телевизору, думаю — что это за лицо знакомое, арт-директор какой-то, а потом — ба, смотрю, да это ж ты! Хорошо смотришься! Кстати, хотела тебя предупредить: со следующего месяца квартплата вместо двадцати восьми — сорок пять тысяч. Цены на все растут, куда деваться.

Прорезался в эфире коллега.

— Решил тебе про артиста подсказать. Раз вы со «Стекловатой» связались, вот тебе еще посильней номер. Нейтронная бомба.

По ссылке «Николай Воронов. Концерт в Дубне» завывал серьезный очкарик за синтезатором-расческой: «Белая стрекоза любви, стрекоза в пути!» Из хорошей музыкальной школы юноша, с гармонией дружит. Количество показов — привет Наличу. Но случай медицинский.

— Спасибо, Боря. Бомба будет. Только «Стекловате» хотя бы самой смешно. А у тебя здесь кандидат на суицид.

В первый раз говорю «нет» — пусть кто-нибудь другой это делает.

Автопилот.

Я собираю программу за неделю. Три дня на телефонные звонки, на переговоры, на «уточним» и «созвонимся еще раз», три дня на подтверждение западных контрактов, день — чтоб закинуть расписание в топку копирайтеру. Копирайтером нынче Таня: выдувает пропагандистские промотексты за ночь, за следующую ночь дизайнер сверстает их в книжечку-фэнзин и дальше продолжит сам по накатанной: билборды, афиши, стикеры. Да, план наших ритуальных действий предскажем на сто лет вперед, как тема в ля-миноре у Аагон (который месяц играет у меня в наушниках). На следующей неделе можно улететь в Европу, сходить на новые концерты, привезти новых пластинок и думать, что с этим делать дальше. Тоже ритуал.

С момента ухода Игоря прошло три месяца.

Я никогда не запустил бы этот клуб один. Не победил бы жуликоватых строителей, не разогнал халтурную кухню, не сменил штат менеджеров, воспитанных на караоке и концертах Чиж. Клуб был первый — и у него, и у меня. Мы так вгрызлись поначалу, что клуб ожил — вопреки отсутствию опыта, плохому месту, странному устройству неперестраиваемого зала, вопреки всем возможным «вопреки». Не стеснялись быть менеджерами и успевали быть чуточку творцами.

Я зашел сюда на минутку — и задержался на два года. По бизнес-плану мы должны были бы сейчас переехать на более крупную площадку и открыть в стране пару филиалов. В случае неудачи — картинно закрыться. А получилось по третьему сценарию — с постоянными солдаутами в том же тесном зале каждую неделю, вечным перетягиванием одеяла между вечерней программой и ночной, ревнивой сверкой через резидентов: сколько человек сегодня было в бесприютном «Б1»? Кто вчера играл в «Солянке»? Как объяснить владельцу, что в этих стенах мы сделали почти все, что могли, — и немножко сверх того?

Этот клуб — Алиса в стране чудес: откусишь от гриба — подрастешь. Тесно в таком шкафу становится слишком быстро.

Обрастаем руководителями. Руководителей спускают сверху. Чем занимается замдиректора по творческой части — добродушный дзен-буддист Андрей, по несколько часов в день раскладывающий пасьянс, — я так и не уяснил. Чем занимается замдиректора по безопасности, подполковник в штатском Дима, стало очевидно, когда поступило предложение согласовывать гостевые списки с утра в день концерта. Отставной военный — ночному клубу, конечно, лучший рулевой.

В меню опять прокралась какая-то селедочка с лучком для народных масс. Что за непобедимая холера?

В оранжевом зале, как в калейдоскопе, начали мелькать проверяющие — от пожарных, от санэпидстанции, от управы, от налоговой. Здание, которое так не нравится мне, очевидно, очень нравится кому-то, кто эти проверки организует.

Я не верю в карму. Мне никто не мешает делать то, что хочется. В день представления нового руководства я подсутился и выторговал разрешение пригласить с концертом Боярского — Игорь два года кряду был уверен, что с этим дорогим концертом мы прогорим.

Только не борец я с Сергеями Ивановичами, и с проверками СЭС не борец. Я трудоголик, я уперт, я — зарядное устройство для команды; при этом я не знаю, что ответить Таньке, когда она возвращается со встречи однокурсников и спрашивает то ли шутя, то ли всерьез: «Как жить дальше? Где жить? У всех по собственному рекламному агентству, гектару земли в Сочи — там дорожает — или по паре детей на худой конец. А мы тут до сих пор в игры играем».

Мне по-прежнему нравятся наши игры. Собственное рекламное агентство я не хочу, в Сочи ничего не забыл, жить за пределами Садового кольца — увольте, а квартиру на Тверской мне не выкупить никогда. Дети подождут. В конце концов, именно так живут все мои друзья в Европе — и преспокойно живут. Вот и мы так. И у нас есть здесь любимая игра: клуб «Икра» называется.

Только выше головы в этих смешных оранжево-меховых стенах, которые мы построили на год-другой, уже не прыгнуть.

Канадская программа родилась по случайности.

Приехал Саймон Финн, неистовый бард, постаревший секс-символ семидесятых, для меня он всегда будет Саймоном Финном из Current 93, и это неправильно, потому как Саймон соло играет последние лет тридцать. Но нас-то свел Тибет.

Саймон — англичанин, живет в Канаде. Остановиться в Москве предпочел у канадского атташе по культуре Мэтью. Респектабельный Мэтью, выяснилось, знает не только дискографию Саймона Финна до седьмого колена, но и мечтает привезти в страну Леонарда Коэна, и заколдованные слова Broken Social Scene, над которыми я бьюсь не первый месяц, и даже турнтаблист Кид Коала — для него не пустой звук.

Встретились через неделю в посольстве. Строгая коллега советника по культуре спросила:

— Этот промоутер тоже говорит, что привезет Broken Social Scene? Надеюсь, у него это получится, в отличие от предыдущих пяти.

А я про Broken Social Scene и сказать ничего не успел.

Встречи в посольствах можно превратить в скучнейшее мероприятие, канючить: «Подайте, люди добрые», рисовать прожекты, терзать деньгодателей от культуры. Я давно в эти игры не играю. Я рассказываю, что мы делали до этого. Как на ванкуверский индастриал Front Line Assembly вилась дугой очередь, как Junior Boys предлагали вернуться с сетом, потому что клуб понравился, а Кид Коала рисовал на ватмане русские буквы. Когда Мэтью спросил, кого можно было бы привезти, если делать канадскую программу, я первым делом брякнул: «Амон Тобин?» — и, кажется, покраснел. Какой он канадец — бразилец с английским паспортом, живет в Монреале. А Мэтью сказал, что это просто отлично: артист, который может позволить себе жить где угодно, выбирает Квебек и вполне добровольно поет ему осанну. Ровно то, что нужно. Тогда я по-настоящему заинтересовался: симпатично устроены канадские головы.

Через пару месяцев срок у Мэтью закончился, и он вернулся в Оттаву. На смену ему приехал Николя — автор диссертации о немецко-французских отношениях в десятом веке, университетский преподаватель, диджей-любитель. Русский изучает по песням Окуджавы и фильму «Москва слезам не верит». От идеи про Тобина пришел в восторг. Спросил: «А как же Tiga и Mistress Barbara?», чем пленил меня раз и навсегда. Много ли вы видели дипломатов, которые сами спрашивают: «А как же Tiga?» Tiga был занят на полгода вперед, поэтому мы в четыре руки с посольством собрали вполне героическую программу из Frog Eyes, Handsome Furs, не забыли про друга Тобина, ударно-завершающим номером поставили Broken Social Scene — ну и Junior Boys я, как обещал, отписал: вот он, момент, не желаете ли вернуться?

Мэтт Дидемус из Junior Boys сидит в оранжевом зале на том самом диване, куда в прошлом году мы вместе с ним упали на участников Múm. Пьет с Анечкой чай.

— Не помешаю? — интересуюсь.

Мэтт хватает меня в охапку: я тоже рад тебя видеть, ага, — и продолжает рассказывать Ане:

— И вот приходим мы в это управление по миграции, а там женщины такие сидят... кудрявые, с химической завивкой, и календарь с котятками на стене, понимаешь? По-английски не говорят совсем: все из Восточной Германии. А мой юрист им очень толково за пять минут все объяснила. Штамп мне в паспорт поставили, какие-то бумаги сразу выписали — очень адекватная юрист попалась. Берлинские власти ведь открыли двери для музыкантов.

Дидемус из Торонто переехал в Берлин совсем недавно и, судя по энтузиазму, с которым он описывает процедуру переезда, любовь к этому городу у нас с ним общая.

— Сами посудите, музыку писать я могу где угодно, канадцем — вот даже для этого приятного парня из посольства, как его, Николя? — я из-за переезда меньше не становлюсь, разумеется, планов на всю жизнь не строю. Жизнь их за меня сама построит. Тебе, Анна, не было бы скучно сидеть все время на одном месте? То есть я понимаю, что это отличный клуб и круг общения у тебя, наверно, — любая подруга позавидует. Но сколько, положим, ты готова жить в одном и том же режиме, на одном и том же месте?

Мэтт — друг, ему позволено нажимать на красную кнопку.

— Ну не знаю, — смеется Аня. — У меня год отпуска не было, вот улучу момент и уеду в Гоа жить, туда же надо хотя бы раз в жизни съездить.

— Аня, — закатываю глаза. — Ты бы у Хомяка про Индию спросила. Он в прошлый раз отравился крепко (там все травятся обязательно), так к нему русский партнер приходит: «Умираешь, Хомяк?» — «Умираю». — «Слушай, отпиши на меня клуб берлинский». Хомяк в отказ. К нему пассива с другой стороны: «Умираешь, Хомяк?» — «Умираю». — «Слушай, отпиши квартиру в Питере, а?» Хомяк так разозлился, что от возмущения и умирать передумал. Зачем тебе эта Индия? Вот Берлин — я понимаю.

— Нет никакой разницы между Индией и Берлином, — машет рукой Мэтт. — То, что у меня Берлином называется, для нее — Гоа. Главное — не стесняться оторвать задницу и в это Гоа влезть, а уж то, что оно тебе банальным кажется, — так найди себе другое. Даже англичане, эти безумные изоляционисты, таскают за собой скарб по всему свету. Что уж про нас говорить.

Может, я зря удивился, когда Николя прислал мне на прошлой неделе приглашение на семинар «Эмиграция в Канаду»?

— Мэтт, сет через десять минут, — спохватывается Аня. — Соня зал раскачала, все готово. Канадский флаг над вертушками тебя не смутит?

— Секунду, Мэтт, — встречаю я. — Скинь-ка мне на всякий случай контакт своего юриста, вдруг пригодится. Айфон? Ну да, у меня айфон. Тут у каждого второго айфон — их ведь не продают в России, с чего бы иначе все ими обзавелись. Все по старой советской памяти себе из Штатов привезли. Это раньше называлось «дефицит». Так скидываешь номер?

— «Для вас поет Михаил Боярский»? Не очень хорошо, я же не певец. Лучше так: «У нас в гостях Михаил Боярский». Или просто: «Встречайте, Михаил Боярский». А вообще мне все равно — как хотите, так и объявляйте! — говорит Михаил Боярский.

Олеся Поварешкина в расстроенных чувствах: Боярский отказался есть. Приехал с «Эха Москвы» — его час мучили вопросами о президенте, а Боярский президента искренне любит. Его личное дело, я считаю. Они бы там еще с Поварешкиной интервью про «Зенит» и первую лигу сделали.

К Боярскому не подходит наша привычная мантра, которой гипнотизирует журналистов Олейников: гонялись мы, значит, за ним (за ней, за ними) не один год. Боярский ведет свои дела сам, на звонок отвечает — не на первый, так на второй обязательно, сумму гонорара озвучивает без заминки. Сумма нешуточная. Праздный интерес рассеет быстро, серьезный — укрепит в вере. Никакой необходимости гоняться: платите в кассу, и добро пожаловать.

Я в Боярского верю.

Если с музыкой, которая была саундтреком к нашему восемнадцатилетию, все понятно: мы будем снова покупать ее в 25, 35 и 75 — если доживем, — то что делать с песней Кота Матвея, которую мне впервые сыграли на дне рождения у старшего товарища (четыре, а может, все пять ему стукнуло)? Как реагировать на «Ап! И тигры у ног моих сели!», освидетельствованную из-под новогоднего стола (из-под — потому что иначе родители поймали бы и уложили спать)? С кошерными советскими мушкетерами — как быть? Ни один выживший герой моего детства не прошел проверку девяностыми: представить только, какой волшебной осталась бы Пугачева, остановись ее время на «Лестнице Якова» в гостях у «Утренней почты». Но Боярский — другое дело, и странное радиоинтервью делу не помеха. Он впечатан в матрицу моего детства и, судя по скорости, с которой Анечка множит объявление: «Михаил Боярский. Все билеты проданы», не только моего.

Я добился разрешения рискнуть и сделать этот концерт чистым вымогательством. Риск нешуточный. Раз смена руководства, говорю, то вот вам мое решительное требование: хочу Боярского.

Ему все равно, что будет на афише. Мы находим у питерских коллег душераздирающее фото: Боярский в берете Че Гевары позирует на фоне стены диско-лампочек. Браво. Уклеиваем этим портретом полгорода.

Боярский приезжает с мини-диском: инструментальная фонограмма не менялась лет сто. Звукорежиссер Антон, гитарист грайндкоровой группы, внимательно слушает инструкции:

— Все треки, Антоша, — под номерами. Трек-листа у меня нет. Я буду тебе говорить, какой включить. И все.

— Мониторы хотите послушать, Михаил Сергеевич?

— Давай быстренько. Семнадцатый трек.

Семнадцатый:

— Я кот Матвей, / Мой метод прост!..

Миша тур-менеджер на экране айфона:

— Гриш, тут такое дело, у нас концерт сегодня с Brazzaville в городе. — С нашей легкой руки Миша стал менеджером Брауна в России. — Дэвид услышал про Боярского и хотел бы подъехать после своего концерта. Я понимаю, что у вас битком, — можешь на ВИПе, хоть стоя, место для него найти?

Браун снова безошибочно угадывает, что русскому хорошо. Монстр.

Конечно, найдем.

— Я не люблю тянуть хвоста за кот! — это последнее, что слышит Миша в трубке. — И монитор повыше, вот так.

Саундчек завершен за десять минут.

— А кто тут еще у вас выступает? — в первый раз интересуется Боярский.

— Шон Леннон был. — Единственное имя, в котором я уверен: Боярский — известный битломан.

— А! — Сработало. — А еще?

— «Аквариум». Агузарова. Гришковец, — начинаю записывать я.

Те же проверенные имена я перечисляю своей бабушке, когда она задает этот вопрос. А может быть, зря — вдруг бабушка прониклась бы к Flëur, а Боярский — к Наличу?

Про Хана, дивного электропровокатора, которого я с просветительской целью присоветовал Вишнякову для вчерашней вечеринки, я умолчу. Не потому, что эксперименты Хана совсем уж из другого мира, и не потому, что финско-турецкий артист — по паспорту Kap Oral — без всякого Давида Гетты растанцевал толпу геев, привыкших к ремиксам на

Мадонну. Но последним перед Боярским на этой сцене стоял именно Хан, у входа топтались белые лошади (левая Хана укусила), разгоряченное гей-коммьюнити осматривало друг друга на этой самой лестнице. В таком состоянии мы с Ханом покинули этот клуб, пахнувший парфюмерной лавкой, в четыре утра, — и сейчас, двенадцать часов спустя, без этих подробностей д'Артаньяну, пожалуй, можно обойтись.

Как вы думаете, — интересуюсь я вместо этого, — а Алису Фрейндлих имело бы смысл побеспокоить насчет выступления?

— Петь она не будет: связки, — пожимает плечами Боярский. — Она читает поэзию, если вам это может быть интересно.

Мне, безусловно, это интересно.

Звонит Олейников: два вопроса быстро — отдадим ли билеты на ISIS для розыгрыша в интернете и когда Боярскому удобнее подписать плакаты. ISIS — наш главный концерт в этом году после Боярского, не отдадим ни одного билета. Михаил Сергеевич, вы не против подписать несколько плакатов? Что такое ISIS? Это металлическая группа, из Бостона, я с коллегой говорил. А за совет про Фрейндлих — спасибо.

Фрейндлих, ISIS и Хан мне одинаково любопытны.

— Я выйду на слове «Боярский», — говорит Боярский.

— Шляпу берегите, пожалуйста: низкая притолока!

Я беру за сценой микрофон:

— Дамы и господа! Клуб «Икра» с гордостью представляет: Михаил Боярский.

Вот этого никто предположить не мог.

Они режут. Ревут, как, по моим представлениям, должны реветь на концерте ISIS. Ревут, будто ожил Курт Кобейн. Ревут, как изредка случается в конце самого успешного рок-действия. Интеллигентная толпа моих сверстников, с горсткой затесавшихся в нее напуганных старушек-театралок, с дюжиной растерянных приезжих, что купили билет в переходе метро, — выворачивает глотки минуту, другую, и он не знает, что с ними делать. Берет гитару. Что-то про жизнь актеров — из капустника в театре Ленсовета или из телешоу «Белый попугай». Микрофон безбожно

фонит. Два куплета. Снова рев. Сними шляпу! Мы тебя любим! Динозаврики! Тысяча чертей!

Невозмутимый — никто и никогда не видел его другим — тот самый невозмутимый Боярский, с трудом сдерживая замешательство, кивает звукорежиссеру:

— Одиннадцатую, Антоша.

На «когда твой друг в крови» менеджер Лика выключает телефон (должностное преступление) и утирает слезу. Железная Юлия Юденич кусает кулачок. Любитель нюджаза Рассказов и специалист по Мадонне Вишняков, прижатые в толпе друг к другу, загипнотизированно смотрят вниз. Олейников ни за что не вернется встречать журналистов ко входу. Женя Малыш обнимает Поварешкину.

Лена прибегает снизу:

— Можете меня уволить, но у меня там трое на коленях стоят и говорят, что не встанут, если не найдется билета. И я их пропущу.

Делайте что хотите, я никуда отсюда не уйду. Пропускайте кого угодно, куда угодно: Боярского все равно слышно только в интерлюдиях между песнями, зал поет хором, напрочь его заглушая, и Антону из-за своего пульта зал не победить. Сухопарый мужчина возраста моего папы, мягко говоря, не Паваротти, под Антонову гитару и древнюю фонограмму, с шутками про Жириновского из чужой жизни — обошелся с залом как удав с кроликом. Клянусь, более благодарного кролика удаву не давали никогда.

Дэвид Браун протискивается через толпу на «Зеленоглазом такси». Обнимаемся над головой Боярского — больше места на ВИПе нет. Он рассчитан на тридцать человек, а сейчас здесь человек сто.

Боярский поет что-то про клуб «Икра». Лика рыдает в открытую.

Москвичи не привыкли к песнопениям, где Рязань превращается в Казань или в Тюмень — в зависимости от города пребывания. В тюменской филармонии этот трюк не раз и не пять видели. С мокрыми столичными трендсеттерами, набившими этот душный зал под завязку, так никогда не обращались.

А впрочем, не до иронии. Дорогая редакция, я смотрю концертов триста в год, и я не очень юн. Я в жизни ничего подобного не видел.

Четвертый бис с «Пора-пора-порадуемся», кажется, и впрямь последний.

Выхожу во двор и три минуты стою молча.

Возвращаюсь в гримерку. Стучу. Шляпа — на столе. Боярский запускает пятерню в полуседую шевелюру. Держит себя в руках, будто и не было ничего.

— Если не сложно — снимите для меня вот тот большой плакат.

— Три на шесть метров, который на входе?

— Да, пожалуйста.

Ударяю дверью Мишу с Брауном. Ой!

— Грегори, он не против, если мы скажем спасибо? — не склонного к лирике Брауна, похоже, накрыло нашим детством.

Боярский не против.

— Вы говорите по-английски, Михаил Сергеевич?

— Yes! — шляпа снова на месте.

— Your song «Green Eyed Taxi», — почтительно наклоняет голову Браун, — I'm really, really, really impressed!

Я не я, если Браун не подумывает в эту минуту о ремейке.

— Thank you, — вежливо кивает Боярский. — What do you do?

— Михаил Сергеевич, к вопросу о том, кто у нас играет — Дэвид играет здесь чаще других, мы сейчас найдем вам пластинку его группы, думаю, вам понравится.

Миша с Брауном ретируются в машину искать пластинку Brazzaville. Возвращаются, вручают, откланиваются.

— OK, thank you! — интересно, будет ли Боярский слушать Brazzaville?

Анечка приносит сложенный вшестеро огромный плакат и объявление с обрывками скотча: «На концерт Михаила Боярского все билеты проданы».

— А когда у вас поезд? — интересуюсь я.

— Через двадцать минут, — упаковывает плакат Боярский. — Машина готова?

Снова в быт — о том, что нужна машина на вокзал, никто не предупреждал. Не везти же его на прикормленной «Волге», что стоит у подъезда.

— Миша, — звоню Браунову опекуну. — Вы далеко отехали? Пожалуйста, разворачивайся срочно, высаживай

Дэвида, возвращайся и бери Михаила Сергеевича. Поезд через пятнадцать минут.

Я Дэвиду перезвоню и объясню. Он поймет.

Что с Моби у Таньки ничего не получится — я был уверен железно. Для того и существует техника, чтобы не срывать в самый ответственный момент. И не страшно — был разработан план «Б», по клубу слоняется дюжина граждан в белых комбинезонах с маской Моби на лице. Танька собрала безумный микс из 2Unlimited и Rednex — вспомним голодное детство. Трэш-саундтрек девяностых пробирает до костей. Ее коллеги с рекорд-лейбла насобирали зашедшим на огонек призов и подарков. Друзья из LiveJournal бодро распиарили вечеринку в честь выхода нового альбома Моби.

Это не «Play» и не «18», конечно, но вполне ничего альбом — если кто-то еще слушает музыку альбомами, как это было в пору «Play» и «18». Подозреваю, что Таньке просто хотелось сделать вечеринку, никогда раньше она вечеринок не делала. А тут подвернулась возможность — еще и с пользой для лейбла-работодателя. А у лейбла появился шанс достучаться до Моби и выбить пятнадцать минут промовремени.

Бой курантов. Торжественная Танькина коллега в черном платье остановилась с микрофоном у экрана.

Сейчас ничего не будет видно или слышно не будет.

На экране — знакомая бритая голова.

— Привет, Моби! Ты слышишь нас?

— Слышу и вижу, — отвечает голова.

Надо же. Пятьсот человек, забредших по объявлению в LiveJournal, радостно вопят.

— Чем ты сейчас занимаешься? — интересуется Танькина коллега.

— Только что пообедал. Хотите посмотреть, что у меня в холодильнике?

Моби подхватывает камеру и идет к холодильнику.

Ну и запасливы вы, господин народный артист: я такой холодильник только у родителей перед Новым годом видел.

— А что ты видишь из окна? — Ведущая молодец: пятьсот человек в зале точно не интересуется, что там Моби

думает по поводу своего последнего альбома и судебных искуства.

Камера, вынесенная на балкон, показывает расческу манхэттенских крыш: высоко живет народный артист.

— Здравствуй, Лиса! Здравствуй, Гомер! — дурачится Моби: он проходил мимо полки с игрушечными Симпсонами и — понял правила игры — устроил русским зрителям кукольный театр.

Моби электровеником носится по своему лофту: показывает домашнюю студию, открывает двери шкафов, машет рукой, подмигивает населению — ведет себя по всем правилам виртуального зоопарка. Подарок, а не артист. Дюжина поддельных московских Моби с масками на лице расселась у экрана и внимает.

С нижнего танцпола доносится марш 2Unlimited.

— Вообще! — бормочет Танька. Она страшно горда. Пожалуй, ее первая вечеринка переплюнула мою — с Ноевым ковчегом из Финляндии. Надо ей как-то внушить, чтобы она прекратила робеть и сделала вторую.

У нас с ней сегодня одинаковые куртки цвета металлик — очень кстати к девяностым. Городские сумасшедшие: умеренная версия. Легко приметить друг друга в толпе. Я пытаюсь ее поймать десять, двадцать минут — Танька летает вверх-вниз по нашей универсальной лестнице-тренажеру, контролирует процесс. Знакомо: промоутерский адреналин.

Она никогда об этом не говорит, но я-то знаю, у нее вина дома — пудами. Дальше, дай бог, встанет за вертушки, свою резиденцию придумает — она ведь хорошо осведомлена, как выглядят вечеринки в Токио, Кейптауне и Барселоне. Ей просто чуть смелее надо быть, упрямее. Квартирных хозяек делить на восемь, в метро с озлобленными пролетариями поменьше ездить, не мерить себя по московским однокурсникам с гектаром рекламных агентств (есть и поинтереснее карьеры), перестать злиться на лесби, останавливающих машины, когда Танька цокает каблуками по улице — миниатюрная, независимая, в куртке цвета металлик и без бойфренда. В городе ведь каждая, кто не степфордская жена и не баба при полиэтиленовом пакете со жратвой, — потенциально под подозрением. Не написано

для Таньки сценария. Ну и что теперь, обращать внимание на местные глупости?

— Тань, пять минут есть? — поймал наконец. Кричу в ухо: шумно.

— Эй, у меня диджей на дверях, надо его поставить играть. Давай попозже, а лучше завтра созвонимся.

— Ну ты молоток в любом случае. Я хотел поговорить, ты что дальше делать думаешь?

— Не слышу ничего!

— Молоток, говорю! Давай выйдем из шума на минуту?

Танька просительно прижимает руки к груди: понял, занята, отстал. Я все равно на нее нападу потом. Моби свидетель.

Говорили вчера по телефону.

— Григорий, это Боярский. Вам для меня должны были оставить МРЗ-коллекцию Beatles. Есть такое? Отлично! Вы в Москве? Я буду завтра на инаугурации президента в Кремле, как закончится, поеду с Кутафьей башни в Боткинскую больницу и дальше в аэропорт. Где-нибудь по дороге мы можем пересечься?

Выхожу из дома, перехожу улицу у магазина «Москва». Не ходите в магазин «Москва» без цели! Стоит зайти на минуту — расплачиваешься у кассы за путеводитель по Чукотке.

Черный олдскульный «мерседес» тормозит у троллейбусной остановки. Большая ладонь высовывается из окна — шляпа остается в машине.

— Вспоминаю вас часто и тепло! — Михаил Сергеевич Боярский не склонен к комплиментам, это дорогого стоит.

— Как инаугурация?

— Все по плану, спасибо. Как у вас?

МРЗ-диск переключивается в машину.

— Где Боткинская-то, спросите! — вежливо толкает Боярского в бок шофер.

Номера вроде московские.

— Как отсюда в Боткинскую больницу лучше проехать? — интересуется Боярский.

— До Третьего кольца и там налево по развязке.

— Спасибо. Звоните, если что, — я всегда открыт.

Большая ладонь еще раз трясет мою, два пальца поднимаются к полям шляпы, «мерс» газует и скрывается на Пушкинской.

— Вот те и двенадцатый троллейбус, — бормочет на остановке бабушка в панаме.

Что у меня такое еще в кармане? Путеводитель по Чу-котке.

Совещание.

Не прошло и двух с чем-то лет: работаем в плюс. Но есть еще отдельные недостатки. Вот ночные вечеринки. Не много ли получают промоутеры? Почему бы им не поработать от входа, например? Почему бы всех, кто хотел посидеть под селедочку с лучком, не приглашать задержаться на вечеринку? И нельзя ли прекратить эти проверки на дорогах — сколько еще твоя барышня на входе будет приличных взрослых людей заворачивать, а малолеток к Сиду — пускать?

В последний раз меня распекали в редакционной курилке. Здесь — какое уж распекание, вежливые советы и ненавязчивые рекомендации, да-да, ничего более.

В своем доме я чувствую себя в тылу врага. К Таньке вломилась на прошлой неделе очередная квартирная хозяйка и поинтересовалась, не купит ли та у нее почти новую каракулеву шубу. Танька, любительница молодых японских дизайнеров, шубу стоически примерила. У нас, кажется, тоже до каракуля дело дошло.

Почему я, собственно, решил, что это мой дом? Я зарабатываю для этого дома деньги, круглосуточно летаю по его кривым лестницам, приложил руку к тому, что коллеги-журналисты бывают здесь кто три, а кто четыре раза в неделю. Ну и что? В Европе нет агента, который работал бы с русскими клубами и не считал наш лучшим, — впрочем, вру, агент Ройшн Мерфи после травмы заволновалась и переслала нам клязузу из народа. Клязуза была подписана жуликоватым промоутером, которого Игорь год назад с позором выгнал. Какое кому на совещании дело до европейских агентов?

Игорю не нужно было объяснять, сколько, как и почему получают промоутеры. И про селедочку с лучком, и про посиделки случайных менеджеров с бухгалтерами после концерта (сворачивать, не дожидаясь обострения) — не требовалось объяснений. Не выгонять же бухгалтеров, если зашли на «Аквариум». «Аквариум» принадлежит народу. Но снять все защитные фильтры, привечать всех и каждого, заполнять — владелец любит слово «заполнять» — заполнять зал, чем угодно, хоть дискотекой, желательно каждый вечер, не мудря и не тратясь на всякие глупости, вроде вот этих танцевальных промоутеров?

Мы ведь об одном и том же с органами препираемся. Если я снял в этом доме шлагбаумы и свел вместе Боярского, гей-диско, Леннона, Хельгу и «Кач» — почему бы не продолжить в том же духе? Где граница, объясни нам, между теми, кого ты рад видеть на Боярском, и теми, кто придет на «ЧайФ», которым ты пугаешь нас два года? Почему у Юли Юденич на вечеринке дай бог двести человек, когда клуб на тысячу рассчитан? В чем тогда ее работа?

Почему я, собственно, решил, что это мой дом? Я могу так же нежно послать всех к черту и продолжать как заблинорассудится. Я знаю, что мы задрали планку для привередливого, чванливого города на высоту, которую здесь никто не брал. А еще я знаю, что рекорды — скоротечны. И что все, что я мог здесь сделать, уже сделано. Сколько вы мне будете повторять про Юлю — она тоже все уже сделала.

С какой же скоростью тут все покатится назад, в селедочку. И дорогие москвичи вернутся отсюда кто в пропахшие мочой рок-ангары, кто в чистенькие, изолированные от чужаков цивильные клубные гетто, забаррикадировавшись друг от друга — так, как привыкли, а не так, как где-то там в иноземном Берлине.

Вернуться домой, поставить маршевых Nephew, забронировать авиабилет на Роскильде и решить, сколько еще я намерен здесь пить свой чай со льдом.

Звоню Юденич. Излагаю краткое содержание предыдущих серий.

— Не удивлена, — спокойно отвечает Юля.

Расстаемся с Юлей через месяц.

Приехал с концерта KISS: в ушах гул. Сид, естественно, пробрался в первые ряды танцпартера и несколько раз умер под «I Was Born For Loving You, Baby». А я полконцерта поглядывал на часы. У нас сегодня Кавински — француз-махинатор, специалист по сексапильному клацающему электро, обитатель джет-сетов. Сосватала Вика из французского посольства. С Викой мы сдружились, когда она провела полконцерта HushPuppies в толпе, плавая по рукам, после чего, разгоряченная, материализовалась в примерке, затянулась случайным джойнтом и хрипло изрекла: «В жизни важны три вещи — секс, сноуборд и стейдждайвинг!»

HushPuppies после этого сейшна уехали в аэропорт, забыв билеты в примерке, — а с Викой мы начали время от времени выпивать. Кавински, Викиными усилиями, должен был прилететь уже два месяца как — но закапризничал, пропустил самолет, сославшись на лютый насморк. Вечеринку отменили. Я использовал бы против такого больного ракету «земля-земля». Вика, полдня висевшая на телефоне, спокойно поправила прядь волос и рассмеялась: «Я сделала все, что могла. От того, что я буду переживать, ничего не изменится. Организуй мне лучше виски on the rocks». В анамнезе у Вики борьба с Айг и Джейн Биркин — что ей больной Кавински.

Я оброс за два года кучей новых приятелей, и все — экспаты, сотрудники посольств или какие-нибудь студенты по обмену. Жутко приятные люди. Выходит, с Викой или с Николя мне интереснее. Странно.

Хотя как может быть неинтересно, когда я открываю дверь, в клубе воеет сирена, «Внимание! Пожарная тревога!» — повторяет гнусавая баба; посетители, охрана, бармены, завсегдатаи гей-вечеринки «Звезда», испуганный интурист в котелке и драном кардигане, несчастный каланча-Кавински сидят зажав уши, а Вика спокойно ест «цезарь».

— Гриша, — говорит Вика, — сирена уже в пятый раз за вечер. Мы смотрим «Евровидение». Сейчас будет Себастьян Теллье, они с Кавински — друзья. Кавински должен его увидеть. Я тебя очень прошу: сделай так, чтобы сирену отключили.

Инициатива нашего подполковника — в строгом соответствии с требованиями пожарного надзора. Если заметят — клуб легко могут прикрыть. И как ее включать назад — никто не знает.

Сигнализация на дым-машину срабатывает: интерфейсы не совпадают. KISS бы понравилось и то и другое. Подождем десять минут без дым-машины.

Анечка висит на шее у интуриста в котелке. Друга встретила? Подмигивает мне чего-то. Я ей тоже подмигиваю. Мне подмигивает интурист.

О-ля-ля, это же Эдди! Клавишник Ройшн Мерфи, что пил с Аней по всей Москве, пока мы с Ройшн ездили по больницам. Заехал перед самолетом на Тбилиси.

— Какая у вас классная сирена. — Эдди хлопает меня по плечу и нажимает кнопку на телефоне.

— Внимание! Пожарная тревога! — немедленно отзывается гнусавая баба из трубки.

— Эдди, у нас еще дым-машина дай бог! — смеюсь я. — Только они с сигнализацией друг друга не любят. Как концерт вчера?

Ройшн собрала четыре тысячи человек в «Б1».

— Славно. Ты же знаешь, Ройшн хочет играть площадки как можно больше. Я, положим, люблю видеть, для кого играю, не за полкилометра за заграждением и спиной секьюрити, но это уж мои тараканы.

Наш травмоконцерт закончился именно речью Эдди. За это время видео с несчастным случаем Ройшн обогнало по популярности в интернете все ее видеоклипы. Эдди — незаменимый хелпер: в последние месяцы существования ансамбля Молоко послом курсировал между Марком Брайдоном и Ройшн, из одного угла студии в другой.

— Эдди, — просил Марк, — не мог бы ты передать этой, что последний дубль у нее — позорище?

— Ройшн, — переводил Эдди, — Марку кажется, что последний дубль получился не очень.

— Эдди, — просила Ройшн, — скажи этому, пусть сам тогда записывает, раз так.

— Марк, — переводил Эдди, — Ройшн... эрм... не готова переписывать.

Золотой человек.

Вчера в Питере Эдди спал в лобби пятизвездочного отеля: новообретенную питерскую подругу ему пригласить в номер не позволили. Один из лучших английских клавишников, скромник и молчун, провел ночь на диване у ресепшна. Девушка приехала за ним из Питера. Собирается в Тбилиси. Надо обязательно проверить, чтоб они добрались до «Президента» без проблем. У Эдди — заглядываю в счет, чтобы сделать скидку, — сильно не первый Jameson. Смотрят «Евровидение».

— Францию представляет Себастьян Теллье!

Кавински отодвигает графин с водкой, вытягивается вверх и становится еще длиннее. Вика откладывает вилку. В кадр wpłyвает окладистая борода Теллье.

— Внимание! Пожарная тревога! — вступает автоматическая баба.

— Merde! — брякает стаканом об стол Кавински.

— Это возмутительно! На Билане тоже так будет? — взвизгивает столик утонченных любителей «Евровидения».

Эдди включает запись бабы бэк-вокалом на своем телефоне.

Вика молча смотрит на меня.

— Лика, — звоню менеджеру. — Мы выключаем — нет, не дым-машину, а сигнализацию. Кто отвечать будет? Я буду. Я уйду через месяц, пусть хоть клуб юного пожарника здесь открывают.

Баба стихает через две минуты вместе с Теллье.

Аня приносит Кавински еще бутылку водки. Извиняется.

— Эдди, — говорю я. — Мне кажется, ты хочешь немного поуправлять дым-машинкой.

— Это можно, — без удивления соглашается Эдди.

Кавински, бутылка и Аня перемещаются за вертушки. «Евровидение» продолжается без звука.

— Это возмутительно! — кричат любители «Евровидения». — Сейчас же Билан будет!

Действительно, на экране Дима Билан. Только за вертушками уже Кавински: Эдди жмет на кнопку, и экран, столики, танцпол скрываются в дыму.

— Он мертвого поднимет, этот твой Кавински! — кричу на ухо Вике.

Дипработница чокается со мной бутылкой вина, пожимает плечами: не слышит. Подняв бутылку, ныряет в толпу — Свобода, ведущая народ. Набриолиненное французское электро — бонвиванская ода разврату: любители «Евровидения» вскакивают на стулья, Эдди упрямо жмет на кнопку дым-машины, Аня не без озабоченности несет сквозь бесконечное облако дыма еще бутылку водки — и это облако комнатного счастья накрывает нас с головой.

Дома куда как веселее, чем на концерте KISS.

Я посадил Эдди с подругой на такси до отеля. Надеюсь, они улетели в Тбилиси.

Анечка отвезла в отель Кавински. Пришлось, говорит, снимать с него ботинки — сам не мог. Обещал ей золотую клубную карту — вход во все парижские клубы. Месячный проездной.

Вика по состоянию здоровья взяла выходной на работе. Дима Билан выиграл «Евровидение».

Broken Social Scene попеременно выбегают из-за обеденного стола, подбегают к высокому окну и разглядывают мокнущую под дождем толпу.

— Быстрее бы они внутрь попали, — роняет Брендан Каннинг.

У Каннинга, моего ровесника, бородачи Деда Мороза, отчего он кажется намного старше: поверить, что грэмми-носица Feist ему подруга и соратник, никак нельзя. Меж тем так и есть: двенадцать человек разматывали саундчек на четыре часа, выдували атмосферные партии, разворачивали помпезные оркестровки, оттачивая звук на каждом канале с не свойственным клетчатым рубашкам перфекционистским упорством.

Рейтинги — глупейшая вещь, но рейтинги, в которых эти одиннадцать похожих на лесорубов детей и девушка — главный инди-бенд в мире, определенно имеют под собой почву.

Я видел сет-лист. Знаю, что будет добрая половина Broken Social Scene — программа часа на два, не меньше.

Еще я видел кассу и смотрел вместе с Бренданом в окно: знаю, что в зале будет от силы человек триста. Никаких больше риторических вопросов — в десятиmillionном городе группа Broken Social Scene нужна мне, Николя, Олейникову, горстке друзей-журналистов. Все. Для них и делаем. Не удивляются же организаторы татарской дискотеки, что «Олимпийский» им не собрать. Жанр «для таких, как мы» — опасен. «Таких» может не оказаться. Поэтому спасибо, что триста человек.

— Welcome, yes, tickets are still available! — слышу знакомое звонкое. Спускаюсь вниз — у Лены в очереди сплошные экспаты. Мокрые все, дождь в Москве.

Поднимаюсь наверх: Broken Social Scene сидят с насупленными лицами. Борщ не угодил?

— Грегори, мы видели шарики, — объясняет Брендан.

Канадское посольство прислало ящик шариков с канадским флагом.

— Это не годится, — Брендан сжимает шарик в руках, тот лопается, Брендан протягивает мне шмат белой резины. — Птицы в лесу это едят и умирают. Земля будет это переваривать триста лет. Я не хочу, чтобы это кидали на сцену.

Шарики не остановить: триста экспатов уже получили по шарiku на входе. По-моему, это правильно, когда охранник после неизбежного «Колющее-режущее?» протягивает тебе шарик.

Поднимаемся с Бренданом в зал. Так и есть — весь зал в шариках с кленовым листом. Населению не жаль гибнущих птиц.

— Давай договоримся, — подмигиваю я. — Отнять эту вредоносную резину мы уже у них не сможем. Кидать на сцену они ее будут, к бабке не ходи. Лопайте эти шарики, если будут мешать, пожалуйста. А уборщица их потом в специальный мешок соберет — смотри, мы его вот здесь, с краю сцены спрячем. Осторожно: голова!

— Да знаю я про голову! — смеется Брендан.

Не прошло и тысячи лет: на смертоносной притолоке красной лентой вылеплено: «HEAD!» Broken Social Scene оставит нам в наследство жизнеспасительную инсталляцию.

Впрочем, уже не нам. Анечка уезжает в Гоа. Олейников присоединится к ней попозже. Лика уходит работать в «Шанти». Я ухожу думать, куда я ухожу.

Дзен-буддист Андрей вчера проникся нашей беготней и принес из дома канадский флаг: ничто человеческое замдиректора не чуждо. Электрик Рахим закрепил красно-белый стяг на флагштоке у входа. Флаг вымок, разумеется. Я зря на Андрея сетую, и на подполковника зря, и на менеджеров, что шипят на расторопную Лику, — просто у них будет здесь другой клуб.

Недовольный Кевин Дрю первым поднимается по опасной лестнице. Сканеры высвечивают его на авансцене. Десяток шариков немедленно летит к ногам.

Топ-топ-топ-топ-топ. Штуки три — уничтожены. За два часа справятся со всеми.

Виновато улыбаюсь Николая. Он хохочет и машет мне рукой с ВИПа. Посольство на концерте в полном составе, от мала до велика. Не из-за флага и патриотических чувств, понятно. Из-за того, что пропустить этот концерт, находясь в городе, нельзя, невозможно.

— Мы Broken Social Scene, — говорит Кевин.

И еще два шарика — топ-топ, до свиданья.

Таню убили вчера ночью. Села не в ту машину. Нашли утром.

Слушай, я привез тебе из Роскильде датскую газету. Там Том Йорк похож на инопланетянина. Можно было бы приколоть к постеру Radiohead в съемной квартире. Неправедливо, что это я его увидел. И у меня остался твой «Ziggy Stardust». Я дослушаю. Я тебе потом отдам.

На

мосту

из Чарльзтауна

в город зима: снег

лупит по лицу, мост

открыт всем ветрам. Минус 15

на айфоне. Бостон в январе — не лучшее место для ленивых прогулок.

В Чарльзтауне мерзнут цветастые деревянные избы, на большой земле — жмутся друг к другу за витыми изгородями английские домины коричневого кирпича. До заиндевевшей истории Нового света — четыре часа китайским автобусом из Чайнатауна. Петербурга и в проекте не было, когда здесь открылся Гарвард.

Нет, до Симфонического зала пешком я отсюда точно не дойду. В метро немедленно. Не в последний раз гуляю — резных дверей, европейских кафе, вздернутых английских профилей настороже («стой, кто идет?») мне дали сегодня вдоволь. Вернусь летом.

Я могу сколь угодно себе врать, что трясся четыре часа по заснеженному хайвею из Нью-Йорка ради патриотической Тропы свободы и гарри-поттеровских кварталов Кембриджа. Даже Тонарм, посадивший меня с утра в китайскую таратайку, не поверит, что это из туристических побуждений: с ним-то у нас одинаково головы устроены. Это Аманде можно рассказывать. Я знаю, что мерзну здесь ради того, чтобы добраться до таунхауса у Симфонического, где под дверью сидит в снегу лилово-черный пупс: черные искусственные цветы у пупса в ногах и Аманде звонить один раз. А я — палыцы на морозе и звонок попадают не сразу — позвонил дважды.

— Ты так и будешь стоять? — строгий взъерошенный старец хорошо бы смотрелся в «Твин Пиксе».

— Здравствуйте, — бормочу я.

Почему у него в руках павлинье перо?

— Это ко мне, — кричит со второго этажа низкий голос.

Обладательница контральто спускается по скрипучей лестнице, тянет меня за руку наверх два или три пролета туда, где камин освещает злобещий кукольный дом, бро-

шенная на деревянный пол медвежья шкура прикрывает черную пустоту трещин, а за бесконечной стеной пыльных книг наверняка есть потайная дверь — не в страну чудес, так, на худой конец в голову Джона Малковича. В лофте под остроконечной крышей — черное-черное пианино с подсвечниками на передней панели. Вот про кого мне рассказывали страшную историю в детском саду. Здравствуйте, много о вас слышал.

Оформлять альбомы The Dresden Dolls Аманда Палмер могла бы не выходя из своего дома. Только камеру в руки и на спуск нажимай. Я был уверен, что она — раненый зверь, массивная самка, скрывающая крупные черты под гримом кабаре — все как на сцене. Я дурак. Она красавица.

Аманда закутывается в куртку, мы сворачиваем из заколдованного дома за угол — обедать.

— Равиоли будешь? — спрашивает Аманда. — Ресторан итальянский.

Я терроризировал всех, кто работает на Аманду, три года — с тех пор как застал ее на Роскильде и понял, что не видел концерта сильнее. За три года, добавившие к моей истории еще тысячу концертов, статус-кво не изменился. И не для того ли я в этот клуб ввязался, чтобы привезти The Dresden Dolls? Дремучее меломанство — стучать телеграммы агенту, менеджеру, артисту, поздравлять друг друга с праздниками, не пробалтываться журналистам, что барабанщик Брайан, без которого The Dresden Dolls не бывает, едет в тур с Nine Inch Nails, и покорно ждать снова. Всего-то три года. Промоутеры ждут годами, если не десятилетиями. У меня нет десятилетия в запасе. Мне нужно успеть. Вместо концерта — получил приглашение на обед.

— Альбом выйдет весной, — проводит Аманда пальцем по нарисованной витой брови. — Значит, в августе у меня будет промотур в Европе. До тех пор, где-то в мае, я должна навестить друга в Берлине, но это будет зависеть от того, не придется ли заниматься связками. У моего врача есть ряд вопросов к моим связкам, ха!

— То есть, возможно, — осторожно уточняю я, — если будет складываться, май или август?

— Обязательно, май или июль — август! Мы слишком долго говорим про Москву, не так ли, ха?

Будильник. Конец послеобеденной дремы. Надо наконец купить вентилятор — плюс 33 на сковородке Тверской невыносимы.

Сегодня 18 июля 2008 года. Ни мая, ни августа не было и не будет. Сначала подвели связи, потом отменился промотур. Обычная текучка. Я отправлю Аманде открытку к Рождеству, больше ей пока писать мне не о чем.

Я ушел из клуба «Икра» неделю назад. Бросил в сумку папки контрактов, автограф на листе: «Amon Tobin. Soldout», записку завскладом: «Нина, нужно срочно найти костный мозг», стопку не дождавшегося своего часа в оранжевом зале оранжевого винила. Олейников был наверху, на концерте «Аквариума»: обойдемся без торжественных прощаний, не в Сибирь уезжаю. «Аквариум» не последний, надеюсь: я так и не дошел до зала, застегнул сумку, помахал рукой новому ассистенту, пожал руку Жене Малышу и прыгнул в машину.

Все афиши с автографами, журнальные вырезки, сет-листы за два года оставил Олейникову. Это принадлежит клубу.

Олейников наверху внимал БГ. Тем временем внизу менеджеры выбросили за пятнадцать минут архив клуба «Икра». Убрались ко въезду в офис нового руководства. По правде сказать, офис был порядком захламлен.

На кой открывать клуб, городить огород, лезть со своим уставом в чужой монастырь, прикрываясь д'Артаньяном, с этой вот протестантской упертостью талдычить мирному населению про какие-то западные клубы и каких-то артистов, которые, кроме тебя и твоих нездешних друзей, нужны трем инвалидам, — если ты просто надеялся послушать Аманду Палмер, или кого там еще ты надеялся? Билет купи, лети и слушай.

Колониальный театр — индульгенция безобидному дилетантству.

18 июля.

День сурка.

Анечка встречает пятичасовой утренний из Берлина — саундчек у французов в семь утра, у датчан в восемь, с американцами по-прежнему неясно, в одиннадцать сцена

открывается; я строго-настрого запретил Ане ждать пред-
рассветную электричку до Шереметьево в баре в Столеш-
никовом переулке.

Аня живет в пампасах на Щелковской, надо где-то пару часов скоротать. Я ей не папа и не бойфренд — и я катего-
рически против баров. У нас завтра здоровенный фестиваль
на десяток групп, последний, ударный проект, впереди за
которым — ничего. Мы зарылись в графиках прилетов
и вылетов, мы не спим несколько дней (и не предвидится),
у Ани работы — по горло. Нечего стесняться, вот тебе моя
кухня, мой чайник, холодильник, душ и пена для ванны.
Лучше здесь эти полтора часа провести, чем на террасе
соседнего бара, уродливым зубом разрезавшего Столешников
пополам. Модный бар принадлежит дизайнеру Симачеву.
Каждый квадратный метр брусчатки приносит прибыль: мет-
ров оттяпано — раздулись плечо. Если смотреть изнутри, так
совсем и не уродство. А какое модным дизайнерам дело, как
оно там выглядит снаружи? Бабушек, которые ходили по
своему Столешникову за кефиром, давно здесь нет.

Мне тоже нет дела.

Просто я против, чтобы девочка в одиночку в четыре
часа утра по Москве гуляла. Про электричку — понимаю,
все хотят въехать в оторванный от цивилизации аэропорт
на свежеперекрашенной советской электричке. Это как
посмотреть программу «Сельский час» на плазменном эк-
ране в 3D Экспириенс. Только ж, правда, чем в баре пере-
жидать, почитай лучше до электрички книжку у меня на
кухне. Передохни, не лети.

Открытие главной сцены в одиннадцать.

Прощание в морге в девять.

В три ночи мимо меня будут проезжать Капа с Марой,
я им билеты обещал на фестиваль. В стопке билетов —
записанный рукой Мэтта телефон берлинского юриста. Это
откладываем в сторону. В четыре лягу на пару часов. А что,
уже три? Так, вот тебе, Аня, чайник — а я ботинки надви-
ну и вернусь через двадцать минут.

Маленькая красная машина тормозит у магазина «Москва».

Какие вы красивые, — раздвигаю губы в улыбке.

— Это не мы, это временный ковчег, мы в ремонте, —
смеется Мара. — Ты совсем замучен, да?

— Да нет, вполне себе, не первый день замужем. Отвлекающие факторы. Но автопилот работает. Заходите завтра обязательно, — протягиваю контрамарки.

— Угу, конечно! А мы с концерта едем — парилка как в бане, душа нет, мечтаем наконец добраться домой.

— Акустика?

— Электричество сегодня было. Слушай, — спохватывается Мара, — а у тебя пластинка-то есть?

— Нет пока.

— Так держи, — Капа проворно достает из сумки черно-белый фотоальбом. Диск внутри.

— Спасибо!

— И тебе спасибо. Ты что дальше делать-то собираешься?

— Хм. Жить. Перестать бегать. Блог заведу, буду рапортовать каждый раз, как пукну или чихну, или Дэвиду Тибету позвоню: «Грегори, — воскликнул Тибет. — Ну наконец-то ты позвонил! А вот ко мне тут как раз Дэвид Браун зашел, Михаила Боярского ждем», — журналист я или нет, в конце концов? Может, книжку начну писать: «18 июля. Три часа ночи. Маленькая красная машина тормозит у магазина “Москва” “Какие вы красивые!” “Это не мы, мы в ремонте”, — смеется Мара».

— Ну тебя, — Мара действительно смеется.

— Если уедешь, — добавляет Капа, — дай знать.

— Если — дам. От себя не уедешь.

Обнимаемся. Временный ковчег срывается с места.

Я возвращаюсь в подъезд, машинально перекладываю у входа кипу хорошо отпечатанной партийной прессы в ящик для мусора. Сталкиваемся с Анечкой на входе в квартиру. Аня накинула джинсовую куртку, книжка под мышкой, бодро — пора в аэропорт.

— Давай, удачи вам там! Позвоните в семь с площадью, ага?

— Не волнуйся. Я шу-шу из Шереметьево, если что.

Аня исчезает в лифте.

Я вынимаю из проигрывателя «Зигги Стардаста». Долго перебираю грудку разбросанных пластинок. Ложусь и слушаю тишину.

Григорий Гольденцвайг
КЛУБ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Редактор
Анна Алавердян

Корректор
Евгения Иншакова

Верстка
Валерий Кечкин

Художественное оформление
Григорий Златогоров

Издатель Ирина Евг. Богат
Свидетельство о регистрации
77 № 006722212 от 12.10.2004

121069, Москва, Столовый переулок, 4, офис 9
(рядом с Никитскими Воротами,
отдельный вход в арке)

Тел.: 691-12-17, 258-69-10. Факс: 258-69-09
Наш сайт: www.zakharov.ru
E-mail: info@zakharov.ru

Подписано в печать 12.08.2009. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Бумага писчая. Усл. печ. л. 12,6.
Тираж 2000 экз. Заказ № 385.

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru